

В. И. ТЮТЮГИН

**Лишение
права
занимать
определенные
должности**

**как
вид
наказания**

**по
советскому
уголовному
праву**

Харьков

**Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»**

1982

Тютюгин В. И. Лишение права занимать определенные должности как вид наказания по советскому уголовному праву. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те. 1982. — 145 с.

В монографии на основе анализа уголовного законодательства и судебной практики рассматриваются сущность лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вида наказания, основания, порядок и индивидуализация его применения, условия его назначения по совокупности преступлений и приговоров. Освещаются вопросы исполнения данного вида наказания и условно-досрочного освобождения от его отбывания.

Нормативные материалы приведены по состоянию на 1 января 1981 года.

Для научных работников и специалистов.

Рецензент: канд. юрид. наук *Е. В. Ворошилин*

Редакция гуманитарной литературы
Зав. редакцией *В. К. Горбатько*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Общие вопросы назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности	4
§ 1. Сущность лишения права занимать определенные должности как вида наказания	4
§ 2. Основания назначения лишения права занимать определенные должности	22
§ 3. Порядок назначения лишения права занимать определенные должности	37
§ 4. Индивидуализация наказания в виде лишения права занимать определенные должности	64
Глава II. Специальные вопросы назначения лишения права занимать определенные должности и условия освобождения от его отбывания	84
§ 1. Вопросы применения наказания, предусмотренного ст. 31 УК	84
§ 2. Назначение лишения права занимать определенные должности при совершении нескольких преступлений и по нескольким приговорам	87
§ 3. Условно-досрочное освобождение от лишения права занимать определенные должности	100
Глава III. Исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности	125
§ 1. Вопросы исполнения лишения права занимать определенные должности в действующем законодательстве и судебной практике	125
§ 2. Правовые гарантии исполнения лишения права занимать определенные должности	133
Список литературы	140

Владимир Ильич Тютюгин

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА
ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ
КАК ВИД НАКАЗАНИЯ
ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ**

Редактор *К. К. Гулый*

Обложка художника *В. А. Рияки*

Художественный редактор *В. Б. Мартыняк*

Технический редактор *Л. Т. Момот*

Корректоры *Л. П. Пипенко, Л. Ф. Федоренко*

Информ. бланк № 7238

Сдано в набор 03.09.81, Подп. в печать 15.06.82, БЦ 09301. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. 7,5 усл. пеп. л., 7,62 усл. кр.-отт., 8,2 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 714. Зак. 8648. Цена 1 р. 20 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Белгородская облтипография им. Ленина. Белгород, Б. Хмельницкого, 111 а.

ВВЕДЕНИЕ

Программа Коммунистической партии Советского Союза связывает ликвидацию преступности прежде всего с ростом материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся [3, с. 106]. Однако в современных условиях пока еще значительная роль в искоренении преступности отводится и правовым мерам воздействия. Указывая на высокую ответственность органов юстиции, суда, прокуратуры и советской милиции в деле укрепления социалистической законности и правопорядка, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС отмечал: «Советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание» [4, с. 65]. Таким образом, одним из важных средств борьбы с преступностью является уголовное наказание, от правильного применения и эффективного исполнения которого во многом зависит укрепление социалистической законности и правопорядка в Советском государстве. Поэтому в ст. 160 Конституции СССР прямо указывается, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

Анализ сущности и целей наказания в социалистическом обществе, законодательства об отдельных его видах, совершенствование практики их применения и исполнения имеют большое теоретическое и практическое значение. Поэтому проблемы наказания привлекают пристальное внимание советских криминалистов. Им посвящены многочисленные диссертации, монографии, научные статьи и практические пособия. Но наряду с глубоким и всесторонним изучением вопросов о понятии, сущности и целях наказания, анализом отдельных его видов, таких, например, как лишение свободы, исправительные работы, штраф, имеется и ряд наказаний, которые исследованы еще недостаточно. К ним относятся и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, анализу которого в литературе посвящены лишь статьи в сборниках, краткие разделы в монографиях, учебниках и пособиях. Однако в них не затрагиваются некоторые важные вопросы, в частности, сущность, основания, порядок и индивидуализация назначения данного вида наказания, условия его применения по совокупности преступлений и приговоров, условно-досрочное освобождение от его отбыва-

ния и др. Между тем их решение имеет свои особенности. Отдельные вопросы недостаточно четко урегулированы в законодательстве, по ряду из них в литературе высказаны противоречивые мнения, серьезные затруднения при их решении испытывает и судебная практика.

С учетом указанных обстоятельств, а также исходя из основополагающих принципов дальнейшего укрепления социалистической законности, сформулированных в решениях XXV и XXVI съездов КПСС, в монографии на основе анализа уголовного законодательства и судебной практики, изучения необходимой литературы предпринята попытка осветить в комплексном плане проблемы наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью¹. Это позволило сделать ряд выводов, высказать предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и судебной практики.

Автор выражает благодарность профессорам М. И. Бажанову, В. В. Сташису, преподавателям кафедры уголовного права Харьковского юридического института, а также рецензенту за ценные замечания, способствовавшие подготовке монографии.

Глава I.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ

§ 1. Сущность лишения права занимать определенные должности как вида наказания

Одним из видов наказания по советскому уголовному праву является лишение права занимать определенные должности. Ст. 26 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик², регламентирующая основания и порядок назначения этого вида наказания, указывает: «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено судом на срок до пяти лет в качестве основного или дополнительного наказания.

Это наказание может быть назначено в случаях, когда по характеру совершенных виновным преступлений по должности или при занятии определенной деятельностью

¹ Для краткости изложения данный вид наказания в настоящей работе именуется лишением права занимать определенные должности.

² В дальнейшем — Основы.

суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Аналогичные нормы содержатся в УК всех союзных республик, одни из которых (например, ст. 27 УК АзССР, ст. 26 УК КазССР) дополняют Основы лишь указанием на минимальный предел данного наказания, а другие (например, ст. 29 УК РСФСР, ст. 31 УК УССР) вместе с тем включают положения о сроке его исчисления в зависимости от того, присоединяется ли лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания к лишению свободы или к иному виду основного наказания.

Анализ лишения права занимать определенные должности предполагает прежде всего уяснение сущности (содержания) этого вида наказания, поскольку это позволит в известной степени судить о его эффективности и тех возможностях, которыми оно обладает по достижению стоящих перед ним целей.

Любое наказание является мерой государственного принуждения, которое выражается в его карательных свойствах. Характер и объем этих свойств, их структура и формы проявления имеют ряд особенностей в различных видах наказания. Однако для уяснения этих особенностей отправным выступает положение о том, что сущностью наказания, а не просто его составной частью (стороной, элементом), является кара, выражающаяся в тех лишениях и ограничениях, которые испытывает лицо при осуждении и отбывании конкретного вида наказания¹.

¹ В теории советского уголовного права вопрос о сущности, содержании или, как иногда пишут, внутренней структуре наказания является дискуссионным. Ряд специалистов, исходя из двудельной сущности (структуры) наказания, считают, что последнее состоит из двух элементов — кары и воспитания [16, с. 56—61; 82, с. 21—51 и др.]. Другие юристы, позиции которых разделяется и в настоящей работе, полагают, что сущность наказания исчерпывается карой [91, с. 35; 7, с. 119—125; 107, с. 55—59 и др.]. Подробный анализ приведенных мнений выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что признание кары сущностью наказания отнюдь не означает отрицания воспитательных свойств последнего, поскольку, являясь сущностью наказания, кара в то же время выступает и как своеобразное средство воспитания. Кроме того, следует иметь в виду, что наказание никогда не применяется лишь само по себе, и в процессе его исполнения в той или иной мере безусловно сочетается с иными, чисто воспитательными сред-

Лишение права занимать определенные должности как один из видов наказания также является карой. Последняя в этом, как и в любом другом наказании, выражается прежде всего в самом факте осуждения лица, в отрицательной морально-политической оценке поведения виновного, содержащейся в приговоре. Эта оценка, выступая существенным элементом кары любого наказания, причиняет виновному большие моральные страдания, заставляет его в ряде случаев пересмотреть свои жизненные позиции, отказаться от многих вредных привычек и взглядов, оказывает тем самым и воспитательное воздействие на осужденного [81, с. 120—123; 129, с. 44—45]. Если при лишении виновного свободы факт осуждения нередко оттесняется в его сознании на задний план по сравнению с предстоящей изоляцией от общества, то при назначении наказания, не связанного с лишением свободы, в том числе и при лишении лица права занимать определенные должности, факт самого осуждения приобретает немаловажное значение и ощущается особенно остро. Оставаясь на свободе среди привычного окружения, иногда в том же трудовом коллективе (но на иной должности), осужденный чувствует себя опороченным в глазах общества, испытывает настороженное, а часто и резко отрицательное отношение к себе со стороны окружающих, что, безусловно, вызывает серьезные моральные переживания и влияет на его последующее поведение.

Как уже отмечалось, кара в таком наказании, как лишение права занимать определенные должности, имеет и свои, присущие только данному уголовно-правовому средству особенности. Специфика этого наказания заключается в том, что суд — орган государства лишает виновного тех прав и возможностей, которые ему самим же государством предоставлены и гарантированы (37, с. 146).

Основу карательного содержания анализируемого наказания составляет как *лишение осужденного конкретных субъективных прав* (права на занятие определенной должности либо деятельностью и связанных с их осуществлением прав и полномочий), так и *временное ограни-*

ствами и методами воздействия, лежащими, однако, за рамками наказания и применяемыми наряду с ним [95, с. 94; 89, с. 6—13 и др.].

чение его правоспособности — возможности свободного выбора должности, профессиональной деятельности или иного рода занятий. Еще Н. С. Таганцев, характеризуя это наказание, писал, что оно «...прежде всего падает на общественную и служебную сферу деятельности виновного, и при том как по отношению к правам и привилегиям, им уже приобретенным, которым он уже пользовался, так и по отношению к самой возможности их приобретения, к его публичной правоспособности» [108, с. 1264].

Одним из существенных элементов правоспособности лица, как это следует из ст. 40 Конституции СССР (ст. 10 ГК УССР), является возможность свободного выбора профессии, рода занятий и работы, в частности выбор определенной должности либо деятельности в соответствии с призванием лица, его способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Как сама возможность занятия той или иной должности либо деятельностью (правоспособность), так и конкретное право отправлять определенную должность или заниматься соответствующей деятельностью, реализуемое в правоотношении (субъективное право), составляют один из существенных элементов общего и индивидуального правового статуса лица и охраняются законом. Однако осуществление лицом этих прав не беспредельно и охраняется государством лишь в случаях, когда их использование, как вытекает из ч. 2 ст. 39 Конституции СССР, не наносит ущерба интересам общества и государства, правам других граждан, т. е. находится в полном соответствии с законом и социальным назначением указанных прав в обществе (ст. 5 ГК УССР). Поэтому преступное использование прав и полномочий по должности, осуществление этих прав в противоречии с их назначением, невыполнение либо ненадлежащее выполнение профессиональных или иных общегражданских обязанностей ставит под сомнение возможность занятия лицом этой должности либо деятельностью, что ведет не только к отказу государства от охраны этих прав, но и влечет за собой в ряде случаев как лишение лица данных прав, так и лишение самой возможности их приобретения на определенный срок. Одним из специфических видов таких санкций и выступает наказание в виде лишения права занимать определенные

должности. Непосредственно вторгаясь в правовой статус конкретного лица, оно существенно изменяет его правовое положение, влечет за собой ряд серьезных ограничений, суживающих возможность его участия в той или иной области общественных отношений и составляющих основу его карательного содержания [144, 1958, № 7, с. 111; 14, с. 68—69].

Лишение права занимать определенные должности относится к числу срочных видов наказания, т. е. наказаний, длящихся определенный период времени, в течение которого на лицо оказывается соответствующее карательно-воспитательное воздействие. Поэтому карательные свойства этого наказания проявляются и в продолжительности его отбывания. Правоограничения, порождаемые этим видом наказания, претерпеваются осужденным в течение определенного времени — срока действия названного наказания. Осужденному далеко не безразлично, на какой срок он будет подвергнут соответствующим правоограничениям. Чем более длительный срок осуждения к лишению права занимать определенные должности, тем большими карательными свойствами оно обладает, тем большие материальные и моральные лишения оно причиняет осужденному. В связи со сказанным особое значение имеют пределы этого вида наказания, ибо от их рамок зависит объем кары в наказании, увеличение или уменьшение карательного воздействия на виновного.

Установленный в законе высший предел лишения права занимать определенные должности во всех УК одинаков — пять лет. Низший его предел по большинству УК составляет один год, а по УК ЭССР — шесть месяцев. И лишь в ст. 31 УК УССР¹ не содержится указаний на минимальный предел этого вида наказания. Поскольку срочный характер данного наказания является одним из конкретных проявлений его карательных свойств, то такая позиция законодателя УССР вызывает серьезные возражения. Во-первых, она не соответствует традиционной законодательной обрисовке пределов срочных видов наказаний; во-вторых, зачастую ведет к произвольному установлению минимума этого наказания судами, к неоправданному расширению рамок судей-

¹ При ссылках на УК, если иное не оговорено, имеется в виду УК УССР 1960 г.

ского усмотрения. Видимо, этим и объясняется то обстоятельство, что в судебной практике еще встречаются приговоры, по которым виновные лица лишаются права занимать определенные должности на крайне небольшие сроки (иногда даже на три месяца), что, безусловно, не может дать ни должного карательного, ни необходимого предупредительного эффекта. Представляется, что указанный пробел должен быть восполнен законодателем путем приведения ст. 31 УК УССР в этой части в соответствие с аналогичными нормами большинства УК союзных республик.

Устанавливая рамки наказания на срок от одного года до пяти лет, закон, таким образом, предоставляет суду довольно широкие возможности выбора конкретной меры данного вида наказания. Учитывая обстоятельства дела, личность виновного и руководствуясь ст. 31 УК либо пределами санкции статьи Особенной части УК, суд в каждом конкретном случае должен установить в приговоре срок лишения права занимать определенные должности, определяя тем самым тот допустимый объем кары, который действительно необходим и достаточен в целях исправления и перевоспитания виновного, а также предупреждения совершения новых преступлений как самим осужденным, так и иными лицами. Это тем более важно, что советское уголовное право (как, впрочем, и другие отрасли права) не знает бессрочного лишения лиц права на занятие той или иной должности либо деятельностью.

Отметим, что в судебной практике преобладает назначение этого наказания на сравнительно продолжительные сроки [143, 1979, № 9, с. 62]. Так, 91,5% осужденных по изученным делам были подвергнуты рассматриваемому наказанию в пределах от двух до пяти лет. Причем более половины из них (53,8%) были осуждены на трехлетний срок. Значительное число лиц осуждается и к максимально возможному сроку этого вида наказания. Например, из общего числа осужденных к лишению права занимать определенные должности, назначенному в качестве основного наказания, 65,9% лиц были подвергнуты последнему на максимально возможные в соответствии с санкцией сроки. Среди осужденных к указанному виду наказания, назначенному в качестве дополнительной меры, 21,9% лиц были осуждены на пятилетний

срок. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в результате применения данного наказания большинство лиц на сравнительно продолжительное время устраняется из той или иной сферы общественных отношений, лишается конкретных прав, ограничивается в выборе рода занятий, что причиняет им не только моральные страдания, но и серьезно затрагивает их имущественные интересы, оказывает заметное влияние на материальное положение этих лиц и членов их семей.

Указанные основные элементы кары наказания в виде лишения права занимать определенные должности не только не исчерпывают его содержания, но и влекут за собой ряд иных, не менее значительных правоограничений материального и морального порядка.

Довольно часто рассматриваемое наказание применяется к лицам, занимающим те или иные должности в государственных либо общественных предприятиях, учреждениях и организациях (при этом эти должности могут быть платные и бесплатные, занимаемые по назначению или выборные, постоянные или временные и т. п.) или осуществляющим профессиональную деятельность. Занятие же определенной должности, профессиональной деятельностью связано с соответствующим уровнем образования, прохождением обучения и получением профессии, специальности, квалификации. Так, по изученным делам 14,6% лиц, осужденных к данному виду наказания, имели среднее специальное, незаконченное высшее или высшее образование; 41,2% лиц были лишены права на управление транспортными средствами. Следовательно, применение данного вида правоограничения к этим категориям лиц делает невозможным на определенное время использование полученных специальных знаний, приобретенной профессии и квалификации [69, с. 11]. Не компенсируются и те материальные издержки, затраты физических и духовных сил, которые были вложены лицом в процесс обучения, овладения профессиональными навыками, специальностью. Более того, применение этого наказания, особенно на максимальные сроки, к указанным лицам ведет в некоторых случаях и к их полной деквалификации. Такое положение возможно в отношении лиц, должный уровень профессиональной подготовки которых нуждается в постоянном практическом опыте работы (например, врач-хирург, водитель транспортных средств

и т. п.). Следует также иметь в виду, что лишение лица права заниматься некоторыми видами специальной деятельности иногда приводит к тому, что лицо полностью утрачивает право на занятие деятельностью такого рода, поскольку даже по истечении срока наказания право на занятие отдельными видами деятельности автоматически не восстанавливается. Например, лицо, лишенное права на управление транспортными средствами на срок свыше года, может быть вновь допущено к этой деятельности лишь в случае успешного прохождения им квалификационных испытаний по истечении срока наказания. Таким образом, право на управление транспортными средствами не восстанавливается здесь автоматически, а приобретает заново.

Приведенные последствия применения наказания должны учитываться судом при избрании его конкретной меры. Дело в том, что лишение права занимать определенные должности, как и любой другой вид наказания, наряду с положительными (достижение стоящих перед ним целей) может вызвать и ряд отрицательных последствий (потеря квалификации, сложность возвращения к выполнению прежних трудовых функций и на этой почве возникновение чувства протеста и озлобления, устранение из сферы материального производства на длительное время специалистов высокой квалификации и т. п.). Поэтому излишнее увлечение здесь репрессией, неоправданное увеличение срока анализируемого наказания, особенно, если речь идет о его применении к высококвалифицированным специалистам, допустившим преступные нарушения профессиональных обязанностей, способно нанести вред и интересам самого народного хозяйства, чревато неблагоприятными социальными последствиями.

Одним из ощутимых карательных свойств наказания в виде лишения права занимать определенные должности является лишение осужденного права заниматься привычной для него деятельностью, которая в ряде случаев потребовала от него весьма длительной и нелегкой специальной подготовки, соответствовала призванию и склонностям, материально его обеспечивала [37, с. 150; 73, с. 64]. Получение определенного специального образования, обучение той или иной профессии, длительное время работы в соответствующей должности свидетельствуют, как правило, об индивидуальных склонностях

лица, о его способности и желании заниматься именно данной деятельностью, о соответствии характера работы его призванию и индивидуальным качествам. В. П. Махоткин справедливо отмечает, что одним из объективных критериев соответствия профессиональной деятельности индивидуальным качествам и склонностям лица выступает длительный стаж работы по определенной специальности либо должности. Выборочные же обобщения судебной практики показывают, что более чем у 50% осужденных к рассматриваемому наказанию стаж работы составляет от 5 до 10 либо свыше 10 лет [73, с. 64]. Такие лица переносят применение к ним данного наказания особенно тяжело. Кроме того, материальная заинтересованность, как известно, не единственная сторона отношения к труду. Все бóльшую роль играет в настоящее время и непосредственный интерес к самому процессу труда, переживание и осознание лицом социальной значимости результатов своего труда, его моральная оценка [94, с. 54]. Для большинства лиц совсем не безразлично, какую должность они занимают, какие трудовые функции осуществляют. Лишение виновного права на занятие должности либо деятельностью, соответствующим характеру его индивидуальных качеств, вызывает серьезные моральные переживания и вынуждает его в ряде случаев заниматься деятельностью, не отвечающей его духовным запросам, снижает его активность в процессе труда, удовлетворенность его результатами.

Лицо занимает ту или иную должность либо занимается профессиональной деятельностью в коллективе. Осуждение его к наказанию, предусмотренному ст. 31 УК, ставит его в большинстве случаев вне прежнего коллектива, что также влечет за собой определенные затруднения и лишения. Осужденный «выпадает» из привычного окружения, обстановки; утрачивает приобретенный авторитет и репутацию; факт осуждения порождает определенные трудности в новом трудоустройстве. Лицо вынуждено переходить на другую работу, где попадает в иные, зачастую непривычные для него условия, в иное социальное окружение. Возникает необходимость нового утверждения в обществе, завоевания авторитета и уважения со стороны нового коллектива, что требует определенного времени, необходимых затрат физических

и духовных сил. Кроме того, новая должность, иная профессиональная деятельность являются, как правило, менее квалифицированными, менее ответственными, а часто и более трудоемкими. По изученным делам, например, лица, лишённые права занимать определенные должности в торговых предприятиях и предприятиях общественного питания на основании ст. 155 и 156¹ УК и оставшиеся работать в этих же организациях, были вынуждены в большинстве случаев заниматься неквалифицированным и более трудоемким трудом (уборщицы, судомойки, грузчики, подсобные рабочие и т. п.).

Назначение рассматриваемого вида наказания во многих случаях требует от осужденного приобретения новой профессии, специальности. Так, по данным В. П. Махоткина, около 30% осужденным, перешедшим на другую работу в связи с применением этого наказания, пришлось осваивать новую профессию, проходить обучение [72, с. 6—7]. Овладение же новой профессией, квалификацией всегда связано с ощутимыми материальными издержками, затратами физических сил и психологическими переживаниями. Этот процесс нередко требует специального обучения, накопления более или менее значительного опыта практической работы. Осужденному определенное, иногда довольно значительное время приходится быть в роли ученика, что порождает неуверенность в будущем, ощущение своей неполноценности. Особенно нелегко сознавать это лицам, занимавшим до осуждения ответственные должности или выполнявшим работу высокой квалификации. Серьезные психологические переживания, глубокую моральную травму вынужденное положение ученика причиняет лицам зрелого либо пожилого возраста, длительное время до осуждения выполнявшим привычную для них работу по определенной специальности. Таких лиц не так уж мало. По изученным делам более 66% осужденных, лишённых права занимать определенные должности, были старше 30 лет, причем возраст более 50% из них составлял 41—60 лет.

Занятие определенной должности либо профессиональной деятельностью предполагает и право на оплату труда в соответствии с его количеством и качеством. Лишение же виновного права на занятие определенной должности либо деятельностью объективно влияет на уровень заработной платы, в ряде случаев существен-

но снижая ее. По некоторым выборочным исследованиям, около 50% лиц, осужденных к данному виду наказания, получают по новому месту работы более низкую заработную плату, чем до осуждения, причем уменьшение ее довольно значительное. Отмечается, например, что с переходом водителя, лишённого права на управление транспортными средствами по приговору суда, на работу в качестве слесаря или иную работу, связанную с обслуживанием автотранспорта, его заработная плата снижается на 30% по сравнению с получаемой до осуждения [72, с. 7].

Снижение заработной платы объясняется прежде всего отстранением от работы должностных лиц, вынужденных выполнять трудовые функции, оплачиваемые ниже прежних окладов. Необходимость получения новой профессии и квалификации вынуждает многих осужденных проходить обучение, что также сказывается на уровне заработной платы. Кроме того, переход на иную работу в подобных случаях связан вначале с выполнением работы, как правило, невысокой квалификации и, следовательно, нижеоплачиваемой. Таким образом, одним из действенных карательных свойств лишения права занимать определенные должности является объективное влияние этого вида наказания на материальное, имущественное положение виновного.

Применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности влечет за собой и наступление последствий, связанных с ограничением ряда трудовых прав, льгот и преимуществ виновного, что также является одним из проявлений карательных свойств названного вида наказания. Например, переход на другую работу в связи с осуждением к этому наказанию может повлечь за собой потерю лицом права на очередной отпуск и получение его лишь по истечении 11 месяцев со дня поступления на другую работу (ст. 79 КЗоТ УССР). Увольнение лица до истечения календарного года в связи с применением к нему данного наказания лишает его права и на получение вознаграждения по итогам годовой работы предприятия, установленного ст. 101 КЗоТ УССР.

Лишение осужденного права на занятие определенной должности или профессиональной деятельностью во многих случаях отражается и на трудовом стаже лица,

что в свою очередь связано с правовыми последствиями, лишаящими его ряда льгот и преимуществ. Увольнение лица и переход на другую работу как следствие осуждения к рассматриваемому виду наказания влекут в некоторых случаях утрату непрерывного трудового стажа¹, что ведет к уменьшению размера пособий по государственному социальному страхованию; снижает либо совсем исключает установление надбавок к пенсиям по старости и инвалидности; лишает осужденного права на получение единовременного вознаграждения за выслугу лет, надбавок к заработной плате, права на дополнительный отпуск и т. п.

Увольнение лица в связи с осуждением к наказанию, предусмотренному ст. 31 УК, может также прервать специальный трудовой стаж (продолжительность работы в определенных должностях, видах работ или в определенных условиях), который учитывается при назначении пенсий по старости и инвалидности либо пенсии за выслугу лет, при определении размеров должностных окладов работников некоторых категорий (медицинские работники, учителя, работники транспорта и др.), при предоставлении отдельных видов дополнительных отпусков, при начислении надбавок к заработной плате или выплате единовременного вознаграждения за выслугу лет и т. п. При перерыве специального трудового стажа эти льготы полностью утрачиваются либо предоставление их существенно уменьшается.

Осуждение лица к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности порождает, наконец, судимость, что также является одним из конкретных проявлений его карательных свойств. Как во время отбывания наказания, так и после его отбытия наличие у лица судимости влечет за собой ряд последствий уголовно-правового и общеправового характера,

¹ Непрерывный трудовой стаж определяется как продолжительностью непрерывной работы в качестве рабочего или служащего, как правило, на одном предприятии [28, с. 30—36]. Согласно п. «в» ст. 7. Правил исчисления непрерывного трудового стажа последний не сохраняется за лицом при поступлении на работу после прекращения трудового договора на основании вступления в законную силу приговора суда, которым рабочий или служащий осужден к наказанию, исключающему возможность продолжения данной работы [134, 1973, № 10, ст. 51].

что еще более усугубляет положение лица, порождает определенные неудобства, существенно ущемляет интересы личности [33, с. 6—12; 29, с. 6—17]. Наличие у лица судимости к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности приобретает особое значение, поскольку может породить ряд правоограничений, сходных по своему характеру с этим наказанием (например, запрещение занятия материально ответственных должностей лицам, имеющим судимость за корыстные преступления), что, естественно, сказывается на правовом положении лица, суживает возможности его участия в определенной сфере общественных отношений [143, 1976, № 1, с. 38—41].

В судебной практике лишение права занимать определенные должности наиболее часто применяется в качестве дополнительного наказания. Своеобразие последнего проявляется в том, что его присоединение к основному наказанию усиливает карательно-предупредительное воздействие не только всего наказания в целом, но и прежде всего самого основного вида наказания. Это объясняется тем, что исполнение лишения права занимать определенные должности обладает некоторой спецификой, которая заключается в том, что согласно ч. 3 ст. 31 УК в случае присоединения этой меры в качестве дополнительного наказания она распространяет свое действие не только на время после отбытия, но и на весь срок отбывания основного наказания, независимо от его вида. Такое положение приводит к тому, что карательное содержание основного наказания как бы увеличивается за счет элементов кары, вносимых в него дополнительным наказанием. Возрастают и воспитательно-превентивные возможности основного вида наказания. Например, присоединение данного дополнительного наказания к исправительным работам может повлиять в первую очередь на выбор судом их вида. В случае невозможности использования осужденного на иной работе (должности) в данной организации суд с полным основанием может назначить более тяжкий вид исправительных работ — исправительные работы с отбыванием в иных местах. Если же лицо осуждается к исправительным работам по месту работы, то назначение в качестве дополнительного на-

казания лишения права занимать определенные должности ведет к необходимости перевода его на другую работу (должность), причем чаще всего менее квалифицированную, более трудоемкую и нижеоплачиваемую. Следовательно, к удержаниям из заработка, производимым на основании ч. 2 ст. 29 УК (до 20%), добавляется здесь еще и то, что сама заработная плата нередко уменьшается, иногда очень существенно.

Дополнительные лишения и ограничения испытывает, например, и лицо, условно осужденное к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 25¹ УК) и в качестве дополнительного наказания лишено права на управление транспортными средствами. Поскольку дополнительное наказание в данном случае распространяет свое действие и на время обязательного привлечения к труду, такое лицо уже в процессе отбывания основного наказания не может быть использовано по своей специальности водителя транспортного средства. Это приводит к тому, что осужденный вынужден заниматься неквалифицированным трудом либо овладеть новой профессией. Тем самым уже в ходе отбывания основного наказания осужденный испытывает дополнительные лишения и ограничения, связанные с назначением ему указанного дополнительного наказания.

Свойства лишения права занимать определенные должности при назначении его в качестве дополнительного наказания отягчать и основное наказание должны учитываться судом. Для достижения целей, сформулированных в ст. 20 Основ, суд должен стремиться к наиболее оптимальному варианту сочетания в приговоре основного и дополнительного наказаний, решая этот вопрос в каждом конкретном случае на основе глубокого и всестороннего учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность. Именно оптимальное сочетание основного и дополнительного наказаний выступает в качестве необходимого инструмента специальной и общей превенции, исправления и перевоспитания правонарушителей, служит одним из важных средств индивидуализации наказания. Более того,

объективное свойство дополнительного наказания — усиливать, при сочетании его с основным, тяжесть наказания в целом должно явиться достаточной компенсацией сокращения сроков основных наказаний или применения в рамках альтернативной санкции его более мягкого вида. Существенное значение приобретает это положение и при решении задачи сокращения использования в борьбе с менее опасными преступлениями лишения свободы либо снижения его сроков

Анализ карательных свойств лишения права занимать определенные должности тесно связан с вопросом о том, каким образом должны быть сформулированы в приговоре суда те реальные ограничения, которые возлагаются на осужденного в целях его исправления и перевоспитания, общего и специального предупреждения. Закон (ст. 26 Основ, ст. 31 УК) указывает на возможность лишения осужденного права занимать *определенные* должности или заниматься *определенной* деятельностью. Следовательно, суд должен конкретно и четко определить в приговоре, какие именно должности запрещается занимать или какой именно деятельностью не вправе заниматься осужденный в течение срока наказания. Иными словами, суд обязан конкретизировать правовой запрет в приговоре таким образом, чтобы он содержал в себе реальные ограничения для осужденного, исключал возможность совершения им аналогичных преступлений и был практически исполним [69, с. 11].

Формулировка правового запрета применительно к данному виду наказания имеет особое значение, поскольку от точности и четкости ее определения в приговоре зависят содержание и объем тех правоограничений, которые претерпевает осужденный в течение срока наказания и которые призваны оказать на него достаточно эффективное карательно-воспитательное и предупредительное воздействие. Зачастую в этом вопросе оказывает суду необходимую помощь сам законодатель, прямо указывая в соответствующей санкции статьи Особенной части УК на характер той должности или вид деятельности, права на занятие которых может быть лишено лицо по приговору суда. Например, в ст. 129 УК РСФСР закон говорит о возможности лишения

виновного права занимать должности капитана судна; в ч. 2 ст. 111 УК КазССР — заниматься медицинской деятельностью; в ст. 215 УК указывает на лишение права управлять транспортными средствами; в ст. 215² УК — занимать должности, связанные с ответственностью за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств, и т. п. Но в некоторых случаях с учетом того, что преступление может быть совершено в различных областях общественного производства и точно установить в законе характер той должности либо вид деятельности, преимуществами которых лицо воспользовалось для совершения преступления, не представляется возможным, в санкции лишь в общей форме указывается на необходимость лишения осужденного права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В этих случаях обязанность конкретизации правового запрета в приговоре полностью возлагается на суд, который с учетом обстоятельств конкретного дела должен определить, какие должности не имеет права в дальнейшем занимать виновный либо какой деятельностью он не вправе заниматься.

Однако в судебной практике это требование закона не всегда выполняется и нередко встречаются приговоры, в которых осужденным «запрещается работать в системе торговли или общественного питания», «занимать руководящие должности», «работать в системе того или иного министерства или ведомства», «занимать должности, связанные с материальными ценностями» и т. п. [18, с. 196—197; 85, с. 142 и др.]. Иногда судами допускаются ошибки такого рода, когда при назначении рассматриваемого наказания правоограничения, сформулированные судом в приговоре, не совпадают с фактическим выполнением осужденным определенных функций [143, 1974, № 2, с. 30—31]. К числу подобных ошибок относятся, например, случаи лишения права занимать материально ответственные должности лиц, которые фактически такие должности не занимали (например, бухгалтеров, виновных в хищении социалистического имущества) [69, с. 11; 74, с. 6].

Указанные ошибки приводят к тому, что назначенное виновному наказание в виде лишения права зани-

мать определенные должности является по существу беспредметным и не может быть практически исполнено, что в ряде случаев дает осужденному возможность, оставшись на прежней должности, вновь воспользоваться ее преимуществами для совершения аналогичного преступления. На необходимость устранения отмеченных недостатков в практике назначения данного вида наказания неоднократно обращалось внимание судов в руководящих разъяснениях высших судебных органов [137, с. 238; 143, 1977, № 8, с. 100—101; 145, 1969, № 6, с. 5 и др.]. Однако такие ошибки еще довольно часто допускаются судами, и по изученным делам, например, в отношении 22,5% осужденных к лишению права занимать определенные должности правовой запрет был сформулирован в приговоре неверно¹.

Отмеченные упушения усугубляются еще и тем, что в ряде случаев кассационные и надзорные инстанции исключают из приговоров дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности лишь по тем мотивам, что в приговоре не указана конкретная должность, которую осужденный не вправе занимать, или вид деятельности, которой он не имеет права заниматься. Это фактически ведет к ослаблению предупредительного значения приговора, поскольку анализируемое наказание является не только действенным средством борьбы с преступностью, но и одной из эффективных мер профилактики, предупреждения ряда распространенных преступлений [141, 1976, № 1 с. 8—9; 143, 1976, № 8, с. 97]. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР справедливо признал такую практику ошибочной и в постановлении от 28 ноября 1975 г. «О повышении роли судов в борьбе с хищениями социалистической собственности, в выявлении и устранении причин и условий, порождающих эти преступления» напомнил судам, что согласно разъяснению, содержащемуся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговоров», вопросы об уточнении долж-

¹ По данным исследования В. И. Плохой, ошибки в формулировке рассматриваемого наказания были допущены в 50% приговоров [92, с. 154].

ности или вида деятельности в этих случаях могут быть разрешены судом, вынесшим приговор, в порядке, предусмотренном ст. 369 УПК РСФСР, ст. 411 УПК УССР [141, 1976, № 1, с. 9]. Решая этот вопрос в постановлении от 29 августа 1980 г. «О практике назначения судами дополнительных наказаний», Пленум Верховного Суда СССР еще раз подчеркнул: «В случае, когда судом при назначении дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не точно определены должности или вид деятельности, суд кассационной (надзорной) инстанции вправе внести в приговор соответствующие уточнения, если это не ухудшает положения осужденного. Аналогичные уточнения в порядке, предусмотренном ст. 369 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик, вправе сделать суд, постановивший приговор» [141, 1980, № 5, с. 18].

Важные рекомендации по вопросу о формулировке правового запрета в приговоре содержатся и в постановлении Пленума Верховного Суда УССР от 29 апреля 1977 г. «О практике назначения судами Украинской ССР дополнительных мер наказания в виде конфискации имущества и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по делам о хищении государственного и общественного имущества». В п. 4 этого постановления указывается: «Приняв решение о лишении лица права занимать те или иные должности, суд в приговоре должен сформулировать это так, чтобы осужденный не имел права занимать указанные должности в любой отрасли народного хозяйства, а также должности, одинаковые по характеру с теми, используя которые, он совершил преступление» [143, 1977, № 8, с. 101].

Поскольку при назначении наказания, предусмотренного ст. 31 УК, задача состоит не только в отстранении лица от той должности, преимуществами которой он воспользовался для совершения преступления, но и в лишении его возможности претендовать на занятие такой должности либо деятельностью на определенный срок в целях исправления и перевоспитания осужденного, общего и специального предупреждения преступ-

лений, следует признать совершенно обоснованным разъяснение Пленума Верховного Суда СССР в постановлении от 29 августа 1980 г., согласно которому «то обстоятельство, что к моменту постановления приговора подсудимый уже не занимал должности или не занимался деятельностью, с которыми было связано совершенное преступление, не является препятствием для применения названного дополнительного наказания» [141, 1980, № 5, с. 17]. Этот вывод в полной мере распространяется и на случаи назначения лишения права занимать определенные должности в качестве основного вида наказания. Более того, лишение права заниматься некоторыми видами деятельности (например, права управлять транспортными средствами) может быть назначено судом в качестве уголовного наказания «независимо от того, что лицо уже лишено этого права в порядке административного взыскания» [141, 1980, № 5, с. 17]. Такое разъяснение закона исходит из того, что лишение права заниматься определенной деятельностью в качестве уголовного наказания как более строгое правоограничение, назначаемое приговором суда от имени государства, поглощает (заменяет) в данном случае аналогичную по содержанию, но менее строгую по характеру и последствиям меру административного воздействия, первоначальное применение которой не привело к положительным результатам в поведении лица. Указанные рекомендации, высказанные высшими судебными инстанциями, способствуют правильному пониманию и применению закона, повышают воспитательно-превентивное значение наказания в виде лишения права занимать определенные должности, содействуют эффективному достижению стоящих перед ним целей.

§ 2. Основания назначения лишения права занимать определенные должности

Основанием уголовной ответственности и, следовательно, необходимой предпосылкой назначения наказания является согласно ст. 3 Основ (ст. 3 УК) совершение лицом деяния, содержащего признаки конкретного состава преступления. Однако совершаемые в объективной действительности преступления различ-

ны, что ведет к необходимости установления разнообразных средств борьбы с ними, в том числе и различных видов наказания. Это выражается в системе наказаний (ст. 23 УК). Определяя в нормах Общей части УК различные виды наказаний, законодатель, однако, не только дает их описание, устанавливает порядок их применения, но и во многих случаях указывает на те специальные обстоятельства, при наличии которых возможно назначение того или иного вида наказания. Следовательно, для правильного, основанного на законе применения некоторых видов наказания необходимо не только установление того, что лицом совершено деяние, содержащее состав преступления, но и характеристика этого деяния. Нужно, чтобы деяние удовлетворяло определенным, указанным в законе требованиям, характеризовалось соответствующими объективными и субъективными признаками, наличие которых давало бы суду возможность применить именно данный вид наказания к виновному. Наличие таких признаков в совершенном лицом преступлении и служит основанием применения определенного вида наказания. Основания назначения наказания описываются законодателем в нормах Основ и Общей части УК, регламентирующих вопросы применения отдельных видов наказания.

Основания назначения лишения права занимать определенные должности указаны в ч. 2 ст. 26 Основ (ч. 2 ст. 31 УК), причем они являются едиными, общими независимо от того, назначается ли данное наказание в качестве основной или дополнительной меры. Как это следует из закона, рассматриваемый вид наказания может быть назначен лишь в случаях, если: 1) преступление было связано с занимаемой лицом должностью, профессиональной или иной деятельностью; 2) совершено лицом, которое во время преступного посягательства занимало ту должность либо осуществляло ту деятельность, которую оно использовало для совершения преступления; 3) характер преступного деяния, личность виновного и иные обстоятельства дела свидетельствуют о невозможности (убеждают суд в нецелесообразности) сохранения за виновным права на занятие определенной должности или деятельностью в дальнейшем.

Таким образом, закон прежде всего указывает, что данное наказание не может быть назначено за совершение любого преступления [145, 1963, № 21, с. 21; 37, с. 149]. Преступления, за совершение которых допустимо назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности, могут быть самыми различными. Это хищение социалистического имущества (ст. 84 УК) и обман покупателей (ст. 155 УК) или заказчиков (ст. 155¹ УК), служебный подлог (ст. 172 УК) и нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 215 УК), управление транспортными средствами в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 215¹ УК) и хищение наркотических веществ (ч. 2 ст. 229² УК) и многие другие. Однако независимо от того, посягают ли они на социалистическую собственность (ст. 84, 87 УК) или на интересы советской торговли (ст. 155, 156¹ УК), нарушают нормальную деятельность советского государственного аппарата (ст. 172 УК) или безопасность движения и эксплуатации транспорта (ст. 215 УК), совершаются умышленно (ст. 155¹ УК) или по неосторожности (ст. 215² УК), все они должны удовлетворять требованиям, содержащимся в ч. 2 ст. 31 УК, обладать общими чертами. Наличие общих черт, присущих этим преступлениям, дает возможность законодателю предусмотреть в санкции анализируемое наказание, а суду избрать его в случае совершения лицом данного деяния. Установив эти общие черты, которые свойственны различным преступным посягательствам, мы тем самым выясним и основания назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности.

Анализ ч. 2 ст. 31 УК показывает, что общие черты, которыми обладают данные преступления и которые служат основанием назначения за их совершение указанной меры воздействия, могут быть выявлены прежде всего при исследовании объективной стороны этих посягательств. Закон прямо ограничивает применение этого наказания *характером* преступного деяния, указывая на то, что преступления рассматриваемой группы совершаются по должности или при занятии определенной деятельностью. Иначе говоря, закон указывает на наличие связи между занимаемой лицом должно-

стью, осуществляемой деятельностью и совершенным им преступлением.

Такое толкование ч. 2 ст. 31 УК подтверждается и анализом тех преступных деяний, за совершение которых в санкциях статей Особенной части УК законодателем установлено лишение права занимать определенные должности в качестве основного или дополнительного наказания. Одни из этих преступлений характеризуются с объективной стороны использованием виновным прав и полномочий по должности, профессиональной или иной деятельности для совершения преступления (ст. 84, 155, 172 УК); при совершении других лицо не выполняет (ст. 87, 134, 215² УК) либо выполняет ненадлежащим образом (ст. 133, 215, 229⁷ УК) возложенные на него специальные обязанности. Конечно, сами по себе действия (бездействие) при совершении указанных преступлений могут быть различными, однако по своему характеру они всегда связаны с использованием прав и полномочий по должности, профессиональной или иной деятельности, с нарушением профессиональных или иных специальных обязанностей¹.

На общие черты подобного рода преступлений, чаходящие свое выражение в объективной стороне посягательства, обращается внимание в литературе. Так, П. С. Матышевский отмечает, что одной из общих черт хищений, совершаемых путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, является то, что при их совершении виновный нарушает не только право социалистической собственности, но и возложенные на него особые обязанности, связанные с оказанным ему со стороны государства или общественной организации доверием по распоряжению, управлению или хранению материальных ценностей. Этим обстоятельством, по мнению П. С. Матышевского, как раз и вызы-

¹ В понятие «использование прав и полномочий по должности, профессиональной или иной деятельности» здесь и далее вкладывается прежде всего объективный смысл, т. е. подчеркивается, что деяние лица обусловлено его служебным положением, профессиональными либо иными специальными функциями. Поэтому такое «использование» с точки зрения субъективной стороны деяния может характеризоваться как умысел, так и неосторожность. Из подобного толкования указанного понятия исходят и другие авторы [64, с. 66].

ваются необходимость установления за совершение преступлений, указанных в ст. 84 УК, дополнительной меры наказания в виде лишения права занимать определенные должности 68, с. 86—87. Анализируя ст. 87 УК, Н. И. Панов также отмечает, что в случаях причинения имущественного ущерба путем незаконного использования социалистического имущества виновные злоупотребляют оказанным им доверием, используют вопреки интересам социалистических организаций должности, которые они занимают по договору или соглашению, что в свою очередь и вызывает целесообразность применения к ним наказания, предусмотренного ст. 31 УК [143, 1972, № 11, с. 49].

Именно учетом характера совершенного деяния, когда между занимаемой виновным должностью, осуществляемой деятельностью и совершенным им преступлением имеется непосредственная связь, объясняется, по мнению В. В. Сташиса и А. Л. Белыхова, целесообразность назначения данного наказания за такие преступления, как выпуск недоброкачественной промышленной продукции, обман покупателей и заказчиков [105, с. 118, 126; 15, с. 126—127].

Еще более очевидна эта связь при совершении должностных преступлений, когда нормальная деятельность советского государственного аппарата нарушается путем использования виновным прав и полномочий, предоставленных ему по должности. Видимо, не случайно в ч. 2 ст. 31 УК законодатель прямо подчеркивает, что анализируемое наказание должно назначаться прежде всего за преступления по должности.

На допустимость назначения указанного вида наказания лишь с учетом объективных свойств совершенного преступления, т. е. в тех случаях, когда оно совершено путем использования лицом своего служебного положения или в связи с занятием им определенной деятельностью, неоднократно указывалось и в руководящих разъяснениях высших судебных органов [136, с. 41, 161—162; 141, 1975, № 2, с. 15; 1976, № 3, с. 8; 1977, № 4, с. 16; 142, 1973, № 9, с. 6; 143, 1971, № 8, с. 103]. Решая, например, этот вопрос в постановлении от 30 марта 1973 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов по осуще-

ствлению правосудия и укреплению законности в свете решений декабрьского (1972 г.) Пленума ЦК КПСС», Верховный Суд СССР указал на необходимость во всех случаях обсуждать вопрос о применении лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания в отношении лиц, «...совершивших преступления с использованием своего служебного положения или в связи с занятием определенной деятельностью» [141, 1973, № 3, с. 8]. Еще более определенно высказался по этому вопросу Пленум Верховного Суда УССР в названном ранее постановлении от 29 апреля 1977 г. Здесь обращается внимание судов на то, «...что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено лишь в тех случаях, когда хищение совершено виновным с использованием своего служебного положения или в связи с занятием им определенной деятельностью» [143, 1977, № 8, с. 101]. Положительно оценивается такая практика и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 августа 1980 г. «О практике назначения судами дополнительных наказаний» [141, 1980, № 5, с. 16].

Аналогично решается вопрос об основаниях назначения рассматриваемого наказания и в практике вышестоящих судебных органов по конкретным делам. Показательно в этом отношении дело Ф., который приговором Ленинского народного суда г. Курска был осужден за мелкое хищение продуктов (коньяка, спирта, конфет) из цеха кондитерской фабрики к одному году исправительных работ с лишением права занимать должности, связанные с обслуживанием материальных, денежных ценностей, в том числе должность бухгалтера, сроком на пять лет. Рассматривая это дело по протесту, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отметила, что «...дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с обслуживанием материальных, денежных ценностей, в том числе должность бухгалтера, назначено Ф. необоснованно и с нарушением требований ст. 29 УК РСФСР (ст. 31 УК). Необходимость назначения осужденному этого наказания суд мотивировал тем, что Ф., работая главным бухгалтером фабрики, как должностное лицо имел свободный доступ к готовой продукции и сырью и, пользуясь этим, совершал мелкие хищения. Однако такой мотив для применения к осужденному дополнительного наказания является неправильным. В соответствии со ст. 29 УК РСФСР (ст. 31 УК) лишение права занимать определенные должности назначается с учетом характера совершенного преступления, когда преступные действия лица непосредственно были связаны с выполнением им своих должностных (служебных) обязанностей. Действия Ф., покушавшегося на со-

вершение мелких хищений продуктов, в какой-либо связи с его работой как главного бухгалтера не находились. По характеру своей работы Ф. не являлся руководителем производства и посещение цехов в его обязанности не входило, взятые им из цеха продукты в его ведении не находились, материальную ответственность он за них не нес, каких-либо незаконных бухгалтерских операций для достижения преступной цели не производил. Поэтому преступление, совершенное Ф., не связано с его должностью бухгалтера» [142, 1972, № 9, с. 13].

Приведенные соображения позволяют сделать вывод о том, что хотя преступления, за совершение которых возможно назначение лишения права занимать определенные должности, различны, посягают на разные общественные отношения, совершаются в разнообразных сферах, все они в то же время характеризуются общими чертами, что как раз и позволяет суду в случае их совершения применить данное наказание. Эти общие черты находят свое выражение в том, что общественно опасное деяние виновного по своим объективным признакам непосредственно связано с осуществлением им своих служебных полномочий, профессиональной или иной деятельности, т. е. обусловлено социальной функцией субъекта. Иначе говоря, суд может лишить осужденного права занимать те должности или заниматься той деятельностью, с осуществлением которых было непосредственно связано совершенное им преступление [107, с. 233—236; 125, с. 111; 74, с. 6].

Непосредственная связь между занимаемой лицом должностью, осуществляемой деятельностью и преступным деянием заключается в том, что лицо пользуется их преимуществами для совершения преступления или же не выполняет либо выполняет ненадлежащим образом возложенные на него специальные обязанности вследствие недобросовестного к ним отношения, отсутствия необходимых навыков и т. п., что и приводит к наступлению вредных последствий. Известный русский криминалист Н. С. Таганцев писал, что данное наказание «должно быть назначаемо за те преступные деяния, которые по сопровождающим их обстоятельствам могут сделать опасным сохранение за осужденным этих прав, ввиду усмотренной судом его неспособности или нерадения и даже злоупотребления в пользовании этими правами» [108, с. 1268].

Использование служебного положения, (профессиональной либо иной деятельности служит здесь как бы средством, способом посягательства на объект и находится в причинной связи с наступившими последствиями. Чаще всего преступление в таких случаях представляет собой с объективной стороны общественно опасное, противоправное использование лицом своей трудовой функции (прав и обязанностей по профессии, специальности или должности). Однако неправильно было бы считать, что лишение лица права занимать определенные должности возможно лишь тогда, когда преступление было связано с трудовой деятельностью виновного. В литературе справедливо отмечается, что закон (ст. 31 УК) не ограничивает понятие определенной деятельности лишь деятельностью профессиональной. Таковой следует считать и иную, постоянную или периодическую деятельность, которая может быть даже побочным занятием лица [101, с. 248; 44, с. 73]. Закон (например, ст. 215 УК УССР, ст. 174 УК ГССР, ст. 180 УК УзССР) допускает лишение права на управление транспортными средствами и в отношении лиц, которые совершили преступление, управляя транспортными средствами, принадлежащими им на праве личной собственности. Однако и в этих случаях преступление связано с осуществлением лицом определенных специальных функций.

Общественно опасное осуществление служебных полномочий, профессиональной или иной общественно полезной деятельности приводит к утрате доверия, которое было оказано лицу со стороны государства или общественной организации. Следствием этого и является лишение виновного по приговору суда права на соответствующий срок занимать и претендовать на занятие той должности либо деятельностью (и аналогичным им по характеру правомочий), которые были использованы для совершения преступления.

Такая трактовка оснований применения лишения права занимать определенные должности подтверждается и анализом истории развития этого вида наказания в советском уголовном законодательстве. Так, уже в декрете СНК РСФСР от 5 мая 1921 г. «Об ограничении прав по судебным приговорам» прямо указывалось: «Лица определенных профессиональных занятий могут быть приговариваемы к лишению права заниматься профессиональной

деятельностью лишь в случае проявленного ими тяжкого нарушения профессиональных обязанностей» [133, с. 93—94]. Согласно ст. 48 УК РСФСР 1922 г. осужденный мог быть лишен права заниматься данной профессией или промыслом либо принимать на себя выполнение определенных обязанностей лишь в случае установления с его стороны систематических злоупотреблений при занятии своей профессией или промыслом или при исполнении должности. УК РСФСР 1926 г. (ст. 38) и УК УССР 1927 г. (ст. 35) предусматривали, что запрещение заниматься определенной деятельностью или промыслом может применяться лишь в том случае, когда вследствие установленных злоупотреблений осужденного при занятии своей профессией или промыслом суд признает невозможным (недопустимым) дальнейшее занятие такой профессией или промыслом. На ограниченный характер применения данного наказания — при условии установления злоупотреблений по должности, профессиональной или иной деятельности — указывалось и в литературе того периода [79, с. 222; 27, с. 423; 128, с. 210].

В настоящее время большинство ученых также считает возможным назначение рассматриваемого вида наказания лишь в случаях совершения преступления по должности или в связи с занятием определенной деятельностью [50, с. 20; 145, 1963, № 21, с. 21; 1974, № 21, с. 13; 37, с. 151; 60, с. 96; 31, с. 162 и др.]. Однако в литературе высказано и иное мнение, согласно которому анализируемое наказание может быть назначено даже тогда, «когда независимо от непосредственной связи преступного поведения с выполнением профессиональных функций подсудимый утратил моральное право на выполнение трудовой функции, требующей высокого личного престижа, авторитета» [86, с. 90; 72, с. 7—8].

Приведенные соображения в обоснование оснований назначения лишения права занимать определенные должности свидетельствуют, что указанная точка зрения противоречит закону, который прямо предписывает назначать данное наказание лишь в случаях совершения преступления *по должности или в связи с занятием определенной деятельностью*. Такое толкование закона неоднократно давалось, как было показано, и в руководящих разъяснениях высших судебных органов Союза ССР и союзных республик. По этому пути идет и судебная практика [143, 1979, № 6, с. 87—88]. К сказанному следует добавить, что «утрата лицом морального права» на выполнение тех или иных функций — критерий недостаточно определенный, чтобы служить основанием назначения данного вида наказания. Дело

в том, что любое преступление в той или иной степени выявляет отрицательные нравственные качества лица, однако это не дает еще оснований для применения к нему наказания в виде лишения права занимать определенные должности, даже если такое лицо и выполняет «трудовые функции, требующие высокого личного престижа и авторитета».

Закон выдвигает в качестве одного из оснований назначения рассматриваемого наказания прежде всего объективный критерий (момент) — наличие связи между занимаемой лицом должностью, осуществляемой деятельностью и совершенным преступлением, т. е. считает таким основанием обусловленность совершения преступления социальной функцией субъекта. Что же касается утраты лицом морального права на занятие определенной должности, то хотя такая «утрата» и проявляется в совершении лицом преступления, однако это прежде всего категория субъективная, связанная с характеристикой личности виновного. Безусловно, обстоятельства, характеризующие личность виновного с точки зрения соответствия его морального облика тем требованиям, которые предъявляются к лицам, занимающим определенные должности, не могут игнорироваться судом при назначении наказания. Но учет этих субъективных обстоятельств возможен лишь на основе установления объективного критерия — констатации непосредственной связи между совершенным лицом преступлением и занимаемой им должностью, осуществляемой деятельностью. Поэтому выдвижение в качестве основания назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности лишь «моральных качеств виновного» не дает суду какого-либо объективного критерия (масштаба), на основе которого может быть правильно решен этот вопрос. Критикуемая точка зрения не может быть принята и по существу, поскольку, как справедливо отмечает М. И. Бажанов, это может привести к чрезмерно широкому применению рассматриваемого наказания, к излишнему ущемлению субъективных прав личности [12, с. 207—208].

Позиция, которая критикуется, игнорирует и ту основную, главную цель, которая преследуется при назна-

чении данного вида наказания. Общеизвестно, что лишение права занимать определенные должности является прежде всего высокоэффективным предупредительным средством, поскольку оно призвано устранить условия, способствующие совершению преступления, лишить осужденного возможности совершать именно те преступления, которые были обусловлены занятием им определенной должности либо деятельностью [16, с. 61; 35, с. 139; 96, с. 70; 95, с. 135—136; 65, с. 44; 141, 1976, № 1, с. 8—9; 143, 1977, № 8, с. 100].

Характерно в этом отношении одно из дел, рассмотренное Верховным Судом РСФСР. Приговором Костромского городского народного суда К. была осуждена по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР (ч. 2 ст. 84 УК) к исправительным работам с лишением права занимать должности, связанные с воспитанием детей, в течение трех лет. К. была признана виновной в том, что, работая заведующей детским садом, систематически присваивала государственные денежные средства. Рассматривая это дело по протесту, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в своем определении указала: «В соответствии со ст. 29 УК РСФСР (ст. 31 УК) суд может лишить лицо права занимать определенные должности, если это лицо признано виновным в совершении преступлений, которые по своему характеру связаны с занятием этой должности. Поскольку К. совершила хищение государственных денежных средств, то суд мог применить к ней дополнительную меру наказания в части лишения ее права занимать должности, связанные с материальными ценностями. Лишение права занимать должности, связанные с воспитанием детей, является необоснованным, поскольку совершенное преступление не связано с воспитанием детей» [140, с. 95—96]. Аналогичные решения принимались Верховными Судами СССР, РСФСР, УССР и по другим подобным делам [139, с. 101—102; 140, с. 93—95; 143, 1979, № 6, с. 87—88]. В приведенном деле, несмотря на безусловную утрату лицом морального права занимать должности, связанные с воспитанием детей (конечно же, не может быть воспитателем расхититель социалистического имущества), наказание в виде лишения права занимать определенные должности совершенно обоснованно не было назначено, поскольку отсутствовала связь между занимаемой лицом должностью и совершенным преступлением. Однако это ни в коем случае не означает, что подобные лица могут быть оставлены на прежних должностях, занимать которые они утратили моральное право. В тех союзных республиках, УК которых предусматривают наказание в виде увольнения от должности, последнее с успехом может быть назначено в подобных ситуациях, поскольку его применение возможно во всех случаях признания судом невозможности оставления осужденного в занимаемой должности (ст. 31 УК РСФСР), вне зависимости от наличия либо отсутствия связи между совершенным преступлением и занимаемой лицом должностью. В тех же УК, где такое наказание отсутствует (например, УК УССР), вполне допустимо применение здесь норм трудового права (п. 7 ст. 36;

Как свидетельствуют материалы судебной практики, суды в целом правильно подходят к решению вопроса об основаниях назначения лишения права занимать определенные должности. По изученным делам, например, это наказание назначалось в основном по ст. 84, 86¹, 87, 147, 147¹, 155, 155¹, 156¹, 165—168, 172, 215, 215¹, 215², 229², 229⁷ УК, т. е. за такие преступления, совершение которых непосредственно связано с осуществлением виновным своих служебных полномочий, профессиональной деятельности или иных специальных функций.

Таким образом, одним из обязательных оснований назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности является совершение лицом преступления, которое по своему характеру непосредственно связано с занятием лицом определенной должности, профессиональной или иной деятельностью.

Анализ ст. 31 УК свидетельствует о том, что закон считает возможным применение указанного в этой норме наказания не к любому субъекту преступления, а лишь к лицу, которое, занимая определенную должность либо занимаясь соответствующей деятельностью, воспользовалось этим для совершения преступления или, ненадлежаще относясь к выполнению профессиональных либо иных специальных обязанностей, причинило тем самым существенный вред охраняемым уголовным законом интересам. Иначе говоря, между занимаемой лицом должностью, выполняемой деятельностью и совершенным преступлением существует непосредственная связь и по субъекту преступления.

Известно, что в теории уголовного права и судебной практике наряду с общими выделяют и специальных субъектов преступления, т. е. лиц, характеризующихся дополнительными, особыми, лишь им присущими признаками, часть из которых относится к профессии, занимаемой должности или выполняемым лицом обязанностям [84, с. 138; 56, с. 187]. При этом справедливо отмечается, что признание определенной категории лиц специальными субъектами обусловлено тем, что они вследствие занимаемого положения, наличия у них спе-

циальных полномочий или профессиональных функций могут совершать такие преступные деяния, которые не могут быть учинены другими лицами [59, с. 389]. Ст. 31 УК, указывая на наличие связи между занимаемой лицом должностью, осуществляемой деятельностью и совершенным преступлением, тем самым как раз и подчеркивает то обстоятельство, что, лишь используя специфические, присущие только ему качества, субъект совершает преступление, за которое к нему следует применить рассматриваемое наказание. Таким образом, закон ограничивает возможность назначения лишения права занимать определенные должности и по субъекту преступления. Оно может быть назначено не любому лицу, совершившему преступление, а только тому, кто, занимая определенную должность или занимаясь определенной деятельностью, использовал их для совершения умышленного либо неосторожного преступления.

Кроме того, лишение права занимать определенные должности при классификации наказаний относится к числу специальных (наряду с общими, универсальными) его видов. Признание этой меры специальным видом наказания также свидетельствует об ограничении возможности его применения лишь определенным, более или менее узким кругом лиц — специальными субъектами преступления [77, с. 34—35; 8, с. 37; 42, с. 230—231]. Заслуживает внимания и высказанное в литературе мнение о том, что существование уголовно-правовых норм, устанавливающих специальные виды наказаний, говорит о наличии известных особенностей в законодательстве при решении вопроса о наказуемости некоторых групп специальных субъектов [60, с. 61—62; 107, с. 109]. Тем самым наличие специальных видов наказания, к числу которых относится и рассматриваемое нами, определенным образом связывается с существованием специальных субъектов преступления. Применяя к специальному субъекту специальный вид наказания — лишение права занимать определенные должности, суд как бы лишает его тех особых качеств, которые отличают его от иных субъектов и которые позволили ему совершить именно данное преступление.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что назначение анализируемого вида наказания возможно

лишь лицу, которое во время совершения преступления выступало в качестве специального субъекта. Это подтверждается и характером тех преступлений, за совершение которых допустимо назначение лишения права занимать определенные должности в качестве основного или дополнительного наказания. Одни из этих преступлений, например, хищение социалистического имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (ст. 84 УК), неоказание помощи больному лицом медицинского персонала (ст. 128 УК РСФСР), служебный подлог (ст. 172 УК), в любом случае могут быть совершены лишь специальными субъектами. Другие, например, хищение социалистического имущества в особо крупных размерах (ст. 86¹ УК), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 87 УК), незаконное производство аборта, повлекшее за собой смерть потерпевшей или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 116 УК РСФСР), могут быть совершены как общими, так и специальными субъектами. Однако назначение за эти преступления наказания в виде лишения права занимать определенные должности возможно лишь тогда, когда они совершены специальным субъектом. Так, хищение в особо крупных размерах (ст. 86¹ УК) может быть совершено любым лицом, когда оно осуществляется, например, путем кражи, либо только должностным лицом, когда имущество обращается в свою либо пользу третьих лиц путем злоупотребления служебным положением. Однако назначение за это преступление рассматриваемого наказания возможно, разумеется, лишь в том случае, если оно было совершено специальным субъектом, т. е. в данной ситуации должностным лицом, использовавшим для совершения хищения свое служебное положение.

Таким образом, следующим *основанием назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности является совершение преступления специальным субъектом.*

Отметим, что круг этих специальных субъектов здесь неоднороден, в отличие, например, от субъектов должностных или воинских преступлений. Среди субъектов данных преступлений встречаются и должностные

лица (ст. 84, 172 УК), лица, которым на законном основании вверено социалистическое имущество (ст. 87, 229⁷ УК), медицинские работники (ст. 116, 128 УК РСФСР), работники торговли (ст. 155 УК, ст. 157 УК РСФСР) и автотранспорта (ст. 215, 215¹, 215²) и др. Следовательно, каждому из этих преступлений соответствует своя, более узкая группа специальных субъектов [117, с. 104—105; 120, с. 14].

Рассмотренные основания назначения лишения права занимать определенные должности могут быть названы общими, т. к. ими должен руководствоваться суд при решении вопроса о назначении данного вида наказания в любом деле, в каждом случае. Таким образом, *общие основания назначения лишения права занимать определенные должности содержат установленные в законе (ст. 26 Основ, ст. 31 УК) критерии, на которых должен всегда, при всех условиях, независимо от конкретных обстоятельств дела основываться суд, назначая рассматриваемое наказание.*

Но одних общих оснований для назначения этого наказания еще недостаточно. Учитывая карательные свойства наказания, которые существенно изменяют правовое положение осужденного, законодатель оговорил в ч. 2 ст. 26 Основ (ч. 2 ст. 31 УК), что оно может быть назначено только в случаях, *когда суд признает невозможным* сохранение за виновным права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в дальнейшем. Следовательно, как на одно из необходимых оснований назначения лишения права занимать определенные должности закон указывает на убеждение суда о нецелесообразности (невозможности) оставления виновного в прежней должности или занятия им соответствующей деятельностью [69, с. 11]. Это основание назначения наказания устанавливается судом (иначе говоря, убеждение суда формируется) в каждом конкретном случае, исходя из учета характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность. Иными словами, оно устанавливается на основе учета особенностей конкретного дела. Поэтому это основание может быть названо индивидуальным (частным).

Если общие основания назначения лишения права занимать определенные должности выявляются на основе общих положений, сформулированных в ч. 2 ст. 31 УК, то индивидуальное может быть установлено только в результате исследования и оценки фактических, сугубо индивидуальных обстоятельств конкретного дела. При этом следует иметь в виду, что для назначения рассматриваемого наказания необходимо сочетание в каждом конкретном случае общих и индивидуального оснований. Общие основания являются, так сказать, лишь возможным, потенциальным источником, предпосылкой назначения лишения права занимать определенные должности. Даже при установлении того, что преступление совершено специальным субъектом путем использования своего служебного положения или профессиональных функций.

суд вправе не назначить подсудимому данное наказание, если у него не сложится убеждение о невозможности сохранения за ним права занимать определенную должность в дальнейшем.

Решающая роль индивидуального основания для назначения данного вида наказания, широкий круг обстоятельств, характеризующих его содержание, предполагают самостоятельное рассмотрение этого вопроса. Подробный анализ обстоятельств, на основе выявления и оценки которых устанавливается частное (индивидуальное) основание назначения лишения права занимать определенные должности, содержится в § 4 настоящей главы.

§ 3. Порядок назначения лишения права занимать определенные должности

Порядок назначения наказания — это закрепленные в уголовном законе (в нормах Общей и санкциях статей Особенной части УК) обязательные правила его применения, которыми должен руководствоваться суд при назначении наказания за конкретное преступление.

Лишение права занимать определенные должности относится к категории так называемых «смешанных» видов наказания, поскольку (в отличие от основных и дополнительных в чистом виде) согласно ч. 3 ст. 23 и ч. 1 ст. 31 УК оно может быть назначено в качестве как основного, так и дополнительного наказания. Поэтому порядок его назначения предполагает выяснение правил его применения в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. Для этого необходимо проанализировать нормы Общей (нормы, регламентирующие наиболее важные, исходные правила назначения данного вида наказания) и Особенной (нормы, устанавливающие порядок применения наказания за отдельные виды преступлений) частей УК.

Назначение лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания. Сопоставление ст. 31 УК с общими началами назначения наказания (ст. 39 УК) позволяет утверждать, что лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания может быть назначено судом лишь тогда, когда оно как основной вид наказания (или как один из основных видов наказания в альтернативе с иными) прямо указано в санкции статьи Особенной части УК. Это общее правило, установленное для назначения любого вида основного наказания, отступление

от которого возможно лишь при применении ст. 37 Основ (ст. 44 УК).

Карательные свойства и воспитательно-превентивные возможности лишения права занимать определенные должности в качестве основного вида наказания неодинаково оцениваются в уголовном законодательстве союзных республик. Одни УК отдают предпочтение этому наказанию в качестве основного вида, другие — дополнительного. В УК ЭССР данное наказание в качестве основного вида предусмотрено в 16 статьях Особенной части; в УК УССР — в 7; в УК РСФСР — в 5; в УК АрмССР, БССР, ТаджССР и ТССР — в 4; в УК ГССР, КазССР, КиргССР и ЛитССР — в 2; в УК АзССР, ЛатССР и УзССР — лишь в одной статье, а в УК МССР это наказание в качестве основного вида вообще не фигурирует в санкциях статей Особенной части.

Различно определен в УК союзных республик и круг преступлений, за совершение которых в санкциях соответствующих статей предусмотрено лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания. Достаточно сравнить для этого хотя бы УК РСФСР и УК УССР. По УК РСФСР назначение рассматриваемого основного вида наказания возможно за: 1) хищение государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (ч. 1 ст. 92); причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 94); 3) незаконное производство аборта врачом (ч. 1 ст. 116); 4) обман покупателей и заказчиков (ч. 1 ст. 156); 5) выпуск в продажу недоброкачественных товаров (ст. 157). По УК УССР это основное наказание предусмотрено за: 1) причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 87); 2) воспрепятствование законной деятельности профсоюзов (ст. 132); 3) нарушение законодательства о труде (ст. 133); 4) отказ в приеме на работу беременной женщины (ст. 134); 5) обман покупателей (ч. 1 ст. 155); 6) обман заказчиков (ч. 1 ст. 155¹); 7) служебный подлог (ст. 172).

Можно также отметить, что по УК ЭССР, например, за совершение подавляющего большинства должностных преступлений в санкциях соответствующих статей

предусмотрено лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания; по УК УССР — лишь за совершение служебного (должностного) подлога; УК РСФСР вообще не устанавливает это наказание за совершение должностных преступлений. Между тем, регламентируя основания назначения данного наказания, закон (ст. 26 Основ) прежде всего имеет в виду необходимость его применения именно за должностные преступления, поскольку прямо предписывает, что оно в первую очередь может быть назначено за преступления по должности.

Анализ различий можно было бы продолжить, однако и приведенных данных достаточно, чтобы сделать вывод о том, что законодательная оценка этого вида наказания в УК союзных республик весьма разноречива. Такое положение вряд ли является нормальным, так как оно не может быть оправдано ни законодательными традициями, ни национальными особенностями союзных республик. Трудно объяснить эти различия и поисками наиболее оптимального варианта решения вопроса о порядке назначения данного вида наказания. Видимо, следует пойти по пути устранения указанных разночтений в законодательстве.

Установление в УК ответственности за многие преступления, не представляющие большой общественной опасности, делает вполне правомерной и постановку вопроса о более широком включении в соответствующие санкции лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания. Так, например, в УК УССР, кроме семи статей, предусматривающих это основное наказание, примерно еще около 50 статей Особенной части устанавливают ответственность за такие преступления, за совершение которых с учетом особенностей объективной стороны, субъекта, степени общественной опасности вполне целесообразно было бы и назначение лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания. К их числу можно отнести, например, преступно-небрежное отношение к охране социалистического имущества (ст. 91); незаконное производство аборта врачом (ч. 1 ст. 109); неоказание помощи больному лицом медицинского персонала (ст. 113); нарушение правил охраны труда без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 135); выпуск не-

доброкачественной промышленной продукции (ст. 147); приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (ст. 147¹); продажа недоброкачественных товаров в торговых предприятиях (ст. 156); злоупотребление властью или служебным положением (ч. 1 ст. 165) и превышение власти или служебных полномочий (ч. 1 ст. 166) без отягчающих обстоятельств; халатность (ст. 167); нарушение правил безопасности горных (ч. 1 ст. 218) или строительных работ (ч. 1 ст. 219) без отягчающих обстоятельств и т. п. Эти и подобные им преступления совершаются, как правило, путем использования виновным своего служебного положения, профессиональных функций, небрежного либо недобросовестного исполнения специальных обязанностей. Санкции этих статей устанавливают краткие либо небольшие сроки лишения свободы (как правило, максимум до трех лет) либо исправительные работы, штраф, общественное порицание. Включение в эти санкции в качестве альтернативы и лишения права занимать определенные должности существенно повысило бы их эффективность, особенно в области специальной превенции; снизило бы процент применения краткосрочного лишения свободы; позволило бы вести более действенную борьбу с этими преступными деяниями во многих случаях без изоляции виновного от общества; расширило бы возможности судов по индивидуализации наказания. Поэтому следует поддержать высказанные в литературе предложения о включении в санкции ряда статей лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания [58, с. 83; 17, с. 104—106; 146, 1975, № 3, с. 57—58; 53, с. 153 и др.]. Действительно, более эффективным во многих случаях было бы назначение указанного вида наказания за совершение таких преступлений, как, например, незаконное производство аборта врачом (ч. 1 ст. 109 УК), выпуск недоброкачественной промышленной продукции (ст. 147 УК), приписки и другие искажения отчетности (ст. 147¹ УК), халатность (ст. 167 УК), чем применение за них краткосрочного лишения свободы или даже в некоторых ситуациях исправительных работ. Тем более, что применение краткосрочного лишения свободы не всегда эффективно, поскольку исключает возможность осуществления достаточно действенных мер по исправлению и перевос-

питанию осужденного, приводит к ряду отрицательных социальных последствий, часто ведет к увеличению рецидивной преступности. Понятны в связи с этим и стремление Верховного Суда СССР ограничить применение в судебной практике лишения свободы на краткие сроки, и широкая ориентация судов на назначение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в том числе и лишения права занимать определенные должности [136, с. 7, 13; 141, 1979, № 4, с. 20]. Да и нет необходимости во многих случаях лишать свободы лиц, совершивших, скажем, незаконное производство аборта, выпуск недоброкачественной продукции или халатность. Более эффективным в ряде таких ситуаций может явиться отстранение их от занимаемой должности (выполняемой деятельности) и лишение права на ее занятие в течение известного периода времени.

Что касается исправительных работ, в особенности с отбыванием по прежнему месту работы осужденного, то назначение их за указанные и подобные им преступления не всегда целесообразно. Тем более это недопустимо в отношении лиц, совершивших преступления по должности или в связи с занятием профессиональной деятельностью по корыстным, карьеристским или иным низменным побуждениям. Именно в этом направлении ориентирует судебную практику и Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июля 1972 г. «О практике применения судами исправительных работ без лишения свободы» [141, 1972, № 4, с. 16]. Кроме того, лишение права занимать определенные должности по ряду своих карательных свойств является более репрессивным, чем исправительные работы. Не ставя перед собою задачу подробного анализа этой проблемы (это предмет самостоятельного исследования), отметим, что если при применении исправительных работ виновный, как правило, остается на прежней должности и выполняет привычную для него работу, то в случае назначения наказания, предусмотренного ст. 31 УК, лицо увольняется от должности и вынуждено выполнять другую работу, часто более низкой квалификации, более трудоемкую и ниже оплачиваемую. Иногда это приводит, как было показано выше, к полной утрате прежней квалификации. Кроме того, рассматриваемое

наказание может быть назначено на достаточно длительный срок (до 5 лет), тогда как исправительные работы — на срок не свыше одного года. При назначении лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания на максимальный срок это влечет наличие у лица судимости в целом в течение 6 лет, а при назначении исправительных работ — лишь в течение 2 лет. На эти обстоятельства обоснованно указывается в литературе [65, с. 57]. Характерно также и то, что конкретно-социологическое исследование группы осужденных к лишению права занимать определенные должности показало, что 18% из них рассматривают это наказание как более тяжкое по сравнению с исправительными работами [25, с. 117]. Таким образом, с полным основанием можно сделать вывод о том, что назначение лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания вместо исправительных работ во многих случаях совершения преступлений по должности или в связи с занятием определенной деятельностью было бы более целесообразным и эффективным. Однако для этого необходимо включить рассматриваемый вид наказания непосредственно в санкции соответствующих статей Особенной части УК.

Включение в санкции лишения права занимать определенные должности в альтернативе с другими видами основных наказаний привело бы и к более широкому применению его на практике. Это способствовало бы усилению специальной превенции в случае назначения данного вида основного наказания, что, как известно, не всегда обеспечивается применением исправительных работ, а тем более таких одноактных наказаний, как штраф или общественное порицание. Укажем, что 16,9% судей отметили при опросе, что одной из причин сравнительно редкого применения этого наказания на практике они считают недостаточное количество статей в Особенной части УК, в санкциях которых это наказание прямо предусмотрено, и поэтому высказались за увеличение числа таких санкций.

Наиболее удачно в этом плане решает вопрос УК ЭССР, где санкции 16 статей Особенной части предусматривают данное наказание в качестве основного вида. Серьезные возражения с этой точки зрения вызы-

вает позиция УК МССР. Закрепленная ст. 28 УК МССР вслед за Основами возможность назначения лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания не нашла своего развития в Особенной части этого кодекса, где ни в одной из санкций это основное наказание не предусмотрено. Здесь очевиден определенный разрыв между положениями Общей и Особенной частей УК, который должен быть устранен в законодательном порядке. Однако в настоящее время по УК МССР назначить лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания можно лишь в порядке перехода к другому, более мягкому виду наказания, т. е. фактически только в исключительных случаях.

Однако и по УК тех союзных республик, где лишение права занимать определенные должности как основное наказание прямо предусмотрено в санкциях соответствующих статей, применение его на практике еще недостаточно [143, 1973, № 7, с. 99; 137, с. 189; 47, с. 23; 92, с. 153]. Так в БССР назначение названного наказания в качестве основного вида исчислялось в 1962—63 гг. в 0,1%, а в последующие годы (по 1968 г. включительно) составило сотые доли процента от общего числа осужденных в этой республике за указанные годы [6, с. 56]. В настоящее время количество осужденных в БССР к данному виду основного наказания колеблется (в процентах к общему числу осужденных) от 0,03 до 0,1 [31, с. 39]. По данным Р. Орымбаева, по делам об обмане покупателей это основное наказание было примерно только к 5,2% осужденных [85, с. 142]. Обобщение практики по делам о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, проведенное Н. И. Паиновым, показало, например, что лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания было назначено за указанное преступление (ст. 87 УК) лишь в отношении 10,2% осужденных [88, с. 107]. В. И. Плохова, изучившая практику назначения рассматриваемого основного вида наказания по делам о хищении за пятилетний период, отмечает, что оно применялось в среднем в отношении 1,1% осужденных по ч. 1 ст. 92 УК РСФСР [92, с. 153].

Сложившееся положение объясняется многими об-

стоятельствами. Главным из них, как с точки зрения ученых-криминалистов, так и практических работников, является несовершенство порядка исполнения этого вида наказания [72, с. 11; 25, с. 117; 142, 1973, № 9, с. 2; 92, с. 153—155 и др.]. Не последнее место среди этих причин занимает и отсутствие в судах данных об эффективности рассматриваемого наказания, что ведет к недооценке его превентивных возможностей. Отметим также, что удельный вес применения конкретного наказания зависит не только от количества статей УК, в санкциях которых это наказание предусмотрено, но и от того, насколько часто совершаются преступления, за которые может быть это наказание назначено. В этом смысле недостаточно широкое применение лишения права занимать определенные должности вызвано отчасти тем, что оно как основное наказание предусмотрено в ряде УК союзных республик за преступления, которые практически вообще не встречаются в современных условиях (воспрепятствование законной деятельности профсоюзов — ст. 132 УК, отказ в приеме на работу беременной женщины — ст. 134 УК, неоказание больному медицинской помощи — ст. 126 УК ЭССР, нарушение тайны переписки — ст. 134 УК ЭССР и т. п.). Как уже указывалось, одной из причин редкого применения данного наказания в качестве основного вида является и недостаточное количество статей в УК, предусматривающих его непосредственно в санкциях.

Продолжая рассмотрение вопроса о назначении лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания, необходимо отметить единый подход УК союзных республик к конструированию санкций статей, предусматривающих это основное наказание. Все они без исключения являются альтернативными. Чаще всего это наказание предусмотрено в санкциях в альтернативе с лишением свободы, исправительными работами; реже — со штрафом, увольнением от должности, общественным порицанием, иногда в альтернативе с мерами общественного воздействия. Наиболее типично установление лишения права занимать определенные должности в альтернативе с несколькими другими видами наказаний (ч. 1 ст. 155 УК, ст. 157 УК РСФСР, ч. 1 ст. 177 УК АрмССР, ст. 166 УК ЭССР и др.). Такое построение санкций предоставляет

суду широкие возможности по индивидуализации наказания на основе оценки характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Анализ законодательства показывает, что лишение права занимать определенные должности устанавливается в альтернативе с лишением свободы лишь тогда, когда последнее может быть назначено, как правило, на краткие либо небольшие сроки. Если принять все санкции УК союзных республик, содержащие наряду с рассматриваемым наказанием и лишение свободы, за 100%, то окажется, что в более 80% этих санкций при таком сочетании предусматривается лишение свободы на срок до одного либо двух лет. Лишь шесть санкций во всех УК устанавливают при такой ситуации лишение свободы до трех и только две — до четырех лет. Причем это обычно санкции за простой (основной) состав конкретного преступления без квалифицирующих признаков (например, ч. 1 ст. 155¹ УК, ч. 1 ст. 116 УК РСФСР, ст. 154 УК БССР и др.).

Довольно часто в альтернативе с лишением права занимать определенные должности указываются и иные, не связанные с лишением свободы наказания (например, ст. 133 УК, ст. 157 УК РСФСР, ст. 167 УК ЭССР и др.), а нередко — меры общественного воздействия (например, ст. 94 УК РСФСР, ст. 92 УК БССР).

Такая структура санкций свидетельствует о том, что законодатель считает возможным применение лишения права занимать определенные должности в виде основного наказания лишь в случаях совершения сравнительно менее опасных преступлений (как правило, не представляющих большой общественной опасности) либо преступных деяний, совершаемых при отсутствии квалифицирующих обстоятельств. Это позволяет сформулировать ряд рекомендаций судебной практике.

Поскольку указанные преступления в большинстве своем не представляют большой общественной опасности, но закон устанавливает за них не только наказания, не связанные с лишением свободы, то последнее должно применяться лишь в случаях, когда это действительно вызывается необходимостью. Об этом могут свидетельствовать, например, длительный характер преступной деятельности (повторность, систематич-

ность), рецидив (особенно специальный или многократный), измененность мотивов и целей совершения преступления, наличие в деле отягчающих обстоятельств и иных данных, крайне отрицательно характеризующих личность подсудимого, подтверждающих его повышенную опасность, устойчивость антиобщественных взглядов и невозможность его исправления без изоляции от общества. Назначение лишения свободы должно быть здесь обязательно мотивировано в приговоре.

В иных случаях должны применяться альтернативно указанные в санкции наказания, не связанные с лишением свободы. Причем, если учет личности виновного и иных обстоятельств дела дает основания считать, что достаточно ограничиться лишь одноактным карательно-воспитательным воздействием, должны назначаться такие, предусмотренные в этих санкциях наказания, как увольнение от должности, штраф или общественное порицание. При необходимости более длительного воздействия на виновного с учетом характера совершенного преступления, способа его совершения, возможности учинения в будущем нового тождественного преступления следует назначить исправительные работы (если нет оснований считать, что виновный вновь использует служебное положение или профессиональную деятельность для совершения преступления) — либо лишение права занимать определенные должности (если характер совершенного преступления, данные о личности свидетельствуют о невозможности сохранения за виновным права на занятие определенной должности либо деятельностью и оставление его на прежней работе может привести к снижению воспитательного и предупредительного значения наказания). Именно в этом направлении ориентирует практику Пленум Верховного Суда СССР, когда в постановлении от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания» отмечает, если «...санкция закона, по которому лицо признается виновным, наряду с лишением свободы предусматривает более мягкие виды наказания, при постановлении приговора должен быть обсужден вопрос о применении наказания, не связанного с лишением свободы, в частности исправительных работ, штрафа и др. В этих случаях лишение свободы,

в том числе на краткие сроки, должно назначаться, если суд, исходя из конкретных обстоятельств дела и данных о личности виновного, придет к выводу о невозможности применения иного вида наказания. При этом назначение лишения свободы должно быть мотивировано в приговоре» [141, 1979, № 4, с. 20].

Назначение лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания. К решению вопроса о порядке назначения дополнительных наказаний закон подходит дифференцированно. Такие из них, как ссылка, высылка, конфискация имущества, штраф, могут применяться как дополнительные *только в случаях, специально указанных в законе*, т. е. тогда, когда они непосредственно предусмотрены в качестве дополнительных наказаний в санкции статьи Особенной части УК. Другие же наказания могут быть назначены в виде дополнительных и в тех случаях, когда непосредственное указание на них в санкции отсутствует.

В теории и судебной практике не всегда еще однозначно решается вопрос о том, вправе ли суд, учитывая требования ст. 26 Основ (ст. 31 УК), назначить лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания и в том случае, если санкция статьи Особенной части УК, по которой осуждается виновный, не предусматривает этого дополнительного наказания.

Подавляющее большинство юристов признает данное право за судом [97, с. 169; 9, с. 76—77; 105, с. 118; 32, с. 129—130; 146, 1975, № 3, с. 59—60; 38, с. 102—103 и др.]. Рассматривая, например, такие преступления, как нарушение правил при производстве строительных работ (ст. 219 УК) и хищение огнестрельного оружия (ст. 223 УК), в санкциях, за которые исследуемое наказание, как известно, не предусмотрено, В. И. Борисов и В. П. Тихий отмечают, что в случаях совершения указанных преступлений с использованием служебного положения или в связи с выполнением профессиональной деятельности суд с полным основанием может лишить осужденного права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания [17, с. 105; 111, с. 118—119]. К аналогичному выводу приходят В. Я. Таций и Н. И. Архипцев, анализируя

преступления, предусмотренные ст. 147 и 147¹ УК, в санкциях которых данное дополнительное наказание также не фигурирует [110, с. 62—63; 143, 1979, № 9, с. 61—62].

Однако есть и противники такого решения вопроса. В обоснование своей точки зрения они ссылаются на ст. 32 Основ (ст. 39 УК), которая якобы исключает возможность назначения дополнительного наказания при отсутствии его в санкции, поскольку предписывает суду назначить наказание в «пределах, установленных статьей закона, предусматривающей ответственность за совершенное преступление» [48, с. 21—22].

Наиболее обстоятельной критике эта точка зрения подверглась Г. А. Кригером и Г. Л. Кригер, которые обоснованно отметили, что подобно тому, как состав преступления складывается из признаков, указанных в статьях Общей и диспозициях статей Особенной частей УК, так и санкция предполагает возможность применения не только тех наказаний, которые непосредственно определены в статье Особенной части, но и таких, которые установлены в Общей части и могут применяться даже тогда, когда непосредственно в санкции статьи Особенной части УК они не предусмотрены [145, 1972, № 1, с. 14—15]. К этому следует добавить, что сторонники критикуемой точки зрения упускают из виду другое требование, сформулированное в ст. 32 Основ (ст. 39 УК), которая, как известно, указывает также, что суд назначает наказание в точном соответствии с положениями Основ и Общей части УК. Применительно к рассматриваемому вопросу это требование как раз и означает, что при определении наказания суд должен исходить не только из санкции статьи Особенной части УК, но и обращаться к нормам Общей части, где урегулирован общий порядок назначения того или иного вида наказания. В нормах же Общей части УК сказано, что одни дополнительные наказания могут быть назначены только в случаях, указанных в законе, т. е. тогда, когда они прямо предусмотрены статьями Особенной части УК (ст. 27, 28, 32, 35 УК). В отношении других дополнительных наказаний в законе (ст. 31, 37, 38 УК) это указание отсутствует. Отсюда следует, что такие дополнительные наказания могут применяться и в тех случаях, когда они в санкции статьи Особенной части

УК прямо не содержатся. Отмечая данное обстоятельство, Н. Д. Дурманов справедливо полагает, что такие наказания «зачастую следует мыслить, как содержащиеся в санкции уголовно-правовой нормы в качестве дополнительных наказаний и тогда, когда они прямо не указаны в статье Особенной части уголовного закона» [32, с. 129—130]. К таким видам наказания относятся и лишение права занимать определенные должности. Закон не вносит каких-либо ограничений при применении его в качестве дополнительного наказания, кроме необходимости соблюдения тех требований, которые сформулированы в ст. 31 УК.

На возможность назначения дополнительного наказания, предусмотренного ст. 26 Основ (ст. 31 УК), и по тем статьям Особенной части УК, санкции которых этот вид наказания не содержат, неоднократно указывали и высшие судебные органы Союза ССР и союзных республик [141, 1971, № 6, с. 13; 1972, № 3, с. 9; 1973, № 1, с. 8; 1975, № 2, с. 15; 1976, № 3, с. 8; 1977, № 2, с. 13; 1977, № 4, с. 16; 142, 1971, № 6, с. 5; 1976, № 3, с. 5; 143, 1976, № 8, с. 98].

Принципиально решен этот вопрос в постановлении Пленума Верховного Суда УССР от 27 апреля 1971 г. «О выполнении судами Украинской ССР постановлений Пленума Верховного Суда СССР о судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества», в п. 4 которого указывается: «По основаниям, предусмотренным ст. 31 УК УССР, суд может назначить как дополнительную меру наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и в случаях, когда санкция закона, по которому лицо привлекается к ответственности, не предусматривает такой дополнительной меры наказания, однако при этом суд должен мотивировать свое решение и сделать ссылку на ст. 31 УК УССР» [138, с. 119]. Аналогичные разъяснения содержатся в п. 3 приводившегося ранее постановления Пленума Верховного Суда УССР от 29 апреля 1977 г. и в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 марта 1971 г. «О практике назначения судами РСФСР дополнительных мер наказания» [143, 1977, № 8, с. 100; 142, 1971, № 6, с. 5]. В полном соответствии с руководящими разъяснениями решается

этот вопрос и в судебной практике. Ее материалы, изученные нами, показали, например, что лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания в 12,4% случаев было назначено по тем статьям УК, санкции которых это дополнительное наказание непосредственно не предусматривали.

Отсутствие данного наказания в качестве дополнительного в ряде санкций объясняется тем, что его применение носит, как правило, ограниченный характер. Оно относится к числу так называемых специальных видов наказания, которые могут быть назначены лишь определенному, достаточно узкому кругу лиц; его применение ограничено и характером совершенного преступного деяния — преступления по должности или в связи с занятием определенной деятельностью. Более того, закон предоставляет суду право назначить это наказание лишь тогда, когда с учетом обстоятельств дела и личности виновного установлено, что сохранение за ним права на занятие определенной должности либо деятельностью в дальнейшем невозможно (нецелесообразно). Все эти обстоятельства в подавляющем большинстве случаев не могут быть предусмотрены законодателем, оперирующим типовыми, обобщенными явлениями, и оцениваются только судом, имеющим возможность учесть индивидуальные особенности конкретного преступления и лица, его совершившего. Применение такого наказания, как отмечал еще Н. Д. Сергеевский, «должно зависеть от индивидуальных свойств преступного деяния, насколько эти последние свидетельствуют о необходимости ограничения прав виновника» [98, с. 180]. Если, например, незаконное производство аборта, повлекшее смерть потерпевшей, совершено лицом, не имеющим медицинского образования, то в применении к нему наряду с основным и дополнительного наказания в виде лишения права заниматься профессиональной деятельностью нет, очевидно, никакой необходимости. Но если то же преступление было совершено врачом, использовавшим свои профессиональные навыки в преступных целях, то лишение его права заниматься врачебной деятельностью в качестве дополнительного наказания явилось бы вполне правомерным, хотя санкция ч. 3 ст. 109 УК, устанавливаю-

шая ответственность за данное деяние, это наказание не предусматривает.

По указанным основаниям законодатель не решает во многих случаях вопрос об этом наказании непосредственно в санкции статьи Особенной части УК, относя его к компетенции суда применительно к каждому конкретному преступлению. Лишь в Общей части УК (ст. 31) закон описывает основания назначения данного вида наказания, установление которых в каждом конкретном случае дает суду право применить дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности, даже если оно в санкции не предусмотрено. В этом случае находит одно из своих конкретных проявлений ленинское указание: «Не стеснять судью чрезмерно формальными определениями, предоставлять ему известный простор — это, конечно, очень разумное правило...» [2, т. 4, с. 405]. Наконец, такое положение объясняется и соображениями экономии законодательных средств. Законодатель считает достаточным сформулировать основания назначения данного вида наказания в Общей части УК, на основе выявления и учета которых суд в каждом конкретном случае может избрать его в качестве дополнительного наказания и по тем статьям УК, санкции которых его непосредственно не предусматривают.

В теории и судебной практике иногда оспаривалась и возможность назначения лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания, если оно предусмотрено в альтернативной санкции статьи Особенной части УК лишь как одно из основных наказаний. Этот вопрос еще в 1961 г. был положительно решен Верховным Судом РСФСР в постановлении «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР 1960 г.». Возможность назначения лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания и по тем статьям УК, санкции которых предусматривают его лишь как альтернативное основное наказание, вытекает и из разъяснений, содержащихся в указанных ранее постановлениях Пленума Верховного Суда УССР от 27 апреля 1971 г. и 29 апреля 1977 г. Решая этот вопрос применительно к случаям назначения наказания

за обман покупателей, Пленум Верховного Суда УССР еще в постановлении от 2 марта 1973 г. «О судебной практике по делам об обмане покупателей» прямо указал, что по основаниям, предусмотренным ст. 31 УК, суд может к лицам, осужденным по ч. 1 ст. 155 УК, применить дополнительную меру наказания в виде лишения права занимать определенные должности, хотя, как известно, оно содержится в санкции данной нормы лишь как основное наказание [143, 1973, № 7, с. 100]. Однако наиболее четкие рекомендации по этому вопросу впервые дал Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 23 марта 1971 г., где отмечено, что в соответствии со ст. 29 УК РСФСР (ст. 31 УК) лишение права занимать определенные должности может быть назначено в качестве дополнительного наказания «независимо от того, что указанная мера не предусмотрена санкцией закона, по которому осужден виновный, или же указана в его санкции как одна из основных мер наказания» [142, 1971, № 6, с. 5]. По этому пути идет сейчас и судебная практика. Проведенный анализ показал, что в 11,1% случаев лишение права занимать определенные должности как дополнительное наказание было назначено по тем статьям УК, санкции которых предусматривали его лишь как альтернативное основное наказание. Это положительно оценивается и в юридической литературе [123, с. 346; 102, с. 297; 88, с. 109—110; 45, с. 68 и др.]. Однако высказывалось и иное мнение, согласно которому употребление в санкциях соответствующих статей УК разделительного союза *или* (например, лишение свободы *или* лишение права занимать определенные должности) исключает возможность применять лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания в тех случаях, когда оно альтернативно предусмотрено как одно из основных [43, с. 151].

Такое понимание закона основано на смещении порядка назначения лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания с порядком назначения его как наказания дополнительного. Наличие в альтернативной санкции разделительного союза *или* означает, что суд при рассмотрении дела может назначить любой из указанных в санкции основных видов наказания, в том числе и лишение права занимать

определенные должности. Когда же в этой ситуации суд назначает иное основное наказание (например, лишение свободы или исправительные работы), а в качестве дополнительного избирает лишение права занимать определенные должности, то, применяя последнее, он руководствуется уже не конкретной санкцией статьи, а положениями ст. 31 УК, которая никаких ограничений (кроме необходимости учета выдвинутых в ней требований) при назначении этого наказания в качестве дополнительного вида не устанавливает.

Характерно в этом отношении дело В., при рассмотрении которого Пленум Верховного Суда СССР указал: «Вывод в том, что суд не вправе назначить в качестве дополнительной меры наказания лишение права занимать определенные должности лишь потому, что санкцией закона, по которому осуждено лицо, этот вид наказания предусмотрен и как основное наказание, не может быть признан обоснованным. Статьи 21 и 26 Основ, а также ст. 26 УК Армянской ССР (ст. 31 УК) не содержат никаких ограничений на этот счет. Из смысла закона вытекает, что преступления такого рода, как предусмотренное ч. 1 ст. 157 УК Армянской ССР (обман покупателей), могут повлечь применение дополнительной меры наказания в виде лишения права занимать определенные должности, поскольку эта мера, как указано в законе, назначается в случаях, когда по характеру совершенных виновным преступлений по должности или при занятии определенной деятельностью суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» [139, с. 100].

В настоящее время такой порядок назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности наиболее четко разъясняется в ч. 4 ст. 27 УК ЭССР, где закреплено следующее: «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено судом в виде дополнительного наказания и в тех случаях, когда это наказание предусмотрено в Особой части настоящего Кодекса в виде основного наказания».

Учитывая ошибки, которые еще встречаются в судебной практике при определении порядка назначения дополнительных наказаний, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 29 августа 1980 г. «О практике назначения судами дополнительных наказаний» счел необходимым еще раз специально разъяснить, что некоторые виды наказаний, которые могут применяться в качестве дополнительных (в том числе и предусмотренное ст. 31 УК), «...суд вправе назначить и тогда, когда такая мера не указана в санкции закона либо названа в ней как одна из основных мер наказания, но не избра-

на подсудимому в этом качестве. При этом решение о назначении дополнительного наказания в резолютивной части приговора должно содержать ссылку на статью Общей части уголовного кодекса союзной республики, предусматривающую условия и порядок применения данного вида наказания» [141, 1980, № 5, с. 16].

Таким образом, можно заключить, что как в том случае, когда лишение права занимать определенные должности непосредственно не предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК, так и в том, когда оно фигурирует в альтернативной санкции лишь как основное наказание *правовым основанием* его назначения в качестве дополнительной меры наказания является ст. 31 УК. Как в первом, так и во втором случаях порядок назначения рассматриваемого дополнительного наказания является единым, общим. Учитывая характер совершенного преступления и признавая невозможным оставление виновного в прежней должности или занятие им в дальнейшем соответствующей деятельностью, суд назначает здесь лишение права занимать определенные должности в виде дополнительного наказания, приводя мотивы этого решения в приговоре и ссылаясь на ст. 31 УК.

Наряду с этим в отдельных статьях Особенной части УК лишение права занимать определенные должности непосредственно фигурирует в санкциях в качестве дополнительного наказания. Однако и в этих случаях вопрос о порядке его назначения решается в законе не однозначно. В некоторых из этих санкций (например, ч. 3 ст. 92 УК РСФСР, ч. 2 ст. 156 УК РСФСР, ч. 1 ст. 215¹ УК и др.) закон указывает, что назначение данного наказания в качестве дополнительной меры *обязательно* для суда, в других статьях (ч. 2 ст. 92 УК РСФСР, ст. 215 УК) — говорит лишь о *возможности* (факультативности) его применения, предоставляя решение этого вопроса в каждом конкретном случае на усмотрение суда¹.

Анализ уголовного законодательства союзных республик показывает, что *обязательность* назначения дан-

¹ Иногда в литературе такой порядок назначения наказания именуется не факультативным, а альтернативным. Это не совсем верно. Дело в том, что альтернатива применительно к рассматриваемым случаям предполагает наличие у суда возможности избрать один или другой вид наказания из нескольких, предусмотр-

ного дополнительного наказания связывается законодателем, как правило, с наиболее типичными случаями общественно опасного, противоправного использования виновным своего служебного положения, профессиональных функций или иных специальных прав и обязанностей, когда характер совершенного деяния, степень злоупотребления правами или небрежного отношения к обязанностям, мотивы и цели их незаконного использования свидетельствуют о необходимости применения указанного наказания. В большинстве своем такое положение имеет место при совершении умышленных, зачастую тяжких преступлений либо даже неосторожных преступных деяний, но создающих возможность наступления или влекущих тяжкие последствия, когда характер совершенного деяния и иные обстоятельства во всех случаях доказывают невозможность сохранения за виновным соответствующих прав.

Поэтому в УК союзных республик лишение права занимать определенные должности в качестве обязательного дополнительного наказания предусмотрено в основном за такие преступления, как например, хищение социалистического имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 92 УК РСФСР, ч. 3 ст. 86 УК АзССР); неоказание помощи больному, повлекшее тяжкие последствия (ч. 2 ст. 128 УК РСФСР, ч. 2 ст. 126 УК БССР); обман покупателей и заказчиков при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 177 УК УзССР, ч. 2 ст. 173 УК ТССР); нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее тяжкие (ч. 2 ст. 208 УК АзССР) либо особо тяжкие (ч. 3 ст. 173 УК АрмССР) последствия; использование транспортных средств в корыстных целях (ст. 173² УК ГССР); повторное управление транспортными средствами в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 215¹ УК) и т. п. В этих случаях законодатель считает недостаточным применение к виновному одного лишь основного наказания и, стремясь усилить предупредительное воздействие санкции, с учетом характера совершенного преступления указывает на обязатель-

ренных в санкции. В данной же ситуации в санкции установлено лишь одно дополнительное наказание и суду предоставлено право назначить его либо отказаться от его применения. Поэтому такое наказание предусмотрено в санкции не альтернативно, а факультативно.

ность назначения такого дополнительного наказания, как лишение права занимать определенные должности. Данный порядок назначения наказания, писал И. Я. Фойницкий, «выходит из предположения, что законодатель имеет возможность наперед определить степень опасности, заключающуюся в том или ином преступном деянии, и может на этом основании заранее назначить правопоражение, которое должно сопровождать известное преступное деяние» [126, с. 171].

Обязательность назначения лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания, с одной стороны, означает, что основания его применения учтены уже самим законодателем в санкции и суду нет необходимости обращаться для этого к ст. 31 УК в целях учета выдвинутых в ней требований при рассмотрении конкретного дела. С другой стороны, отсюда следует, что суд имеет право отказаться от назначения обязательного дополнительного наказания лишь в исключительных случаях при наличии оснований, указанных в ст. 37 Основ (ст. 44 УК). При этом суд обязательно должен мотивировать свое решение в приговоре и сослаться на ст. 44 УК [118, с. 15—16]. Это положение неоднократно разъяснялось вышестоящими судебными органами [141, 1972, № 4, с. 14; 1973, № 6, с. 13; 1975, № 2, с. 19; 143, 1975, № 3, с. 102], однако до настоящего времени в судебной практике еще довольно значительно число дел, при разрешении которых суды не применяют обязательных дополнительных наказаний и не мотивируют эти решения [52, с. 325—326; 146, 1976, № 3, с. 60; 141, 1977, № 6, с. 32—33].

Отметим, что законодатель УССР редко пользуется правом установления лишения права занимать определенные должности в качестве обязательного дополнительного наказания. Включив эту дополнительную меру в 13 санкций, УК УССР лишь в одной из них (ч. 1 ст. 215¹) предусмотрел ее как обязательное дополнительное наказание, тогда как, например, в УК РСФСР это обязательное дополнительное наказание фигурирует в 4 санкциях из 13; в УК МССР — в 7 из 18; в УК УзССР — в 9 из 19. Вряд ли решение этого вопроса в УК УССР является наиболее удачным. Представляется целесообразным расширить число норм, содержащих анализируемое дополнительное наказание в качестве обяза-

тельной меры, включив его в санкции статей, предусматривающих ответственность за такие преступления, как, например, хищение государственного или общественно-го имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 84 УК); превышение власти или служебных полномочий при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 166 УК); получение взятки (ст. 168 УК); нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта при отягчающих обстоятельствах (ч. 1 ст. 77, ч. 3 ст. 215 УК) и др. Характер этих и подобных им преступлений, степень их общественной опасности, тяжесть наступающих в результате их совершения последствий свидетельствуют о целесообразности применения рассматриваемого дополнительного наказания, как правило, во всех случаях их учинения.

В отличие от рассмотренных ранее, преступления, совершение которых влечет лишь возможность (факультативность) применения дополнительного наказания, предусмотренного ст. 31 УК, по характеру общественной опасности и тяжести менее однородны. Среди них — хищение при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 и 3 ст. 84 УК), обман покупателей при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 155 УК), нарушение правил торговли спиртными напитками (ст. 212 УК КазССР), выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств (ст. 248 УК ЛитССР) и др. Однако большей частью это менее опасные преступления, не являющиеся тяжкими, совершаемые при отсутствии квалифицирующих признаков, в процессе исполнения которых использование виновным предоставленных ему прав и полномочий не всегда достигает той степени опасности, которая всегда свидетельствует о необходимости лишения осужденного соответствующих прав. Кроме того, многие из этих преступлений могут быть совершены как общими, так и специальными субъектами. Указанные обстоятельства приводят к тому, что лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания устанавливается за эти преступления в санкциях лишь факультативно. Это дает суду возможность в каждом конкретном случае на основе учета фактических обстоятельств дела определить целесообразность его применения либо отказаться от его назначения. Од-

нако и в этих случаях, когда лишение права занимать определенные должности назначается как дополнительное наказание по статьям УК, санкции которых предусматривают его факультативно, применение этого наказания, согласно разъяснению Пленума Верховного Суда УССР, в соответствии со ст. 334 УПК УССР должно быть обязательно мотивировано в приговоре [143, 1977, № 8, с. 101].

Лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания присоединяется судом к основному виду наказания. Основными видами наказаний по изученным делам были: лишение свободы (39,8% осужденных); условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (24,4%); исправительные работы (32,1%); штраф (3,7%).

Избрание в качестве основного наказания лишения свободы или условное осуждение к лишению свободы с обязательными привлечением осужденного к труду при одновременном назначении рассматриваемого дополнительного наказания соответствуют закону и способствуют эффективному достижению целей, стоящих перед наказанием.

Что касается широкого применения судами исправительных работ, в особенности с отбыванием по месту работы осужденного, при одновременном лишении его права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания, то такая практика вызывает некоторые возражения. В руководящих разъяснениях высших судебных органов и литературе неоднократно высказывалось мнение о нецелесообразности по общему правилу назначения исправительных работ по месту работы лицам, использовавшим свое служебное положение или профессиональную деятельность для совершения преступления [141, 1972, № 4, с. 15—16; 1975, № 2, с. 18; 137, с. 189; 20, с. 105—114; 97, с. 168—169]. Действительно, лицо, использовавшее для совершения преступления те права и полномочия, которыми оно было наделено по должности или в связи с выполнением профессиональной деятельности, как правило, не может быть оставлено на прежней работе. Тем более этого не должно быть при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности, когда с учетом характе-

ра совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела суд признаёт невозможным сохранение за ним права на занятие определенной должности или деятельностью в дальнейшем. Однако, несмотря на это, довольно значительное число лиц осуждается на практике к исправительным работам с отбыванием по месту прежней работы при одновременном лишении их права на занятие определенных должностей либо деятельностью. Если число осужденных, по данным нашего исследования, к исправительным работам и дополнительному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности принять за 100%, то 68,7% из них были осуждены к исправительным работам с отбыванием их по месту работы. В принципе это не может вызвать особых возражений, однако тревожит то обстоятельство, что суды, как свидетельствует изучение уголовных дел, часто даже не выясняют, уволено ли лицо с прежней работы или занимает ту же должность, что и в момент совершения преступления, может ли осужденный быть использован на другой работе в той же организации или нет. Такое положение затрудняет, а иногда и полностью исключает возможность эффективного исполнения лишения права занимать определенные должности. Осужденный в этих случаях не устраняется из той сферы общественного производства, где он совершил преступление, что дает ему возможность вновь использовать свое служебное положение или профессиональную деятельность в преступных целях. Это приводит к снижению воспитательного и особенно предупредительного значения наказания, к неоправданному ослаблению борьбы с отдельными видами преступлений, а в некоторых случаях и к рецидиву. Поэтому, присоединяя лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания к исправительным работам с отбыванием по месту работы, суд должен выяснить, какую должность занимает или какого рода деятельностью занимается виновный к моменту вынесения приговора, может ли он быть использован в той же организации на иной работе. В противном случае суд должен назначить более тяжкий вид исправительных работ — с отбыванием в иных местах.

В теории уголовного права и практике его применения общепризнано, что наказание, назначенное в каче-

стве дополнительного, не может по своей тяжести превышать наказание, назначенное в качестве основного [104, с. 48; 100, с. 246; 123, с. 332]. В связи с этим было высказано мнение, что лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания как более тяжкий вид наказания не может быть присоединено к основным наказаниям в виде штрафа и увольнения от должности [145, 1963, № 21, с. 22; 46, с. 80]. Однако это не соответствует закону, который в ряде статей Особенной части УК (например, ст. 156¹, ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 215¹, ст. 215² УК) допускает возможность присоединения указанного дополнительного наказания к основному в виде штрафа. В соответствии с санкцией ст. 149 УК КазССР лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания может быть присоединено к основному в виде увольнения от должности. Судебная практика также идет по пути сочетания этих наказаний. Например, по изученным делам около 4% лиц были осуждены к основному наказанию в виде штрафа и дополнительному — в виде лишения права занимать определенные должности. Таким образом, общее правило о том, что основное наказание должно быть более тяжким, чем присоединяемое к нему дополнительное, «терпит» в данном случае исключение. Это объясняется тем, что законодатель стремится восполнить здесь некоторую, если можно так выразиться, «недостаточность» карательного и воспитательно-предупредительного воздействия указанных выше основных видов наказания, поскольку они носят одноактный, одноразовый характер. Такое восполнение достигается за счет сочетания законодателем в санкции одноактных основных со срочным дополнительным наказанием. Присоединение данного дополнительного наказания к более мягким по сравнению с ним основным обусловлено также и характером тех преступлений, за совершение которых такое сочетание наказаний предусмотрено. Законодатель учитывает здесь наличие связи определенной группы преступлений с социальной функцией субъекта и, стремясь усилить превентивное воздействие наказания, вводит в санкцию наряду с одноактным основным и такое дополнительное наказание, носящее срочный характер, как лишение права занимать определенные должности.

Проведенный анализ показал, что закон предоставляет суду довольно широкие возможности по назначению лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания. Оно может быть назначено, во-первых, в тех случаях, когда прямо предусмотрено в санкции статьи Особенной части УК в виде обязательного или факультативного дополнительного наказания; во-вторых, с учетом характера совершенного преступления и иных обстоятельств дела и по тем статьям УК, санкции которых либо вообще не предусматривают лишения права занимать определенные должности, либо устанавливают его лишь как альтернативное основное наказание, поскольку правовым основанием его применения в данных случаях является не конкретная санкция, а ст. 31 УК.

Несмотря на такой порядок назначения лишения права занимать определенные должности, суды еще сравнительно редко применяют его на практике в качестве дополнительного наказания. Исследования И. И. Горелика и И. С. Тишкевича показали, например, что в качестве дополнительного этот вид наказания применяется в отношении от 0,7 до 3,7% лиц из общего числа осужденных [31, с. 39]. Выборочные данные свидетельствуют о том, что лишь около 6% осужденных за должностные преступления лишаются права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания [65, с. 39—40]. Почти не применяется это дополнительное наказание за нарушение правил охраны труда, выпуск недоброкачественной промышленной продукции, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, взяточничество, нарушение правил при производстве горных и строительных работ [141, 1970, № 4, с. 5; 1971, № 6, с. 13; 1973, № 1, с. 3; 1975, № 2, с. 11; 1977, № 2, с. 13; 143, 1976, № 8, с. 97]. Даже тогда, когда это наказание непосредственно указано в санкции (причем, нередко в качестве обязательного дополнительного наказания, например, по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР), суды применяют его еще редко. По выборочным данным рассматриваемое дополнительное наказание применялось судами в 1965—66 гг. лишь примерно к каждому восьмому из числа осужденных по ст. 84 УК и соответствующим статьям УК других союзных республик [48, с. 20]. В 1967 г. из общего числа осужденных по ст. 92 УК РСФСР

(ст. 84 УК) лишены были права занимать определенные должности 13,8% лиц [146, 1968, № 9, с. 1—3]. В 1969 г. в РСФСР из числа осужденных по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР, где лишение права занимать определенные должности предусмотрено в качестве обязательного дополнительного наказания, оно было применено лишь к 24% лиц [51, с. 344], а в 1971 г. — к 36,9% лиц из числа осужденных за эти преступления по всей стране [141, 1972, № 5, с. 43]. По данным исследования И. М. Гальперина и Ю. Б. Мельниковой, лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания в 1973 г. было применено в отношении 17,9% осужденных по ч. 1 ст. 92 УК РСФСР (ч. 1 ст. 84 УК), 25,9% — по ч. 2 ст. 92 УК и 51,5% — по ч. 3 той же статьи. В 1974 г. соответственно — 21,5%, 29,1%, 52,5%; в 1975 г. — 20,7%, 27,1%, 47,6% [144, 1978, № 7, с. 88].

Сравнительно редко применялось рассматриваемое дополнительное наказание и в последующие годы. В выступлениях ряда ответственных работников органов юстиции в печати отмечалось, например, что в 1979 г. дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности применялось судами за преступления против социалистической собственности только к одной трети осужденных [131, с. 5], а в ряде регионов страны — лишь в отношении примерно 20% осужденных из числа тех, которым оно могло быть назначено в соответствии с законом [145, 1979, № 5, с. 5, 9; 1979, № 18, с. 6].

Причинами такого положения дел на практике являются, как уже указывалось, главным образом недостатки в области исполнения этого наказания, отсутствие в судах данных о его эффективности, что ведет к недооценке воспитательно-превентивных возможностей данного вида наказания. Кроме того, специальный характер рассматриваемого вида наказания, сравнительно узкая направленность его применения (только за преступления по должности или в связи с занятием определенной деятельностью), зависимость его назначения в большинстве случаев от конкретных обстоятельств дела — все это приводит к тому, что, описывая основания его назначения в Общей части УК (ст. 31), законодатель в санкциях статей Особенной части УК указывает, как правило, лишь на возможность (устанавливает факультативность) его назначения либо вообще не включает это дополнительное

наказание непосредственно в санкцию. Так, из общего числа статей Особенной части УК УССР, устанавливающих ответственность за преступления, с учетом характера которых допустимо применение лишения права занимать определенные должности, на долю тех из них, которые содержат такое дополнительное наказание непосредственно в санкциях, приходится всего лишь немногим более 16%. Следовательно, в подавляющем большинстве случаев решение вопроса о лишении осужденного права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания предоставлено на усмотрение суда. Поэтому далеко не случайно Верховный Суд СССР и высшие судебные инстанции союзных республик неоднократно разъясняли, что *суды во всех случаях обязаны обсуждать вопрос* о назначении данного дополнительного наказания в отношении лиц, совершивших преступления по должности или в связи с занятием определенной деятельностью [136, с. 41, 76, 123—124, 206, 283; 141, 1975, № 2, с. 15; 1976, № 3, с. 8; 1977, № 4, с. 16; 137, с. 178, 227, 237, 142, 1973, № 9, с. 6; 138, с. 119, 152; 143, 1975, № 11, с. 101].

Однако, несмотря на такие обоснованные рекомендации, процент применения лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания на практике еще довольно невысок. Это объясняется, видимо, и тем, что возможность назначения рассматриваемого дополнительного наказания при его отсутствии непосредственно в санкции статьи Особенной части УК недостаточно четко зафиксирована в законе. Поэтому представляется целесообразным более четко урегулировать в самом уголовном законе порядок назначения лишения права занимать определенные должности.

Применительно к лишению права занимать определенные должности в виде основного наказания регламентация порядка его назначения возможна, как отмечалось, лишь на основе более широкого включения его в санкции соответствующих статей УК. Это связано с тем, что назначение основного вида наказания допустимо только при наличии последнего в конкретной санкции статьи Особенной части УК (за исключением, разумеется, случаев его назначения в порядке ст. 44 УК). Таким образом, для того чтобы увеличить удельный вес применения лишения права занимать определенные должности как основного вида наказания, необходимо расширить число санкций, предусматривающих это основное наказание.

Что касается лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания, то для более частого его применения на практике в литературе также предлага-

ют включить его в таком качестве в большее число санкций соответствующих статей УК. Не исключая такого пути совершенствования санкций, отметим следующее. С учетом возможности назначения рассматриваемого наказания в качестве дополнительного на основании ст. 31 УК и при отсутствии его в конкретной санкции, а также, исходя из того, что целесообразность его применения в большинстве случаев определяется (диктуется) особенностями конкретного дела, видимо, нет необходимости включать это дополнительное наказание каждый раз в санкцию соответствующей статьи. Вполне достаточно было бы в Общей части УК четко зафиксировать возможность назначения данного наказания в качестве дополнительного и при отсутствии его в конкретной санкции, а также закрепить обязанность обсуждения судом вопроса о его применении в соответствующих случаях. Такое разъяснение порядка назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности по существу уже предпринято, как было отмечено, высшими судебными органами. Следует, вероятно, закрепить его в самом уголовном законе. С этой точки зрения целесообразно внести в ст. 26 Основ (ст. 31 УК) положение, обязывающее суд при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных по должности или в связи с занятием определенной деятельностью, всякий раз обсуждать вопрос о назначении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания с приведением в приговоре мотивов принятого решения (118, с. 12; 120, с. 26—28; 12, с. 215).

Думается, что такое или подобное этому дополнение закона внесет необходимую ясность и четкость в решение вопроса о порядке и основаниях назначения рассматриваемого вида наказания. Будет стимулировать обсуждение вопроса о его назначении в тех необходимых случаях, когда совершенное лицом преступление непосредственно связано с отправлением им определенной должности или занятием соответствующей деятельностью, приведет к увеличению удельного веса применения такого важного средства борьбы с преступностью, каким является наказание, предусмотренное ст. 31 УК. Безусловно, что высказанные предложения по совершенствованию порядка назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности не являются единственно возможным средством решения этой проблемы. Возможны здесь и иные решения.

§ 4. Индивидуализация наказания в виде лишения права занимать определенные должности

Эффективность назначенного судом наказания в значительной степени определяется тем, насколько было соблюдено требование закона о его индивидуализации. «Если понятие преступления предполагает наказание, — писал К. Маркс, — то действительное преступление предполагает определенную меру наказания» [1,

с. 124]. В этих словах указывается не только на неотвратимость наказания, но и на необходимость его индивидуализации.

Индивидуализация наказания — один из основополагающих принципов советского уголовного права. В действующем законодательстве этот принцип закреплен в ст. 32 Основ (ст. 39 УК), согласно которой при назначении наказания суд, исходя из закона и руководствуясь социалистическим правосознанием, в каждом конкретном случае учитывает характер и степень общественной опасности содеянного, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. Таким образом, закон обязывает суд при назначении наказания правильно и всесторонне оценивать все обстоятельства дела, присущие совершенному деянию; индивидуальные особенности и характерные личные черты виновного; его образ жизни в прошлом и настоящем; побуждения и мотивы, толкнувшие его на совершение преступления; производственное и общественное лицо человека, представшего перед судом, и т. п. Все это осуществляется для того, чтобы правильно определить, какие вид и мера наказания являются достаточными, необходимыми и гуманными, справедливыми и целесообразными именно в данном конкретном случае, именно для данного лица в целях его скорейшего исправления и перевоспитания, а также предупреждения новых преступлений со стороны как осужденного, так и иных лиц. В этом состоит основной смысл индивидуализации наказания.

Проблема индивидуализации наказания тесно связана с вопросом о его мотивировке в приговоре. Эта связь проявляется в том, что обстоятельства, положенные судом в основу избрания конкретной (индивидуальной) меры наказания, выражаются в приговоре в виде мотивировки этого наказания. Поэтому для выяснения вопроса о том, какие обстоятельства учитывались судами при избрании лишения права занимать определенные должности, следует обратиться к рассмотрению тех мотивов, на которые делались ссылки в приговорах при назначении данного вида наказания. При этом необходимо учитывать следующие моменты.

Во-первых, лишение права занимать определенные должности в большинстве случаев применяется в качестве дополнительного наказания. Поэтому те мотивы,

на которые ссылались суды в приговорах и которые будут проанализированы здесь, в равной мере положены в основу назначения как основного, так и указанного дополнительного наказания¹.

Во-вторых, назначение лишения права занимать определенные должности оговорено в ст. 31 УК рядом специфических оснований, одним из которых (названного нами индивидуальным) является признание судом невозможности сохранения за виновным права на занятие определенной должности либо деятельностью в дальнейшем². Это основание, как уже отмечалось, устанавливается судом в каждом случае исходя из особенностей конкретного дела: характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Следовательно, выявление, учет и фиксация указанных обстоятельств в приговоре есть не что иное, как установление судом индивидуального (частного) основания назначения лишения права занимать определенные должности, индивидуализация его применения.

Наконец, в-третьих, при анализе названных обстоятельств, проведенном путем изучения судебных приговоров, особое внимание было уделено тем из них, которые имеют значение прежде всего для назначения именно лишения права занимать определенные должности и с этой точки зрения являются особенно важными.

Анализ показал, что обоснование (мотивировка) лишения права занимать определенные должности, назначенного в качестве основного или дополнительного наказания, наряду с положительными моментами содержит и ряд существенных недостатков. Прежде всего отметим, что в 7,8% приговоров мотивировка назначенного наказания вообще отсутствовала. Такая практика вызывает серьезные возражения, поскольку противоречит как материальному (ст. 39 УК), так и процессуальному (ст. 334 УПК УССР) законам.

Закрепленное в ст. 39 УК требование об индивиду-

¹ Следует отметить, что суды в большинстве случаев не выделяют в приговорах мотивы применения дополнительных наказаний, что вряд ли можно признать правильным. На это справедливо обращают внимание И. М. Гальперин и Ю. Б. Мельникова [144, 1978; № 7, с. 90].

² См. об этом § 2 настоящей главы.

лизации наказания означает, что суд должен не только выявить и учесть фактические обстоятельства дела, но и обязательно указать в приговоре на те из них, которые он положил в основу назначения конкретной меры наказания. Как справедливо указывает М. И. Бажанов, обязательность мотивировки назначенного наказания вытекает также из структуры самих санкций статей Особенной части УК. Будучи относительно-определенными или альтернативными, они тем самым предусматривают, что при избрании конкретного наказания последнее обязательно должно быть мотивировано в приговоре [143, 1971, № 2, с. 81—82]. Кроме того, ст 334 УПК УССР прямо указывает на обязанность суда привести в приговоре мотивы избрания данной меры наказания и указать отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства. В отличие от УПК ряда других союзных республик УПК УССР не оговаривает соблюдение этого правила лишь «необходимыми случаями» (как, например, это сделано в ст. 314 УПК РСФСР), считая обязательным его выполнение во всех без исключения случаях [143, 1968, № 6, с. 42]. Соблюдение этого правила тем более важно, что лишение права занимать определенные должности может быть назначено в качестве как основного, так и дополнительного наказания, причем в виде дополнительного эта мера может быть назначена и в том случае, когда она непосредственно не фигурирует в санкции статьи УК либо указана в ней лишь в качестве одного из основных наказаний. Учитывая такую возможность, Пленумы Верховных Судов СССР, УССР и РСФСР неоднократно отмечали, что при назначении этого дополнительного наказания в подобных случаях *суд обязан привести в приговоре мотивы своего решения* и сделать ссылку на ст. 31 УК [141, 1980, № 5, с. 16; 138, с. 119; 143, 1977, № 8, с. 100—101; 142, 1971, № 6, с. 5]. Наконец, обязательность мотивировки рассматриваемого вида наказания вытекает также и из того, что анализ законодательства и судебной практики свидетельствует о том, что при прочих равных условиях наличие в деле смягчающих обстоятельств и невысокая степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего, играют особенно важную роль при назначении лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания по альтернатив-

ной санкции вместо лишения свободы и, напротив, отягчающие обстоятельства, отрицательная характеристика личности и т. п., когда речь идет о назначении данного наказания в качестве дополнительной меры. Поэтому отсутствие в приговоре мотивов избрания конкретной меры наказания дает основания в ряде случаев усомниться в обоснованности ее назначения, затрудняет работу кассационных и надзорных инстанций.

Одним из основных недостатков мотивировки наказания по изученным делам явился ее общий, неконкретный характер. Указания в приговорах, что лишение права занимать определенные должности назначено «с учетом характера и степени общественной опасности преступления», «фактических обстоятельств дела», «наступивших последствий», «с учетом личности виновного» и т. п., составили около 10% общего числа изученных дел.

Каждое из обстоятельств, положенное судом в основу избрания конкретной меры наказания, должно быть максимально конкретизировано и раскрыто в приговоре применительно к данному случаю. Сделанная же в общей форме ссылка на то, что наказание назначено «с учетом общественной опасности содеянного, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств», не позволяет установить, какие именно обстоятельства, характеризующие преступление и лицо, его совершившее, приняты во внимание при назначении наказания [10, с. 257—258]. На недопустимость такого отношения к обоснованию избранной меры наказания специально обратил внимание судов Пленум Верховного Суда СССР [136, с. 329]. Многочисленные рекомендации по этому вопросу высказаны и в юридической литературе [145, 1964, № 22, с. 2; 146, 1974, № 12, с. 25 и др.].

В качестве основания назначения лишения права занимать определенные должности закон (ч. 2 ст. 31 УК) называет характер совершенного лицом преступления. Лишь при условии совершения преступления по должности или в связи с занятием определенной деятельностью возможно назначение данного наказания. Однако материалы практики свидетельствуют о том, что хотя суды и учитывают это обстоятельство, но ссылаются на него при обосновании применения этого вида наказания довольно редко (5,4% приговоров).

Оценка степени общественной опасности преступления и личности виновного при назначении рассматриваемого вида наказания предполагает и учет характера занимаемой лицом должности или осуществляемой им деятельности, преимуществами которых лицо воспользовалось для совершения преступного деяния. Анализ законодательства и судебной практики показывает, что это наказание распространяется в основном на право занятия тех должностей либо осуществление той деятельности, которые в силу их характера связаны с особым доверием к лицу, а в случаях их преступного использования могут повлечь причинение вреда большому количеству лиц, существенного ущерба государственным или общественным интересам. Например, лицу доверяется выпуск продукции из промышленных или торговых предприятий (ст. 152, 157 УК РСФСР), жизнь и здоровье людей (ст. 116, 128 УК РСФСР), эксплуатация источников повышенной опасности (ст. 215, 215¹, 215² УК), вверяются материальные и денежные ценности (ст. 84, 155, 155¹, 229² УК), возлагаются функции представителя власти, должностного лица (ст. 165—168, 172 УК), доверяется работа по подбору и расстановке кадров, выполнению специальных обязанностей (ст. 133, 134, 229⁷ УК) и т. п. Таким образом, учет характера занимаемой должности, преимуществами которой лицо воспользовалось для совершения преступления, является немаловажным фактором, влияющим на убеждение суда о невозможности сохранения за осужденным права на занятие этой должности в дальнейшем. Однако суды ссылаются на это обстоятельство при назначении рассматриваемого вида наказания еще довольно редко. Так, лишь 2% приговоров содержали ссылку на учет характера занимаемой должности, осуществляемой подсудимым деятельности. Между тем из самой ст. 31 УК вытекает требование учета данного обстоятельства.

Большое значение при назначении лишения права занимать определенные должности (особенно в качестве дополнительного наказания) имеет и тяжесть последствий, наступивших в результате преступного использования должностных полномочий, профессиональных функций или недобросовестного исполнения служебных обязанностей. Можно с уверенностью сказать,

что при прочих равных условиях именно ущерб является наиболее существенным фактором, увеличивающим или уменьшающим степень общественной опасности преступления. Поэтому причинение значительного ущерба, существенного вреда (как материального, так и нематериального), тяжкий вред здоровью, смерть потерпевшего, значительные размеры похищенного либо иные подобные последствия, имеющие место в результате преступного использования должности или деятельности, которую занимал (которой занимался) виновный, влекут, как правило, и лишение его права на занятие соответствующей должности либо деятельностью. В связи с этим особое значение для назначения анализируемого вида наказания приобретает учет такого отягчающего ответственность обстоятельства, как причинение преступлением тяжких последствий (п. 5 ст. 41 УК). Практика подтверждает этот вывод — по изученным делам в 16,4% приговоров суды сослались на указанное отягчающее обстоятельство, избирая данное наказание.

Немаловажное значение для решения вопроса о лишении лица права на занятие определенной должности либо деятельностью в качестве уголовного наказания имеет также учет степени вины подсудимого. Даже установление того, были ли умышленно использованы служебные полномочия, профессиональные функции для совершения преступления либо имело место неосторожное отношение к исполнению обязанностей по службе или работе, приведшее к наступлению общественно опасных последствий, оказывает известное влияние на избрание судом этого вида наказания. Тем более имеют значение характер и объем предвидения, четкость и определенность намерений, вынашиваемых и осуществленных виновным, его настойчивость при совершении преступления или степень беззаботности, невнимательности. Если умышленное использование лицом прав и полномочий, предоставляемых по должности или в связи с занятием определенной деятельностью, в значительном числе случаев уже ставит под сомнение возможность сохранения за ним этих правомочий, то при неосторожном совершении преступления данное наказание назначается, как правило, лишь тогда, когда деяние содержало в себе опасность

причинения существенного вреда правоохраняемым интересам либо повлекло наступление тяжких последствий. Если общее число ссылок на наступление тяжких последствий, сделанных судами по изученным делам в обоснование назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности, принять за 100 %, то на долю неосторожных преступлений приходится 71,2 % из них.

Степень вины зависит и от того, насколько сознателен человек, каков его жизненный опыт, уровень образования и специальной подготовки, возраст и обстановка совершения преступления. Поэтому совершенно обоснованно, наряду со степенью вины (5,2 % приговоров), суды ссылались и на молодой возраст подсудимого (5,6 % приговоров), отсутствие надлежащего профессионального опыта, специального образования, небольшой стаж его работы (2,8 % приговоров), вину потерпевшего (4 % приговоров).

Одни из недостатков мотивировки наказания в виде лишения права занимать определенные должности — расширительное либо ограничительное толкование судами ряда смягчающих и отягчающих обстоятельств. Например, названное в п. 1 ст. 40 УК такое смягчающее обстоятельство, как добровольное возмещение нанесенного ущерба, подменяется ссылкой на совершенное неравноценное обстоятельство — «возмещение ущерба» [54, с. 75—76]. По изученным делам, в 13,2 % приговоров была сделана ссылка на возмещение виновным нанесенного ущерба, однако если принять общее количество этих приговоров за 100 %, то лишь в 7,6 % из них было указано на *добровольный* характер такого возмещения, хотя именно этот признак является одним из решающих при отнесении законом данного обстоятельства к числу смягчающих ответственность. Важное значение имеет здесь именно добровольность возмещения ущерба, так как она означает по сути дела признание лицом своей вины, в известной степени свидетельствует о чистосердечном раскаянии субъекта и, следовательно, положительно его характеризует [57, с. 215]. Поскольку рассмотренное обстоятельство непосредственно указано в законе, при мотивировке наказания в приговоре оно должно приводиться в той формулировке, в ка-

кой дано в п. 1 ст. 40 УК, и учитываться в том смысле, какой вкладывает в него законодатель.

Особое внимание при назначении лишения права занимать определенные должности должно быть уделено такому отягчающему обстоятельству, как повторное совершение лицом преступления (п. 1 ст. 41 УК). Любая повторность оказывает определенное влияние на назначение наказания. Однако для назначения данного вида наказания решающее значение приобретает факт повторного совершения лицом тождественного либо однородного (направленного на одинаковый либо сходный непосредственный объект и совпадающего по субъективной стороне) преступления. Повторное преступное использование служебного положения, профессиональной или иной деятельности не только свидетельствует об определенной антиобщественной направленности лица, но и отражает устойчивость отрицательных навыков и привычек. Однородность либо тождественность ранее совершенного преступления является, как правило, достаточным свидетельством невозможности сохранения за подсудимым права на занятие той должности либо деятельностью, преимуществами которых он воспользовался для совершения преступления. Хотя повторность совершенного преступления и учитывалась при назначении рассматриваемого наказания (3,2% приговоров), однако ссылки на то, что ранее совершенное лицом деяние было тождественным или однородным, в приговорах отсутствовали. Между тем около половины из повторно осужденных по изученным делам ранее совершили именно такие преступления.

На выбор судом наказания в виде лишения права занимать определенные должности влияет и степень использования должности либо деятельности для совершения преступления — неоднократность, систематичность, злостность использования прав и полномочий и т. п. Длительное, неоднократное использование лицом служебных полномочий, профессиональных функций вопреки интересам службы или социальному назначению профессии, стремление превратить такую деятельность в преступный промысел в целях паразитического существования свидетельствуют, как правило, об определенной антиобщественной установке виновного, о

стойкости его антисоциальных взглядов, что резко повышает как опасность преступления, так и лица, его совершившего, а также является одним из решающих факторов для назначения именно данного вида наказания. Такое же влияние оказывает на выбор судом по конкретному делу названного вида наказания и грубое, подтверждающее явное пренебрежение лица служебным долгом, профессиональными обязанностями нарушение своих обязанностей по службе или работе. Например, совершение при исполнении служебной деятельности, связанной с созданием опасности для жизни, здоровья граждан или социалистической собственности, преступления в состоянии опьянения должно влечь, как правило, лишение виновного права на занятие такой деятельностью [22, с. 128—131]. Между тем суды еще редко ссылаются на степень использования виновным прав и полномочий по должности, злоупотребления служебными обязанностями при назначении рассматриваемого вида наказания. Так, среди лиц, осужденных к лишению права занимать определенные должности за преступления против социалистической собственности (ст. 84, 86¹, 87 УК), около 70 % в течение длительного времени систематически злоупотребляли предоставленными им правами в преступных целях. Однако по делам данной категории ссылка в приговорах на это обстоятельство была сделана лишь в отношении 25 % осужденных.

При индивидуализации наказания смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в собственном смысле слова, т. е. предусмотренные ст. 40 и 41 УК, необходимо отличать от конструктивных (обязательных, основных) и квалифицирующих (отягчающих квалификацию) обстоятельств, являющихся признаками состава. Например, совершение преступления из корыстных побуждений рассматривается законом (п. 4 ст. 41 УК) как отягчающее ответственность обстоятельство при назначении наказания. Однако наличие этого мотива при хищении, злоупотреблении властью или служебным положением, получении взятки, служебном (должностном) подлоге не может служить основанием для усиления наказания, поскольку корыстный мотив выступает применительно к данным преступлениям как

обязательный признак состава. «В тех случаях, когда то или иное обстоятельство, — отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания», — предусмотренное в законе в качестве смягчающего или отягчающего ответственность, указано в диспозиции статьи Особенной части уголовного кодекса в качестве одного из признаков преступления, оно дополнительно не должно учитываться как смягчающее или отягчающее ответственность при назначении наказания за это преступление» [141, 1979, № 4, с. 19]. Аналогично решен этот вопрос и в постановлении Пленума Верховного Суда УССР от 11 мая 1979 г. «О практике назначения судами Украинской ССР мер уголовного наказания» [143, 1979, № 8, с. 84]. Между тем по изученным делам суды сослались на корыстные побуждения в качестве отягчающего ответственность обстоятельства при назначении наказания в 14,9% приговоров за преступления против социалистической собственности (ст. 84, 86¹, 87 УК); в 14% приговоров, вынесенных за должностные преступления (ст. 165, 168, 172 УК). В то же время лишь чуть более одного процента приговоров, вынесенных за преступления, предусмотренные ст. 155, 155¹, 156¹ УК, содержали указание на корысть как отягчающее ответственность обстоятельство, тогда как анализ этой категории дел показал, что подавляющее большинство из этих преступлений (более 70%), за которые было назначено лишение права занимать определенные должности, было совершено именно из корыстных побуждений.

Следует подчеркнуть, что мотивы и цели преступного использования прав и полномочий по должности, профессиональной или иной деятельности оказывают значительное влияние на убеждение суда о необходимости назначения рассматриваемого вида наказания. Анализ Особенной части УК показывает, что подавляющее большинство умышленных преступлений, за совершение которых в санкциях соответствующих статей установлено лишение права занимать определенные должности в качестве основного или дополнительного наказания, совершается, как правило, по корыстным либо иным низменным побуждениям (ст. 84, 87, 155, 155¹,

156¹, 172, 229² УК). Не составляют в этом отношении исключения и те умышленные преступления, за которые в санкциях указанное наказание непосредственно не предусмотрено, однако может быть назначено в качестве дополнительного наказания в соответствии со ст. 31 УК. К ним относятся, например, преступления, предусмотренные ст. 85, 86¹, 109, 115, 147¹, 168, 174, 176 и др. По пути назначения этого наказания за преступное использование полномочий по должности или профессиональных функций из корыстных побуждений идет и судебная практика. Так, по изученным делам среди осужденных за умышленные преступления к данному виду наказания более 90% лиц совершили преступления по корыстным мотивам.

Наряду с характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность, закон (ст. 39 УК) обязывает суд при назначении наказания учитывать и личность виновного. Многие обстоятельства из числа тех, которые прямо названы в законе в качестве смягчающих и отягчающих ответственность, также характеризуют личность, и суды ссылались на них в приговорах: чистосердечное раскаяние, явка с повинной, способствование раскрытию преступления (31% приговоров), совершение преступления лицом, находившимся в состоянии опьянения (6,8% приговоров).

Как показало исследование, при мотивировке меры наказания в 52,2% случаев ссылки были сделаны на обстоятельства, не указанные в ст. 40 и 41 УК. Часто в приговорах, по которым было назначено лишение права занимать определенные должности, встречались ссылки на смягчающие обстоятельства, прямо не названные в законе, но близкие по своему содержанию и значению к тем, которые перечислены в указанных статьях. Так, закон предусматривает такое смягчающее обстоятельство, как совершение преступления несовершеннолетним (п. 6 ст. 40 УК). Суды же принимали во внимание в качестве смягчающего обстоятельства молодой возраст подсудимого (5,6% приговоров); наряду со ссылкой на чистосердечное раскаяние (п. 8 ст. 40 УК) учитывалось признание либо осознание подсудимым своей вины (25,2% приговоров).

При применении лишения права занимать определенные должности большую группу составили и ссылки на данные о личности, которые значительно отличаются от смягчающих и отягчающих обстоятельств, перечисленных в законе. Это прежде всего ссылки на совершение преступления впервые или отсутствие судимости в прошлом (58,2% приговоров). Это обстоятельство заслуживает более подробного рассмотрения. УК УССР не указывает его в перечне смягчающих ответственность обстоятельств, однако его учет вполне отвечает требованиям ч. 2 ст. 40 УК. В то же время ряд УК союзных республик (например, п. 4 ст. 38 УК РСФСР) непосредственно включает в перечень такое смягчающее ответственность обстоятельство, как «совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности». Хотя данное обстоятельство и не включено в перечень, содержащийся в ст. 40 УК УССР, представляется, однако, что расценивать его как смягчающее и по настоящему УК можно лишь тогда, когда такое впервые совершенное преступление, во-первых, не представляет большой общественной опасности (во всяком случае не является тяжким) и, во-вторых, совершено действительно вследствие случайного стечения обстоятельств. Совершение преступления в первый раз является не исключением, а скорее всего правилом, исключением из которого, отягчающим ответственность, выступает повторное совершение преступления. Поэтому один лишь факт совершения преступного деяния впервые без наличия в деле других данных, свидетельствующих о том, что преступление действительно случайное явление для данного лица, а не логическое завершение его предшествующего поведения, еще не дает оснований для смягчения наказания [41, с. 78—80; 54, с. 76—77; 55, с. 8—10]. Большую роль в признании впервые совершенного преступления смягчающим ответственность обстоятельством играет также и тяжесть преступного посягательства. Вряд ли есть основания всегда рассматривать в качестве смягчающего обстоятельства совершение впервые, скажем, хищения в особо крупных размерах (ст. 86¹ УК) или вымогательство взятки (ч. 2 ст. 168 УК). Между тем по

изученным делам суды довольно часто ссылались на факт совершения преступления впервые в качестве смягчающего ответственность безотносительно к другим обстоятельствам дела. Так, они указывали на это обстоятельство в ряде случаев при осуждении лиц по ч. 3 ст. 84, ст. 86¹, ч. 2 ст. 165, ч. 2 ст. 168 УК. Ссылки на совершение преступления впервые как на смягчающее обстоятельство содержались в 39,8% приговоров, вынесенных за хищение социалистического имущества, тогда как около 70% осужденных за эти преступления в течение длительного времени систематически использовали свои служебные полномочия в преступных целях. Более половины приговоров по хозяйственным преступлениям (ст. 155, 155¹, 156¹ УК) содержали ссылку на это смягчающее обстоятельство, в то время как около одной пятой из этих осужденных отрицательно характеризовались по работе, некоторые ранее привлекались к дисциплинарной либо административной ответственности за нарушения по службе.

Как на смягчающее ответственность обстоятельство суды часто ссылались на положительную характеристику виновного на производстве и в быту, добросовестное отношение к труду, на отсутствие у него предосудительных замечаний в прошлом (53,6% приговоров).

При назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания по альтернативной санкции вместо лишения свободы принимались во внимание и прежние заслуги подсудимого, например, участие в Великой Отечественной войне, наличие правительственных наград (3,8% приговоров). Помимо этого суды учитывали семейное положение виновного (как правило, наличие на иждивении несовершеннолетних детей — 32,8% приговоров), его состояние здоровья (болезнь, инвалидность, беременность — 7% приговоров).

Определенное сочетание в деле смягчающих обстоятельств в совокупности с данными, положительно характеризующими личность виновного, могут служить в ряде случаев и основанием для применения ст. 37 Основ (ст. 44 УК). Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 29 июня 1979 г. разъяснил: «В соответствии со ст. 37 Основ уголовного законодательства наз-

начение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, возможно лишь при наличии исключительных обстоятельств дела в совокупности с данными о личности виновного. При этом исключительными могут признаваться обстоятельства (в том числе и предусмотренные законом в качестве смягчающих ответственность), которые существенно уменьшают степень общественной опасности совершенного преступления» [141, 1979, № 4, с. 19—20]. На основании ст. 44 УК в порядке перехода к другому, более мягкому виду наказания может быть назначено и лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания.

Как в теории, так и судебной практике единодушно признается исключительный характер ст. 44 УК. Однако исключительность этой нормы связывается, как правило, лишь с особенностями оснований ее применения. Поэтому анализ ст. 44 УК в большинстве случаев ведется путем уяснения понятия и характеристики «исключительных обстоятельств дела» [104, с. 130—131; 145, 1974, № 4, с. 21—22; 1978, № 13, с. 7—8; 143, 1972, № 5, с. 72; 146, 1976, № 8, с. 56—58]. Между тем исключительными являются не только основания, но и сам порядок применения ст. 44 УК, «механизм» назначения наказания в этих случаях. Ст. 44 УК является исключением из общих начал назначения наказания, поскольку корректирует требование ст. 39 УК о назначении наказания в пределах, установленных статьей закона, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Анализ ст. 44 УК и практики ее применения свидетельствует, что суд вправе в соответствии с этой нормой: а) назначить основное наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление; б) перейти к другому, более мягкому виду основного наказания, не указанному в санкции закона, по которому осуждается виновный; в) освободить лицо от дополнительного наказания, назначение которого согласно санкции статьи, по которой осуждается виновный, является обязательным.

Как показывает практика, суды довольно часто используют ст. 44 УК. Так, по делам о приписках и другим искажениям отчетности о выполнении планов (ст. 147¹ УК), по данным Верховного Суда СССР, суды пе-

рекоидили от лишения свободы к другим, более мягким видам наказания в 88,4% случаев [141, 1973, № 2, с. 41]. Обобщение практики, проведенное В. П. Тихим по делам о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 223 УК, показало, что ст. 44 УК была применена здесь более чем в 25% случаев [111, с. 117]. По делам о контрабанде ст. 44 УК применялась в 35% изученных дел [141, 1978, № 6, с. 29]. Чрезмерно широкое применение ст. 44 УК объясняется, по мнению В. Я. Тацня, двумя обстоятельствами: во-первых, неправильным истолкованием правовых оснований для применения этой нормы и, во-вторых, недооценкой степени общественной опасности отдельных видов преступной деятельности [109, с. 109]. Полагаем, что такое положение, видимо, имеет место также и вследствие завышенных минимальных пределов некоторых санкций УК. Поэтому следует согласиться с И. М. Гальпериным и М. И. Бажановым, которые предлагают пересмотреть минимальные пределы ряда санкций и более широко ввести в закон альтернативные санкции [146, 1974, № 6, с. 18; 12, с. 135].

По изученным нами делам около 10% осужденных за обман покупателей (ст. 155 УК) и более 14% за хищение государственного или общественного имущества (ст. 84, 86¹ УК) были подвергнуты наказанию с применением ст. 44 УК, однако лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания в порядке перехода к более мягкому виду наказания здесь не назначалось. Назначение этого наказания в порядке ст. 44 УК вполне допустимо, однако при этом следует учитывать, что его применение ограничено как по кругу субъектов (специальные субъекты преступления), так и по характеру совершенного преступления (преступление по должности или в связи с занятием определенной деятельностью). Соблюдение этих требований обязательно и при назначении лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания в порядке перехода к другому, более мягкому наказанию на основании ст. 44 УК [145, 1972, № 13, с. 5; 118, с. 15].

В практике часто возникает вопрос о праве суда освободить подсудимого от дополнительного наказания, когда последнее предусмотрено в санкции статьи УК,

по которой квалифицировано преступление. Таким дополнительным наказанием может быть и лишение права занимать определенные должности. Освобождение от дополнительных наказаний суды нередко осуществляют, ссылаясь на ст. 44 УК. Это имеет место в тех случаях, когда дополнительное наказание указано в санкции в качестве обязательной меры, поскольку в иных ситуациях, когда оно предусмотрено факультативно, суд имеет право по своему усмотрению решать вопрос о назначении дополнительного наказания либо отказе от его применения. Таким образом, если лишение права занимать определенные должности указано в санкции в качестве *обязательного* дополнительного наказания (например, ч. 1 ст. 215¹ УК), то суд имеет право отказаться от его назначения лишь при наличии в деле исключительных обстоятельств дела и с учетом личности виновного, ссылаясь при этом на ст. 44 УК. Такое применение ст. 44 УК основывается на неоднократных указаниях вышестоящих судебных инстанций [143, 1977, № 8, с. 100]. Разъясняя это положение, например, в постановлении от 29 августа 1980 г. «О практике назначения судами дополнительных наказаний», Верховный Суд СССР указал: «Если закон, по которому осуждается виновный, предусматривает обязательное назначение дополнительного наказания, то неприменение его может иметь место лишь при наличии условий, предусмотренных ст. 43 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, с обязательным указанием в приговоре мотивов такого смягчения и ссылкой на указанную статью уголовного закона» [141, 1980, № 5, с. 16]. Следовательно, несмотря на то, что в ст. 44 УК ничего не сказано об освобождении лица от дополнительного наказания, норму эту применяют к случаям, прямо в ней не предусмотренным. Следует согласиться с М. И. Бажановым, который справедливо считает, что практика восполняет здесь очевидный пробел закона [12, с. 131]. Ст. 44 УК практически применяется в этих случаях по аналогии. Представляется, что есть все основания устранить указанный пробел законодательным путем, для чего следует дополнить ст. 37 Основ (ст. 44 УК) частью второй хотя бы следующего содержания: «По тем же основаниям

суд может освободить лицо от дополнительного наказания, назначение которого согласно санкции статьи, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, является обязательным» [118, с. 16; 12, с. 132]. Отсутствием такого указания в законе в какой-то мере объясняется, видимо, и то, что в настоящее время суды довольно часто не применяют обязательных дополнительных наказаний по делам, в которых не установлены исключительные обстоятельства, и не ссылаются при этом на ст. 44 УК. Например, по данным И. М. Гальперина, Ю. Б. Мельниковой и В. И. Плоховой, лишение права занимать определенные должности применялось за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 92 УК РСФСР, в течение ряда лет в отношении 47,6—54% осужденных, несмотря на то, что указанная мера предусмотрена в санкции этой статьи в качестве обязательного дополнительного наказания [144, 1978, № 7, с. 88; 92, с. 153]. В большинстве из этих случаев, когда не применялось обязательное дополнительное наказание, суды не ссылались на ст. 37 Основ (ст. 44 УК).

В обоснование назначения лишения права занимать определенные должности суды ссылались и на такие, не указанные в законе обстоятельства, которые отрицательно характеризовали личность виновного и оказывали известное влияние на усиление меры наказания в рамках санкции. Среди них следует назвать ссылки на отрицательную производственную характеристику, наличие у лица в прошлом нарушений трудовой дисциплины, привлечение ранее к дисциплинарной или административной ответственности, применение к виновному мер общественного воздействия, недостойное поведение в быту (3,6% приговоров); неоднократное, систематическое использование служебных полномочий вопреки интересам службы, грубое нарушение профессиональных обязанностей (6,4% приговоров); учитывался и тот факт, что лицо скрылось с места происшествия (по автотранспортным преступлениям), скрывалось от следствия и суда (1,4% приговоров).

Оценивая приведенные данные, следует признать, что расширение в судебной практике перечня смягчающих обстоятельств, характеризующих личность, вполне согласуется с указанием ч. 2 ст. 40 УК о том, что «при

назначении наказания суд может учитывать и другие смягчающие обстоятельства». Что касается возможности учета отрицательных данных о личности, не входящих в перечень ст. 41 УК, но влияющих на усиление наказания, то по этому вопросу нет единства мнений в теории уголовного права. Некоторые исследователи считают, что учет при назначении наказания таких обстоятельств противоречит закону, поскольку переченьотягчающих ответственность обстоятельств является исчерпывающим [145, 1971, № 1 с. 13; 78, с. 81—84; 127, с. 16—26]. Однако как материальный (ст. 39 УК), так и процессуальный (ст. 64 УПК УССР) законы прямо предписывают судам *помимо* обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность, учитывать при назначении наказания и *иные данные, характеризующие личность виновного*. Это свидетельствует о том, что обстоятельства, перечисленные в ст. 40 и 41 УК, не исчерпывают данных о личности, необходимых для назначения справедливой меры наказания. Пределы исследования личности не могут замыкаться лишь теми ее свойствами и качествами, которые проявились в преступном деянии. Еще К. Маркс указывал. «Государство должно видеть и в нарушителе... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства» [1, с. 132]. Следовательно, личность виновного должна быть изучена всесторонне, а в основу избрания конкретной меры наказания должны быть положены не только обстоятельства, непосредственно связанные с совершением преступления, но и данные, характеризующие социальные, психологические и психофизические черты личности. Должны быть учтены характеристики личности как члена социалистического общества, коллектива, семьи; его поведение на производстве и в быту; условия его нравственного формирования и т. п. Как справедливо отметил В. В. Шубин, «выяснение обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, относящихся к личности, не только не освобож-

дает, а обязывает суд глубоко изучить и учесть все другие данные о подсудимом, чтобы назначить справедливое наказание» [146, 1976, № 4, с. 26]. Аналогичное мнение высказано и другими специалистами [144, 1972, № 8, с. 107—109; 12, с. 63—64].

Не случайно Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания» прямо предписывает: «Суды должны всесторонне, полно и объективно исследовать данные о личности подсудимого, имея в виду их существенное значение для определения вида и размера наказания. В частности, необходимо выяснять отношение подсудимого к труду, обучению, общественному долгу, поведение на производстве и в быту, трудоспособность, состояние здоровья, семейное положение, сведения о судимости» [141, 1979, № 4, с. 18].

Поэтому учет судами по изученным делам таких обстоятельств, как, например, наличие у виновного в прошлом нарушений трудовой дисциплины, применение к нему ранее мер общественного воздействия, привлечение к административной или дисциплинарной ответственности за нарушения по службе или работе, служит определенным показателем того, является ли совершенное преступление по должности или в связи с занятием определенной деятельностью случайным в жизни подсудимого или это логическое завершение его предшествующего поведения. Кроме того, допущенные ранее нарушения по службе, привлечение к ответственности за них, а затем и совершение преступления по должности или в связи с занятием определенной деятельностью, достаточно убедительно свидетельствуют о необходимости и целесообразности лишения такого лица права занимать определенные должности или заниматься соответствующей деятельностью по приговору суда. В связи со сказанным учет этих и подобных им обстоятельств, отрицательно характеризующих личность виновного и влияющих на усиление наказания, находится в полном соответствии с законом. Поэтому следует согласиться с мнением тех, кто считает, что по смыслу закона (ст. 39 УК) суд должен учитывать личность в целом, а не только в пределах перечня смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, и

обязан дать оценку имеющимся в деле как положительным так и отрицательным данным о личности виновного [145, 1972, № 21, с. 18; 1980, № 1, с. 19—20; 62, с. 234—256; 116, с. 129—134; 12, с. 63—64]. Такую позицию занял и Верховный Суд СССР, который указал: «Установленные по делу данные, отрицательно характеризующие подсудимого (уклонение от общественно полезного труда, злоупотребление спиртными напитками, плохое отношение к семье, работе, нарушения общественного порядка и правил социалистического общежития и т. п.), подлежат учету при назначении наказания, поскольку они относятся к личности виновного, а не к стягивающим обстоятельствам, указанным в ст. 39 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик» [141, 1979, № 4, с. 18—19].

Глава II.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ И УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЕГО ОТБЫВАНИЯ

§ 1. Вопросы применения наказания, предусмотренного ст. 31 УК

В предыдущей главе были рассмотрены наиболее общие вопросы назначения лишения права занимать определенные должности. Однако наряду с ними в практике применения названного вида наказания возникает и целый комплекс иных, более узких, специальных вопросов. Это прежде всего проблемы его назначения при совершении лицом нескольких преступлений (ст. 35 Основ, ст. 42 УК) и по нескольким приговорам (ст. 36 Основ, ст. 43 УК), при условном осуждении (ст. 38 Основ, ст. 45 УК) и условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 23² Основ, ст. 25¹ УК), а также условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 44² Основ, ст. 52² УК). Определенный интерес представляет вопрос о давности исполнения обвинительного приговора (ст. 42 Основ, ст. 49 УК) при назначении лишения права занимать определенные должности в качестве основного или дополнительного наказания. Значительные трудности испытывает практика при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания данного вида наказания (ст. 44 Основ, ст. 52 УК).

Некоторые из перечисленных вопросов исследованы достаточно полно. Так, относительно применения рассматриваемого наказания при условном осуждении следует согласиться с мнением тех авто-

ров, которые предлагают внести изменения в ст. 38 Основ (ст. 45 УК) в части предоставления возможности назначения при условном осуждении и ряда иных (кроме штрафа) дополнительных наказаний, в первую очередь такого его вида, как лишение права занимать определенные должности [144, 1964, № 6, с. 100—102; 145, 1967, № 19, с. 14]. Рассматривая этот вопрос, В. А. Ломако, например, отмечает, что очень часто необходимость применения при условном осуждении дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности вызывается потребностью лишить виновного тех прав и возможностей, которыми он обладает в силу служебного положения, своей профессии, и таким путем устранить возможность рецидива. Вместе с тем в этом наказании находит выражение публичное недоверие, которое вправе выразить общество лицу, однажды уже использовавшему оказанное ему доверие для совершения преступления. Данное наказание, как указывает В. А. Ломако, не только не противоречит сущности условного осуждения, но и соответствует его внутреннему смыслу, может оказать разумное воздействие на определенную категорию осужденных, способствуя их быстрейшему исправлению и перевоспитанию. Наконец, сочетание условного осуждения с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности, позволило бы прибегать к применению ст. 45 УК и в случаях осуждения за преступления, за которые в санкциях соответствующих статей Особенной части УК предусмотрено наряду с основным и рассматриваемое дополнительное наказание в качестве обязательной меры. В настоящее время суды лишены такой возможности, хотя эти преступления (например, предусмотренные ч. 1 ст. 215¹ УК, ч. 2 ст. 128 УК РСФСР, ч. 2 ст. 108 УК МССР) по своему характеру менее общественно опасны, чем многие из тех, за которые применяется сейчас условное осуждение [63, с. 65—67]. Следовательно, дополнение ст. 38 Основ указанием на возможность сочетания условного осуждения с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности диктуется потребностями практики. Не случайно при анкетном опросе судей 78,3% из них высказались за целесообразность такого дополнения закона. Следует добавить, что возможность сочетания условного осуждения с дополнительными наказаниями допускают и УК многих зарубежных социалистических государств (ВНР, СФРЮ, ЧССР, НРБ, ГДР). Положительное решение этого вопроса в законе (ст. 38 Основ, ст. 45 УК) позволит более дифференцированно подходить к назначению наказания лицам, совершившим преступления по должности или в связи с занятием определенной деятельностью; повысит эффективность самого условного осуждения и облегчит работу судов по устранению условий, способствующих совершению подобных преступлений.

Что касается порядка назначения лишения права занимать определенные должности в виде дополнительного наказания при условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, то этот вопрос нашел свое положительное решение как в самом уголовном законе (ч. 2 ст. 23² Основ, ч. 2 ст. 25¹ УК), так и в п. 14 «в» постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 декабря 1970 г. (в редакции от 21 сентября 1977 г.) [136, с. 123—124]. Подробно освещен этот во-

прос и в юридической литературе [26, с. 23—26, 42; 146, 1973, № 3, с. 61; 36, с. 22—23 и др.].

Решен вопрос и о порядке исполнения дополнительного наказания при условном освобождении лица из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 24 ноября 1978 г. «О судебной практике по применению условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» разъясняется: «Судам следует иметь в виду, что ст. 44² Основ не предусматривает возможности освобождения от дополнительного наказания, назначенного приговором. В случае условного освобождения с обязательным привлечением к труду лица, которому приговором назначено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, срок дополнительного наказания следует исчислять со дня вынесения определения об условном освобождении. Если условно освобожденный направляется для отбывания лишения свободы, назначенного приговором, течение этого срока приостанавливается со дня вынесения определения суда о направлении в места лишения свободы» [141, 1979, № 1, с. 9].

Не вызывает особых затруднений и применение давности исполнения обвинительного приговора при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности. Продолжительность сроков давности при назначении этого наказания в качестве основного вида прямо установлена законом (п. 1 ст. 42 Основ, п. 1 ст. 49 УК). Из сроков давности, предусмотренных в п. 1—4 ст. 49 УК, следует исходить и в случаях назначения данной меры в качестве дополнительного наказания, поскольку по истечении этих сроков обвинительный приговор не приводится в исполнение в целом как в отношении основного, так и дополнительного наказания. В связи с тем, что обвинительный приговор является актом, представляющим единое целое, то положения ст. 49 УК распространяются на назначенное судом наказание в полном объеме. И если осужденный освобождается за давностью от основного наказания, то, очевидно, что исполнение приговора в части дополнительного явилось бы нецелесообразным и противоречащим смыслу закона [76, с. 202; 99, с. 101—102; 115, с. 80—90].

Вопросы назначения лишения права занимать определенные должности по совокупности преступлений и приговоров, а также основания и порядок условно-досрочного освобождения от этого вида наказания еще не исследовались. Между тем применительно к рассматриваемому виду наказания они обладают рядом особенностей, в связи с чем приходится прибегать к сложному толкованию норм закона. Судебная практика также испытывает серьезные затруднения при их решении. Это свидетельствует о необходимости более глубокого и обстоятельного исследования указанных вопросов.

§ 2. Назначение лишения права занимать определенные должности при совершении нескольких преступлений и по нескольким приговорам

Лишение права занимать определенные должности как в качестве основного, так и дополнительного наказания может быть назначено судом в случае совершения не только одного (единичного), но и нескольких преступлений, т. е. по совокупности преступлений (ст. 35 Основ, ст. 42 УК) и совокупности приговоров (ст. 36 Основ, ст. 43 УК)¹

Для определения окончательного наказания по совокупности закон устанавливает специальные правила его назначения — принципы поглощения (ст. 42 УК), полного или частичного сложения (ст. 42, 43 УК) назначенных наказаний. Применение этих принципов в случае назначения лишения права занимать определенные должности в качестве основного или дополнительного наказания имеет свои особенности.

Назначение лишения права занимать определенные должности по совокупности в качестве основного наказания. При назначении лишения права занимать определенные должности в качестве основного вида наказания за каждое из входящих в совокупность преступлений (ст. 42 УК) либо по каждому из приговоров (ст. 43 УК) возникает необходимость поглощения или сложения *однородных* наказаний (наказаний одного и того же вида). Если же данное основное наказание назначено лишь за одно из преступлений или по одному из приговоров, а за другое преступление (по другому приговору) избрано судом наказание иного вида, встает вопрос о назначении по совокупности наказаний *разнородных* (по терминологии УК УССР — *разновидных*).

Применение принципов поглощения и сложения наказаний в первом случае, как и принципа поглощения во втором, особых затруднений не вызывает. Что же касает-

¹ Поскольку многие вопросы назначения наказания по совокупности исследованы довольно обстоятельно [106; 80; 132; 30; 11], в работе рассматриваются лишь те их них, которые имеют определенные особенности применительно к данному виду наказания, недостаточно четко урегулированы в законодательстве, вызывают серьезные затруднения на практике.

ся ситуаций, когда лишение права занимать определенные должности в качестве основного наказания назначено наряду с наказанием иного вида (например, лишением свободы или исправительными работами) за другое преступление или по другому приговору, то вопрос об окончательном назначении указанных наказаний по совокупности (если суд не применит здесь принцип поглощения наказания) вызывает значительные трудности. Обращение в этих случаях к правилам, содержащимся в ч. 3 ст. 43 УК¹, не проясняет ситуации, поскольку, устанавливая возможность сложения разнородных основных наказаний путем предварительной их трансформации (перевода) одного в другое по определенной шкале эквивалентов, закон прямо связывает эти правила лишь со случаями назначения по совокупности таких основных видов наказания, как лишение свободы, направление в дисциплинарный батальон, ссылка, высылка и исправительные работы. Однако наряду с этими по совокупности преступлений (ст. 42 УК) и приговоров (ст. 43 УК) могут быть назначены и такие виды основных наказаний, как лишение права занимать определенные должности, штраф и общественное порицание. Отсутствуют прямые указания по вопросу о порядке назначения по совокупности названных видов основных наказаний и в УК АзССР, АрмССР, БССР, КазССР, КиргССР, РСФСР, ТаджССР и УзССР, в ряде из которых круг данных наказаний расширяется за счет таких его видов, как увольнение от должности и возложение обязанности загладить причиненный вред.

Отсутствие какого-либо масштаба, эквивалента, на основе которого приведенные основные виды наказаний могли бы быть трансформированы одно в другое (менее

¹ В работе разделяется мнение, согласно которому правила сложения разнородных наказаний путем предварительного их перевода одно в другое (менее тяжкое в более тяжкое) по определенной шкале эквивалентов, изложенные в ч. 3 ст. 43 УК УССР и соответствующих статьях УК других союзных республик, носят общий характер и в одинаковой мере применимы к случаям сложения разнородных наказаний как по совокупности приговоров, так и по совокупности преступлений [146, 1971, № 12, с. 51—52; 30, с. 59—60; 11, с. 24—26; 145, 1977, № 16, с. 8—9; 121, с. 68—70]. В настоящее время этот вопрос положительно решен в постановлениях Пленумов Верховных Судов РСФСР и УССР, посвященных вопросам назначения наказания по совокупности [142, 1977, № 9, с. 6; 143, 1979, № 8, с. 83].

строгое в более строгое), что необходимо для последующего их сложения, дает основания считать, что такие наказания при назначении их по совокупности преступлений и приговоров с другими видами основных наказаний сложению подлежать не могут. Однако высказанная в связи с этим в литературе точка зрения, согласно которой в подобных ситуациях всегда должен применяться лишь принцип поглощения назначенных наказаний [66, с. 254], вызывает возражения хотя бы потому, что не решает вопроса о назначении таких разнородных наказаний по совокупности приговоров (ст. 43 УК), где, как известно, применение принципа поглощения (за исключением случаев назначения по одному из приговоров максимального срока, установленного для данного вида наказания в Общей части УК) законом не допускается. Кроме того, следование критикуемой точке зрения приведет к тому, что карательные и особенно частнопредупредительные возможности поглощенных наказаний, например, такого его вида, как лишение права занимать определенные должности, во многих случаях не будут использованы.

Поэтому более обоснованным представляется в этой ситуации одновременное самостоятельное применение и исполнение разнородных основных наказаний, правила сложения которых в силу их несоотнесенности, неэквивалентности законом (ч. 3 ст. 43 УК) не предусмотрены. Именно так решают этот вопрос УК ГССР, ЛатвССР, ЛитССР, МССР, ТССР и ЭССР, указывая, что названные наказания сложению или замене не подлежат и применяются, а также приводятся в исполнение самостоятельно.

Хотя прямо этот вопрос в УК УССР не решен, однако такой вывод вытекает и из смысла ст. 42 и 43 УК. Так, в п. «г» ч. 3 ст. 43 УК сказано, что штраф в соединении с иными видами наказаний исполняется самостоятельно. Следовательно, при назначении по совокупности основного наказания в виде штрафа в соединении с другими видами основных наказаний, в том числе и с лишением права занимать определенные должности, суд должен самостоятельно применить (соединить без сложения) оба эти наказания одновременно, указав в приговоре на самостоятельное (параллельное) их исполнение. Такой же порядок назначения по совокупности установлен в ч. 4 ст. 43 УК применительно к разнородным дополнитель-

ным видам наказания, в том числе в отношении лишения права занимать определенные должности, поскольку последнее может быть назначено по совокупности и в качестве дополнительного наказания. Стало быть, закон не исключает именно такого порядка назначения разнородных наказаний по совокупности, когда сложение этих видов наказаний в силу их несоотносимости, неэквивалентности невозможно.

Сопоставительный анализ ч. 1 и 3 ст. 43 УК также свидетельствует о том, что самостоятельное одновременное применение и исполнение лишения права занимать определенные должности, когда оно назначено наряду с любым другим видом наказания,—единственно возможный путь его применения по совокупности приговоров (ст. 43 УК).

Изложенное дает основания считать, что назначение лишения права занимать определенные должности в качестве основного наказания в порядке ст. 42 и 43 УК возможно путем не только поглощения либо полного или частичного сложения назначенных по совокупности наказаний, но и одновременного самостоятельного применения и исполнения его с наказаниями иного вида. По этим же правилам назначаются по совокупности и основные наказания в виде штрафа, увольнения от должности, возложения обязанности загладить причиненный вред и общественного порицания.

В связи с этим возникает вопрос: является ли порядок одновременного самостоятельного применения и исполнения разнородных наказаний на основании ст. 42 и 43 УК разновидностью принципа сложения, на который прямо указывает закон, либо выступает в качестве отдельного, особого принципа (правила) назначения наказаний по совокупности?

Постановка вопроса в такой плоскости вполне правомерна, поскольку довольно значительная группа наказаний подчиняется существенно отличающемуся от сложения порядку назначения их по совокупности. Сложение предполагает, как представляется, наличие двух или более однородных величин (слагаемых), которые при соединении друг с другом дают новую величину (сумму). Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что определение наказания по принципу (правилу) сложения в точном значении этого понятия возможно лишь

при назначении по совокупности либо наказаний однородных (одного и того же вида), либо таких разнородных, сложение которых допустимо только на основе предварительного приведения их в «однородность» путем использования для этого правил, сформулированных в ст. 43 УК. При назначении же по совокупности указанных выше наказаний, в том числе и лишения права занимать определенные должности, в сочетании друг с другом и любым другим видом наказания отсутствуют все те условия, которые необходимы для сложения. Эти наказания в сочетании с иными видами не складываются, а применяются и исполняются одновременно и самостоятельно, т. е. отдельно, независимо одно от другого, каждое, так сказать, «само по себе». Да и закон не называет такой порядок их назначения по совокупности сложением. Например, в п. «г» ч. 3 ст. 43 УК указывается, что «штраф в соединении с иными видами наказания исполняется самостоятельно». В ч. 6 ст. 39 УК АрмССР прямо закреплено, что «сложение наказаний в виде лишения свободы, ссылки и высылки, исправительных работ с наказанием в виде штрафа не допускается». В ч. 2 ст. 44 УК ЛитССР подчеркивается, что «основные наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, увольнения от должности, штрафа или общественного порицания, а также различные виды дополнительных наказаний сложению или замене не подлежат и исполняются самостоятельно».

Все это дает основания считать, что *назначение разнородных наказаний путем их самостоятельного одновременного применения и исполнения является не разновидностью сложения, а выступает в качестве отдельного особого принципа назначения наказаний по совокупности*, применяемого наряду с принципами поглощения и сложения [118, с. 13—14; 120, с. 30—32; 121, с. 71—73]. Высказанное мнение нашло поддержку в литературе [11, с. 26—27; 12; с. 102—103]. Представляется целесообразным в более четкой и ясной форме закрепить наличие данного принципа назначения наказаний по совокупности в уголовном законе.

Назначение лишения права занимать определенные должности по совокупности в качестве дополнительного наказания. По совокупности как преступлений (ст. 42 УК), так и приговоров (ст. 43 УК) лишение права зани-

мать определенные должности может быть назначено и в качестве дополнительного наказания.

Наибольшие трудности на практике вызывает уяснение порядка назначения дополнительных наказаний по совокупности преступлений. Здесь прежде всего следует решить вопрос: необходимо ли предварительное назначение дополнительного наказания отдельно хотя бы за одно или за каждое преступление либо закон допускает возможность его назначения (присоединения) при определении уже окончательного наказания по совокупности?

Назначению наказания по совокупности должно предшествовать, как это прямо закреплено в ч. 1 ст. 42 УК, назначение его отдельно за каждое из входящих в совокупность преступлений. Закон, правда, не конкретизирует это требование применительно к основному и дополнительному наказаниям, а говорит об этом в общей форме, употребляя собирательный термин «наказание». Однако данное требование носит общий характер и в равной мере относится к наказаниям как основным, так и дополнительным. Иное толкование закона противоречило бы общим началам назначения наказания, сформулированным в ст. 32 Основ (ст. 39 УК). Сопоставительный анализ ст. 39 и 42 УК свидетельствует о том, что специфика назначения наказания по совокупности заключается (проявляется) лишь в определении окончательного наказания, где суд руководствуется особыми правилами, принципами его назначения, закрепленными в ст. 42 УК. Что касается предварительного назначения наказания за каждое преступление отдельно, то оно подчиняется общим началам назначения наказания, установленным в ст. 39 УК, т. е. тем же правилам, которые применяются и при назначении наказания за единичное преступление [145, 1970, № 21, с. 16]. В отношении к рассматриваемому вопросу это означает, что прежде чем присоединить дополнительное наказание к основному, окончательно назначенному по совокупности, суд должен предварительно назначить его хотя бы за одно из преступлений, входящих в совокупность. Как справедливо подчеркивает М. И. Бажанов, требование предварительного назначения наказания за отдельные преступления, сформулированное в ч. 1 ст. 42 УК как общей норме, должно быть полностью распространено и на случаи, указанные в ч. 2 ст. 42 УК, решающей лишь частный вопрос — о назначе-

нии по совокупности дополнительных наказаний [11, с. 29; 12, с. 104—105].

Такое толкование закона неоднократно давалось в руководящих разъяснениях высших судебных инстанций. Например, в постановлениях Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 марта 1971 г. «О практике назначения судами РСФСР дополнительных мер наказания», а затем от 21 июня 1977 г. «О некоторых вопросах, возникающих в практике назначения судами РСФСР наказания при совершении нескольких преступлений и по нескольким приговорам» прямо отмечалось, что дополнительное наказание не может быть определено по совокупности преступлений, если оно не было назначено предварительно ни за одно из преступлений, входящих в совокупность [137, с. 238, 296]. Аналогичное разъяснение закона дано и Пленумом Верховного Суда УССР в постановлении от 11 мая 1979 г. «О практике назначения судами Украинской ССР мер уголовного наказания» [143, 1979, № 8, с. 83]. Такие же рекомендации неоднократно высказывались в литературе [9, с. 79—80; 132, с. 68—70; 11, с. 28—29]. Несмотря на это, в судебной практике как ранее, так и в настоящее время все еще допускается значительное число ошибок и в нарушение закона дополнительные наказания назначаются лишь при определении по совокупности окончательного наказания [39, с. 150—154; 142, 1976, № 7, с. 8; 1978, № 1, с. 12; 1978, № 8, с. 12; 1979, № 4, с. 14; 143, 1979, № 10, с. 90]. По изученным делам, например, лишение права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания в 43,2% случаев было назначено по совокупности с нарушением закона (ст. 42 УК). Ошибочные рекомендации по вопросу о порядке назначения дополнительных наказаний по совокупности высказывались и в теории уголовного права [80, с. 128; 144, 1971, № 4, с. 131—132].

Представляется, что ошибки подобного рода во многом порождены недостаточно четкой регламентацией порядка назначения дополнительных наказаний по совокупности в самом уголовном законе. Принятая в настоящее время редакция ч. 1 и 2 ст. 35 Основ (ч. 1 и 2 ст. 42 УК) дает повод к неправильному толкованию закона и пониманию его в том смысле, что в ч. 1 ст. 42 УК решен лишь вопрос о назначении основного наказания, а ч. 2 этой статьи якобы исчерпывающе регулирует поря-

док назначения дополнительных наказаний и, следовательно, допускает их присоединение к окончательному основному без предварительного назначения за отдельные преступления. Действительно, в ч. 2 ст. 42 УК сказано о присоединении к окончательному основному наказанию по совокупности дополнительного наказания, лишь *предусмотренного законом, а не назначенного по приговору суда за отдельные преступления*. Однако, как было показано, такое буквальное толкование закона здесь неправильно. Оно находится в противоречии с общими началами назначения наказания (ст. 39 УК) и с ч. 1 ст. 42 УК. Несомненно, что в настоящее время в законе имеется существенный пробел, который приходится преодолевать путем сложного систематического и логического толкования ст. 42 УК. Не случайно Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 29 августа 1980 г. «О практике назначения судами дополнительных наказаний» вновь вынужден был вернуться к вопросу о порядке назначения по совокупности дополнительных наказаний, еще раз разъяснив: «Лицу, признанному виновным в совершении нескольких преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части уголовного кодекса, дополнительное наказание, так же как и основное, сначала должно быть назначено за одно или отдельно за несколько преступлений, а затем по их совокупности» [141, 1980, № 5, с. 17]. Все это ставит на повестку дня вопрос о необходимости внесения в ст. 35 Основ (ст. 42 УК) соответствующих изменений и дополнений.

Если при назначении дополнительных наказаний по совокупности преступлений (ст. 42 УК) закон требует обязательного назначения его хотя бы за одно из входящих в совокупность преступлений, то при совокупности приговоров (ст. 43 УК) необходимо, чтобы оно было назначено хотя бы по одному из приговоров. Однако в отличие от ст. 35 Основ (ст. 42 УК) в ст. 36 Основ (ст. 43 УК) вообще отсутствуют непосредственные указания на возможность и порядок назначения дополнительных наказаний по совокупности приговоров, что также является существенным пробелом закона. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР в названном ранее постановлении от 29 августа 1980 г. вынужден был пояснить: «В случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 36 Основ уголовного законодательства, к окончательно назначенному по не-

скольким приговорам основному наказанию должно полностью или частично присоединяться то дополнительное наказание (либо его неотбытая часть), которое было назначено по предыдущему приговору» [141, 1980, № 5, с. 17]. Однако это разъяснение Пленума также не полностью решает вопрос о порядке назначения дополнительных наказаний на основании ст. 43 УК. Следовало бы добавить здесь, что к окончательно назначенному по нескольким приговорам основному наказанию должно полностью или частично присоединяться не только то дополнительное наказание (либо неотбытая его часть), которое было назначено по предыдущему приговору, но и то дополнительное наказание, которое было назначено приговором суда за вновь совершенное преступление. Таким образом, если по обоим приговорам (предыдущему и вновь вынесенному) были назначены дополнительные наказания, то при определении наказания по нескольким приговорам (ст. 43 УК) дополнительные наказания должны быть предварительно приведены в совокупность по правилам ч. 1 ст. 43 УК, а затем присоединены к основному наказанию, окончательно назначенному по совокупности приговоров.

При совокупности как преступлений (ст. 42), так и приговоров (ст. 43) может быть назначено не только одно, но и несколько дополнительных наказаний. Наряду с лишением права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания за одно из преступлений (по одному из приговоров) может быть назначено и любое иное дополнительное наказание (например, высылка или конфискация имущества) за другое преступление (по другому приговору), что вызывает необходимость окончательного определения по совокупности не только основных, но и дополнительных наказаний.

Согласно ч. 2 ст. 35 Основ (ч. 2 ст. 42 УК) к основному наказанию, назначенному по совокупности, может быть присоединено *любое* из дополнительных, назначенных за отдельные преступления. Такая редакция закона привела В. П. Малкова к выводу, что к окончательно основному наказанию судом может быть присоединено *любое*, но *только одно* из тех дополнительных наказаний, которые были назначены за отдельные преступления, входящие в совокупность [66, с. 268]. Назначение в такой ситуации окончательно по совокупности не одного,

а *нескольких* дополнительных наказаний, по мнению В. П. Малкова, противоречило бы принципу экономии репрессии, неоправданно ужесточило бы наказание и усложнило его исполнение.

Приведенная позиция вряд ли может быть признана правильной хотя бы потому, что закон допускает, как было показано выше, одновременное применение и исполнение по совокупности даже нескольких основных видов наказания. Ни у кого не вызывает сомнений, что если за одно преступление будет назначено, например, лишение свободы, а за другое штраф в качестве основного наказания, то оба эти наказания могут быть одновременно назначены судом и исполнены самостоятельно по совокупности. Следовательно, это тем более возможно в отношении наказаний дополнительных, которые, как правило, лишь дополняют карательно-превентивные свойства основного наказания, но сами не являются в этом плане определяющими. Более того, закон во многих случаях допускает возможность сочетания нескольких дополнительных наказаний даже тогда, когда лицо совершило одно (единичное) преступление. Так, 35 санкций статей Особенной части УК УССР предоставляют суду право назначить, наряду с основным, два, а по ч. 3 ст. 84 УК — даже три (конфискацию имущества, лишение права занимать определенные должности и высылку) дополнительных наказания за совершение лишь одного преступления. Поэтому назначение нескольких дополнительных наказаний по совокупности, т. е. в случаях совершения лицом не одного, а нескольких преступлений, тем более допустимо, поскольку отвечает характеру и степени общественной опасности содеянного, личности виновного и, следовательно, находится в полном соответствии с принципом экономии репрессии. Безосновательно и утверждение об усложнении в такой ситуации порядка исполнения наказания, тем более, что сложность вопроса отнюдь не является основанием для отказа от его решения. Не дает критикуемая точка зрения и ответа на вопрос о том, для чего суду в таких случаях назначать за отдельные преступления несколько дополнительных наказаний, если при окончательном определении их по совокупности он имеет право избрать лишь одно из них? Кроме того, как справедливо отмечает М. И. Бажанов, сами дополнительные наказания по своему содер-

жанию и направленности настолько различны, разнородны (например, конфискация имущества и лишение родительских прав), что, так сказать, «перекрывать», «заменить» друг друга не могут [12, с. 106]. Поэтому избрание судом при окончательном определении наказания по совокупности лишь одного из числа нескольких дополнительных наказаний, назначенных за отдельные преступления, вряд ли будет способствовать эффективному достижению целей наказания. Наконец, критикуемая позиция противоречит положениям, закрепленным в большинстве УК союзных республик. В УК АрмССР, ГССР, ЛатвССР, ЛитССР, МССР, ТССР, УССР и ЭССР прямо закреплено, что разнородные (разновидные) дополнительные наказания при назначении их по совокупности исполняются самостоятельно и, следовательно, могут быть присоединены к основному наказанию, назначенному окончательно по совокупности.

Таким образом, если за каждое из отдельных преступлений назначены дополнительные наказания, все они могут быть присоединены к основному наказанию, в связи с чем возникает необходимость окончательного определения их по совокупности. Ни в общесоюзном (ст. 35, 36 Основ), ни в республиканском (ст. 42, 43 УК) законе нет оговорки, что принципы назначения наказания по совокупности применяются лишь при окончательном определении основного наказания. Это дает основания считать возможным их применение и при окончательном определении по совокупности дополнительных наказаний. Следовательно, в случае назначения судом нескольких дополнительных наказаний окончательное определение их по совокупности возможно по принципу поглощения (ст. 42 УК), полного или частичного сложения (ст. 42, 43 УК) либо одновременного самостоятельного применения и исполнения (ст. 42, 43 УК). Иного порядка окончательного назначения наказания по совокупности закон не устанавливает.

Как и основные назначенные за отдельные преступления дополнительные наказания могут быть однородными и разнородными, что определяет и правила, принципы их применения по совокупности. Назначенные по совокупности однородные дополнительные наказания могут как поглощаться (ст. 42 УК), так и складываться (ст. 42, 43 УК). С учетом этого в постановлении Плену-

ма Верховного Суда СССР от 29 августа 1980 г. «О практике назначения судами дополнительных наказаний» разъясняется: «Если дополнительное наказание одного и того же вида назначено за два и более преступлений, входящих в совокупность, то его окончательный размер определяется путем поглощения меньшего срока большим, либо путем их полного или частичного сложения в пределах, установленных статьей, предусматривающей более длительный срок дополнительного наказания, а в случаях, когда такой предел не установлен в статье уголовного закона, либо когда дополнительное наказание применено на основе норм Общей части уголовного кодекса — в пределах максимального срока, установленного для данного вида наказания» [141, 1980, № 5, с. 17]. Решая вопрос о назначении дополнительных наказаний одного и того же вида (однородных) по совокупности приговоров (ст. 43 УК), Пленум разъясняет: «При сложении дополнительных наказаний одного и того же вида общий его срок не должен превышать максимального срока, установленного законом для данного вида наказания» [141, 1980, № 5, с. 17].

В случаях назначения по совокупности преступлений или приговоров разнородных дополнительных наказаний (например, лишения права занимать определенные должности и конфискации имущества) применение принципа поглощения либо полного или частичного сложения невозможно [106, с. 74—75]. Это объясняется, во-первых, отсутствием какой-либо шкалы, масштаба, эквивалента их трансформаций (перевода) одного в другое в силу определенной несравнимости, взаимозаменяемости дополнительных наказаний. Во-вторых, многие из них не носят срочного характера, что также исключает возможность установления какого-либо критерия, эквивалента, на основе которого эти наказания могли бы быть трансформированы одно в другое. В-третьих, дополнительные наказания в большинстве своем настолько различны по своему содержанию и направленности, что как-то сравнить их, приравнять друг к другу, заменить одно другим практически не представляется возможным. Например, вряд ли можно заменить конфискацию имущества или лишение права занимать определенные должности, скажем, лишением родительских прав. Кроме того, в четвертых, характер дополнительных наказаний позволяет

одновременное параллельное их исполнение, тогда как ряд основных наказаний одновременно исполнить не представляется возможным. Не могут быть исполнены одновременно, например, такие основные виды наказаний, как лишение свободы и исправительные работы, ссылка и направление в дисциплинарный батальон. Такие же дополнительные наказания, как лишение права занимать определенные должности и конфискация имущества, ссылка и лишение воинского или специального звания, высылка и штраф, вполне могут быть одновременно применены и самостоятельно (параллельно) исполнены независимо одно от другого. Наконец, недопустимость сложения разнородных дополнительных наказаний прямо закреплена в большинстве УК союзных республик. УК АрмССР, (ч. 7 ст. 39), ГССР (ч. 5 ст. 42), ЛатвССР (ч. 3 ст. 40), ЛитССР (ч. 2 ст. 44), МССР (ч. 6 ст. 40), ТССР (ч. 8 ст. 41), УССР (ч. 4 ст. 43) и ЭССР (ч. 2 ст. 43) прямо указывают, что *разнородные дополнительные наказания, назначенные по совокупности, во всех случаях применяются и исполняются самостоятельно*.

Таким образом, при назначении по совокупности (ст. 42, 43 УК) нескольких дополнительных наказаний различного вида (разнородных), в том числе и лишения права занимать определенные должности, действует принцип одновременного самостоятельного их применения и исполнения.

Рассмотренные выше вопросы показывают, что действующие нормы (ст. 35, 36 Основ, ст. 42, 43 УК), регулирующие основания и порядок назначения наказания по совокупности, имеют ряд недостатков и пробелов, на что неоднократно обращалось внимание в литературе. Поэтому, не ставя перед собой задачу детальной разработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства в этой области, наметим лишь те положения, которые, как представляется, необходимо более четко и детально урегулировать в законе. С этой точки зрения целесообразно: 1) изложить правила сложения разнородных наказаний на основе их предварительной трансформации одного в другое (менее тяжкого в более тяжкое) в специальной, отдельной норме, оговорив возможность ее применения при совокупности как преступлений, так и приговоров; 2) закрепить принцип

(правило) одновременного самостоятельного применения и исполнения разнородных (разновидных) основных и дополнительных наказаний, сложение которых в силу их несоотнесимости невозможно; 3) четко решить вопрос о необходимости предварительного назначения дополнительных наказаний за отдельные преступления (по каждому приговору) и о присоединении их к окончательному основному наказанию в соответствии с теми же принципами (правилами), которые применяются при назначении по совокупности основного наказания; 4) дополнить закон четкими положениями о порядке назначения дополнительных наказаний по совокупности приговоров.

§ 3. Условно-досрочное освобождение от лишения права занимать определенные должности

Закон (ч. 1 ст. 44 Основ, ч. 1 ст. 52 УК) допускает условно-досрочное освобождение лишь в отношении таких основных видов наказания, как лишение свободы, ссылка, высылка, направление в дисциплинарный батальон и исправительные работы. Такое освобождение возможно и применительно к лицам, условно осужденным к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 25¹ УК), а также условно освобожденным из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 52² УК). В то же время в ч. 7 ст. 44 Основ (ч. 7 ст. 52 УК) указывается: «При условно-досрочном освобождении от наказания или замене наказания более мягким наказанием осужденный может быть освобожден также от дополнительных наказаний в виде ссылки, высылки, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Перечень как основных, так и дополнительных наказаний, от отбывания которых возможно условно-досрочное освобождение, является исчерпывающим и закон не допускает такое освобождение от иных видов наказания. Сопоставительный анализ ч. 1 и 7 ст. 52 УК дает основания считать, что если условно-досрочное освобождение от ссылки и высылки возможно в случаях, когда они назначены в качестве как основных, так и

дополнительных видов наказания, то аналогичное освобождение от лишения права занимать определенные должности допустимо лишь при назначении его в виде дополнительного наказания.¹

Как для основных, так и для дополнительных наказаний, от отбывания которых возможно условно-досрочное освобождение, общим является то, что все они отбываются в течение определенного срока. Следовательно, закон связывает возможность условно-досрочного освобождения лишь с отбыванием срочных видов наказания, в период исполнения которых на осужденного оказывается определенное, более или менее длительное и постоянное карательно-воспитательное воздействие, приводящее в ряде случаев к исправлению лица еще до полного отбытия им срока наказания, назначенного приговором суда. Это и дает возможность освободить (служит основанием освобождения) под определенным условием (несовершение нового преступления) от неотбытой части наказания.

При условно-досрочном освобождении лица, осужденного наряду с основным и к такому дополнительно виду наказания, как лишение права занимать определенные должности, встает вопрос об освобождении виновного и от дополнительного наказания. Из приведенного текста ч. 7 ст. 44 Основ (ч. 7 ст. 52 УК), казалось бы, вытекает, что освобождение от дополнительных наказаний возможно только в тот момент, когда суд решает вопрос об условно-досрочном освобождении от основного наказания или замене неотбытой его части другим, более мягким наказанием. Иначе говоря, принятая законодателем редакция ч. 7 ст. 52 УК может привести к выводу о том, что освобождение от дополнительного наказания возможно только одновременно с решением вопроса об условно-досрочном освобождении от основного наказания или замене неотбытой его части более мягким наказанием. Однако такое буквальное толкование закона было бы здесь неправильным, поскольку

¹ Вместе с тем следует согласиться с предложениями о расширении перечня основных видов наказаний, от отбывания которых возможно условно-досрочное освобождение, за счет включения в него лишения права занимать определенные должности, назначенного в качестве основного наказания [34, с. 91, 94; 114, с. 89 и др.].

анализ его содержания и изучение практики его применения свидетельствуют, что вопрос об освобождении осужденного от дополнительного наказания в порядке ст. 52 УК может возникнуть как одновременно, так и после условно-досрочного освобождения от основного наказания или замены неотбытой его части более мягким наказанием. Может возникнуть данный вопрос (об освобождении от дополнительного наказания) и после отбытия лицом срока основного наказания полностью. Из такого понимания ч. 7 ст. 52 УК исходит в настоящее время теория уголовного права и практика применения института условно-досрочного освобождения от наказания. С учетом сказанного подходит к толкованию закона и Пленум Верховного Суда СССР, когда в постановлении от 19 октября 1971 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким» указывает, например, что вопрос об освобождении осужденного от дополнительного наказания на основании ст. 44 Основ (ст. 52 УК) может возникнуть как одновременно с условно-досрочным освобождением от основного, так и после отбытия срока основного наказания полностью [136, с. 131—132].

Таким образом, при решении вопроса об освобождении от дополнительного наказания на основании ст. 52 УК могут возникнуть различные ситуации, которые можно подразделить на следующие: 1) условно-досрочное освобождение от основного наказания с одновременным освобождением от дополнительного; 2) условно-досрочное освобождение от основного наказания без освобождения от дополнительного; 3) условно-досрочное освобождение от дополнительного наказания после полного отбытия лицом основного наказания; 4) освобождение от дополнительного наказания при замене (как одновременно, так и после осуществления замены) неотбытой части основного наказания более мягким. Внутри каждой из названных ситуаций можно выделить своеобразные «подвиды», имеющие свои особенности. Все это вызывает необходимость подробного анализа каждой из указанных ситуаций и установления порядка (правил) ее разрешения.

Условно-досрочное освобождение от основного на-

казания с одновременным освобождением от дополнительного. Как уже отмечалось, закон связывает возможность условно-досрочного освобождения с отбыванием срочных видов наказания, в период исполнения которых на осужденного оказывается определенное карательно-воспитательное воздействие. Поэтому возможны случаи, когда лицо, отбыв установленную законом часть срока основного наказания (не менее $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ либо $\frac{3}{4}$ срока) и доказав примерным поведением и честным отношением к труду свое исправление, не нуждается в отбывании не только оставшейся части срока основного наказания, но и наказания дополнительного. В этом случае суд в соответствии с ч. 7 ст. 52 УК, условно-досрочно освобождая лицо от основного наказания, может *одновременно* освободить его и от отбывания дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности. Освобождение от дополнительного наказания характеризуется в этой ситуации некоторыми особенностями по сравнению с освобождением от наказания основного.

Согласно ч. 3 ст. 31 УК при присоединении лишения права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания к лишению свободы оно распространяет свое действие на все время отбывания лишения свободы и, кроме того, на срок, установленный приговором суда. Если же это дополнительное наказание присоединяется к любому другому виду основного наказания, не связанному с лишением свободы, то срок его исчисляется с момента начала отбывания этого основного наказания. Таким образом, к моменту условно-досрочного освобождения от основного наказания лицо здесь либо отбыло уже какую-то часть дополнительного наказания (если лишение права занимать определенные должности было присоединено к основному наказанию, не связанному с лишением свободы), либо вообще еще не отбывало его (если рассматриваемое дополнительное наказание было присоединено к лишению свободы). В связи с этим при одновременном условно-досрочном освобождении лица от основного и такого дополнительного наказания, как лишение права занимать определенные должности, осужденный освобождается от неотбытой части основного наказания и

одновременно либо от всего срока дополнительного наказания, либо также только от неотбытой части срока дополнительного наказания. Однако по сравнению с освобождением от основного наказания отбывтия осужденным какой-то определенной, точно установленной законом части срока дополнительного наказания для освобождения здесь не требуется. Таким образом, можно сделать вывод о том, что если вопрос об освобождении от дополнительного наказания в порядке ст. 52 УК решается судом в одно время с условно-досрочным освобождением от основного наказания, то *отбывтие установленной законом части срока основного наказания и доказанность исправления лица являются в этой ситуации единственным и достаточным условием, иными словами, единым (общим) основанием условно-досрочного освобождения как от основного, так и от дополнительного наказания одновременно.*

Освобождение от наказания на основании ст. 44 Основ (ст. 52 УК) носит условный характер, так как осужденный освобождается от наказания под определенным условием — несовершение в течение неотбытой части наказания нового умышленного преступления, за которое он осуждается к лишению свободы. Условный характер освобождения сохраняется в течение всей неотбытой части наказания [13, с. 30]. Поэтому в случае нарушения этого условия суд в соответствии с ч. 10 ст. 52 УК, руководствуясь правилами, установленными ст. 43 УК, к наказанию, назначенному по новому приговору, присоединяет полностью или частично неотбытую часть наказания, от отбывания которой лицо было освобождено.

В рассматриваемой ситуации имеет место одновременное условно-досрочное освобождение лица от дальнейшего отбывания как основного, так и дополнительного наказания. В связи с этими неотбытая часть наказания, подлежащая присоединению к вновь назначенному наказанию в случае нарушения условия, указанного в ст. 52 УК, слагается здесь как из неотбытого основного, так и дополнительного наказания. Следовательно, и условие освобождения сохраняет свою силу как в течение неотбытой части основного, так и дополнительного наказания, а в случае его нарушения суд с полным

основанием к вновь назначенному наказанию может присоединить неотбытую часть как основного, так и дополнительного наказания. Таким образом, условный характер носит в данном случае освобождение не только от основного, но и от дополнительного наказания. Иначе говоря, освобождение от дополнительного наказания является здесь также *условно-досрочным* [112, с. 65—66; 90, с. 128—129].

Поскольку в описываемой ситуации происходит одновременное условно-досрочное освобождение от основного и дополнительного наказаний, возникает вопрос об исчислении «испытательного срока», своеобразным видом которого по смыслу ст. 52 УК является неотбытая часть наказания [136, с. 131]. При решении этого вопроса следует иметь в виду, что неотбытая часть основного наказания может быть в данных случаях более продолжительной, равной или менее длительной, чем неотбытая часть дополнительного наказания. Какова же в таком случае продолжительность испытательного срока?

По этому вопросу в литературе высказаны две точки зрения. Сторонники первой из них считают, что в тех случаях, когда при одновременном условно-досрочном освобождении от основного и дополнительного наказания неотбытая часть срока основного наказания больше срока дополнительного, то испытательный срок равен неотбытой части срока основного наказания. Если неотбытое дополнительное наказание более продолжительное, испытательный срок равен сроку дополнительного наказания [114, с. 134]. Ю. М. Ткачевский, например, обосновывает это утверждение тем, что в рассматриваемом случае имеет место одновременное условно-досрочное освобождение от основного и дополнительного наказания, а стало быть одновременно должна осуществляться проверка исправления лица и обоснованности применения к нему условного освобождения [114, с. 134]. Сторонники второй точки зрения полагают, что испытательный срок в данной ситуации должен складываться из неотбытых частей как основного, так и дополнительного наказаний вместе взятых, поскольку, как отмечает, например, А. С. Горелик, если бы лицо не было условно-досрочно освобождено, то оно

последовательно подвергалось бы воздействию в течение срока основного, а затем в течение срока дополнительно наказания [30, с. 164]. Таким образом, одни исследователи исходят из того, что продолжительность испытательного срока в этой ситуации устанавливается путем поглощения менее длительной неотбытой части наказания (основного или дополнительного) более длительной его частью, а другие предлагают исчислять продолжительность испытательного срока путем сложения неотбытых частей основного и дополнительного наказаний.

И первое и второе решения этого вопроса представляются весьма спорными по следующим соображениям. Хотя в описанной ситуации имеет место одновременное освобождение лица от основного и дополнительного наказаний, речь все же идет об освобождении от двух самостоятельных видов наказания, различных по характеру, тяжести и той нагрузке, которую они несут в достижении целей, сформулированных в ст. 22 УК. Стало быть, при условно-досрочном освобождении в отношении каждого из этих видов наказания установлено законом свое время для проверки исправления лица и обоснованности применения к нему условного освобождения. Общеизвестно, что не могут быть сложены или поглощены друг другом основное и дополнительное наказания. Вероятно, также не могут быть сложены или поглощены и неотбытые части этих видов наказания. Если первая точка зрения ведет к неоснованному на законе увеличению неотбытой части основного или дополнительного наказания, то вторая — к произвольному продлению испытательного срока в целом. Следуя критикуемым взглядам, пришлось бы признать возможным в случае нарушения требований ст. 52 УК лицом, которое одновременно условно-досрочно освобождено от основного и дополнительного наказаний, присоединение к вновь назначенному наказанию и такого основного или дополнительного наказания, неотбытая часть которого фактически уже истекла. Представим, что лицо было условно-досрочно освобождено от одного года лишения свободы и пяти лет лишения права занимать определенные должности, назначенного в качестве дополнительного наказания. Согласно первой из приведенных точек зрения испытательный срок рав-

нялся бы здесь пяти годам, а в соответствии со второй — шести. Следовательно, в случае совершения таким лицом нового умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, даже, например, по истечении четырех лет, к вновь назначенному наказанию присоединялось бы не только неотбытое дополнительное, но и основное наказание, хотя неотбытая часть последнего составляет здесь всего один год. Таким образом, в лучшем положении оказалось бы даже то лицо, которое было условно-досрочно освобождено лишь от основного наказания, так как уже по истечении одного года оно считалось бы успешно выдержавшим испытание и в случае совершения нового преступления к вновь назначенному наказанию присоединялось бы только неотбытое дополнительное наказание.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сторонники второй из критикуемых точек зрения при обосновании своей позиции исходят из неверной посылки о том, что осужденный всегда последовательно подвергается воздействию сначала в течение срока основного, а затем — дополнительного наказания. Однако, если речь идет о таком дополнительном наказании, как лишение права занимать определенные должности, то в случае его присоединения к любому основному виду наказания, не связанному с лишением свободы, оно согласно ч. 3 ст. 31 УК начинает свое течение одновременно с основным наказанием. Следовательно, в такой ситуации осужденный подвергается воздействию основного и дополнительного наказаний не последовательно (одно за другим), а параллельно (одно и другое одновременно).

Согласно закону испытательным сроком при условно-досрочном освобождении является неотбытая часть наказания. Освобождение от двух видов наказания (основного и дополнительного) одновременно приводит к возникновению и двух неотбытых частей наказания, а следовательно, к появлению двух самостоятельных испытательных сроков, в течение которых в зависимости от их продолжительности осуществляется проверка исправления лица и обоснованности применения к нему такой льготы, как условно-досрочное освобождение. Значит, при одновременном условно-досрочном освобож-

дении от основного и дополнительного наказания налицо не один общий, единый испытательный срок, а два самостоятельных испытательных срока, которые начинают свое течение в одно время с момента освобождения лица, протекают параллельно, не складываясь и не поглощая друг друга, и заканчивают свое течение в зависимости от их продолжительности либо одновременно (если неотбытые части основного и дополнительного наказания равны), либо разновременно (если неотбытые части основного и дополнительного наказания различны по продолжительности).

Таким образом, при одновременном условно-досрочном освобождении от основного и дополнительного наказаний испытательный срок основного наказания может быть равным, большим либо меньшим, чем испытательный срок дополнительного наказания. Поэтому если лицо совершит здесь новое умышленное преступление, за которое оно осуждено к лишению свободы, в течение неотбытой части основного и до истечения неотбытой части дополнительного наказания, то к вновь назначенному наказанию присоединяется (полностью или частично) как неотбытое основное, так и неотбытое дополнительное наказание по правилам, установленным ст. 43 УК.

Если же это лицо совершит указанное преступление в течение неотбытой части основного, но после истечения неотбытой части дополнительного наказания, то к вновь назначенному наказанию присоединяется (полностью или частично) лишь неотбытая часть срока основного наказания.

Наконец, если лицо совершит новое умышленное преступление, за которое оно осуждается к лишению свободы, после истечения неотбытой части основного, но до истечения неотбытой части дополнительного наказания, к вновь назначенному наказанию присоединяется (полностью или частично) только неотбытая часть срока дополнительного наказания.

Условный характер освобождения от дополнительного наказания, своеобразие исчисления испытательного срока вызывают необходимость четкого решения судом в определении вопроса об одновременном условно-досрочном освобождении лица от основного и дополни-

тельного наказания с указанием характера такого освобождения и точным установлением неотбытой части как основного, так и дополнительного наказания. Однако в судебной практике еще допускаются ошибки при решении этого вопроса и вместо условно-досрочного освобождения осужденных от дополнительного наказания суды в своих определениях указывают на «снятие», «снижение» или «сокращение» срока его отбывания, что противоречит сущности условно-досрочного освобождения [83, с. 73—74]. Например, по изученным делам в 10,6% определений об условно-досрочном освобождении вопрос об освобождении осужденного от дополнительного наказания на основании ст. 52 УК был решен судом неверно. Ни в одном из изученных определений суда при положительном решении вопроса об условно-досрочном освобождении от дополнительного наказания не была указана судом его неотбытая часть, хотя именно неотбытое наказание является здесь испытательным сроком, что влечет ряд правовых последствий для освобожденного лица.

Условно-досрочное освобождение от основного наказания без освобождения от дополнительного. Условно-досрочное освобождение — не обязанность, а право суда [142, 1966, № 11, с. 12]. Поэтому вполне мыслимы случаи, когда, условно-досрочно освобождая лицо от основного наказания, суд отказывает ему в освобождении от дополнительного в виде лишения права занимать определенные должности. Такой отказ может быть вызван стремлением проверить во время отбывания дополнительного наказания результаты исправления лица, достигнутые в процессе исполнения основного наказания; закрепить воздействием карательно-воспитательных элементов дополнительного наказания положительные навыки, приобретенные лицом в ходе отбывания основного наказания; воспрепятствовать на некоторое время возвращению лица в ту среду или обстановку, в которой было совершено преступление, и т. п.

Поскольку в данной ситуации лицо условно-досрочно освобождается лишь от основного наказания, испытательный срок равен здесь неотбытой части основного наказания. Что касается дополнительного наказания в

виде лишения права занимать определенные должности, то в силу ч. 3 ст. 31 УК лицо либо продолжает отбывать его (если это дополнительное наказание было присоединено к основному, не связанному с лишением свободы), либо момент освобождения от основного наказания является одновременно и началом отбывания указанного дополнительного наказания (если оно было присоединено к основному наказанию в виде лишения свободы). При этом также возможно, что испытательный срок (неотбытая часть основного наказания) будет большим, равным или меньшим, чем срок подлежащего отбытию дополнительного наказания.

Поэтому если лицо совершит новое умышленное преступление, за которое оно осуждается к лишению свободы, в течение испытательного срока, но до полного отбытия дополнительного наказания, то к наказанию, назначенному за новое преступление, присоединяется (полностью или частично) как неотбытая часть основного наказания на основании ч. 10 ст. 52 УК, так и отбываемое лицом дополнительное наказание, однако уже в соответствии со ст. 43 УК. Если же лицо совершит в этой ситуации *любое иное* преступление (а не умышленное, за которое назначено лишение свободы), то к вновь назначенному наказанию присоединяется (полностью или частично) лишь неотбытое дополнительное наказание на основании ч. 1 ст. 43 УК. Неотбытая же часть срока основного наказания, от которого лицо было условно-досрочно освобождено, присоединению к вновь назначенному наказанию не подлежит, так как лицо не нарушило условия, указанного в ч. 10 ст. 52 УК.

Если такое лицо совершит новое умышленное преступление, за которое оно осуждается к лишению свободы, в течение испытательного срока, но уже после отбытия дополнительного наказания, то к вновь назначенному наказанию присоединяется (полностью или частично) лишь неотбытая часть срока основного наказания в соответствии с ч. 10 ст. 52 УК.

Наконец, если освобожденное лицо после истечения испытательного срока (т. е. неотбытой части основного наказания), но до полного отбытия дополнительного наказания совершит как новое умышленное преступление, за которое осуждается к лишению свободы, так и

любое иное преступление, то на основании ст. 43 УК к наказанию, назначенному за это преступление, присоединяется (полностью или частично) только неотбытое дополнительное наказание. Поскольку испытательный срок истек, то здесь действуют только общие правила назначения наказания по нескольким приговорам, установленные в ст. 43 УК.

- Ввиду того что в описанной ситуации лицо условно-досрочно освобождается лишь от основного наказания, а в освобождении от дополнительного судом было отказано, возникает вопрос: возможно ли в этом случае повторное рассмотрение ходатайства об условно-досрочном освобождении от дополнительного наказания?

В литературе было высказано мнение, согласно которому повторное рассмотрение вопроса об условно-досрочном освобождении от дополнительного наказания недопустимо [114, с. 131]. Однако это суждение вряд ли соответствует закону. В ч. 5 ст. 407 УПК УССР прямо указано на возможность повторного представления об условно-досрочном освобождении по истечении одного года либо шести месяцев (в зависимости от тяжести преступления, срока назначенного за него лишения свободы либо возраста осужденного) со дня вынесения судом определения об отказе. Причем, решая этот вопрос, УПК УССР не разграничивает условно-досрочное освобождение в зависимости от вида наказания (основного или дополнительного), не указывает, в отношении какого из них было отказано судом в освобождении. Такая редакция закона дает основание считать, что истечение годичного либо шестимесячного срока со дня вынесения судом определения об отказе в условно-досрочном освобождении является общим условием, соблюдение которого дает право повторно ходатайствовать об освобождении лица как от основного, так и от дополнительного наказания. Следовательно, если при условно-досрочном освобождении лица от основного наказания вопрос об освобождении осужденного от дополнительного наказания был решен судом отрицательно, то повторное его рассмотрение вполне допустимо, но лишь по истечении сроков, установленных ч. 5 ст. 407 УПК УССР. Именно так решает этот вопрос и Пленум Вер-

ховного Суда СССР в постановлении от 19 октября 1971 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким» [141, 1971, № 6, с. 22]. Такое понимание закона разделяется и большинством криминалистов, исследовавших данный вопрос [90, с. 128; 130, с. 25—26; 5, с. 46].

К описанной ситуации примыкают и случаи, когда лицо условно-досрочно освобождается от основного наказания, а вопрос об освобождении его от дополнительного наказания судом рассмотрен не был. Изучение практики показывает, что суды, рассматривая представления об условно-досрочном освобождении от основного наказания, зачастую не обсуждают аналогичный вопрос в отношении дополнительного наказания [145, 1979, № 7, с. 13]. Так, по изученным материалам об условно-досрочном освобождении этот вопрос не обсуждался судами в 50% случаев. По данным некоторых исследований, число дел, где суды в момент условно-досрочного освобождения лица от основного наказания не обсуждали вопрос об освобождении от дополнительного наказания, достигает 80% [145, 1967, № 11, с. 6]. Причиной такого положения является, как правило, отсутствие в момент рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении от основного наказания ходатайства соответствующих органов или осужденного об освобождении и от наказания дополнительного¹. В связи с этим в судебной практике возник вопрос: имеет ли суд право по собственной инициативе (даже при отсутствии ходатайства соответствующих органов или самого осужденного), рассматривая представление об условно-досрочном освобождении лица от основного наказания, обсудить вопрос об освобождении его и от наказания дополнительного?

Некоторые криминалисты считают, что отсутствие такого ходатайства исключает возможность обсуждения судом вопроса об условно-досрочном освобождении

¹ Согласно УПК АрмССР, БССР, ГССР, ЛитССР, МССР, РСФСР, ТаджССР и ТССР освобождение от наказания в виде лишения права занимать определенные должности производится судом по ходатайству общественной организации, трудового коллектива или самого осужденного. УПК других союзных республик специальных указаний по этому вопросу не содержат.

лица от дополнительного наказания [130, с. 26; 114, с. 130]. Иной точки зрения по рассматриваемому вопросу придерживается Пленум Верховного Суда СССР, который в постановлении от 19 октября 1971 г. прямо указал, что при условно-досрочном освобождении от основного наказания осужденных, к которым были применены дополнительные наказания, *суды во всех случаях, как по представлению органа, ведающего исполнением наказания, так и по своей собственной инициативе не только вправе, но и обязаны обсуждать вопрос* о возможности освобождения осужденного и от дополнительного наказания [136, с. 131]. Такие же рекомендации даны судам и в аналогичном постановлении Пленума Верховного Суда УССР от 26 декабря 1975 г. [143, 1976, № 4, с. 101]. Указанная позиция нашла поддержку и в юридической литературе [90, с. 127; 46, с. 150; 5, с. 45—46 и др.].

Представляется, что решение, предложенное высшими судебными инстанциями СССР и УССР, является единственно правильным, поскольку оно опирается на закон и диктуется логикой его применения. Обсуждая вопрос об условно-досрочном освобождении лица от основного наказания, суд, естественно, должен высказать свое мнение о целесообразности либо, напротив, нецелесообразности дальнейшего отбывания осужденным и дополнительного наказания. Так или иначе, но суд должен оговорить в определении об условно-досрочном освобождении, освобождается ли осужденный только от основного наказания либо от основного и дополнительного наказания одновременно, а в связи с этим и обязан обсудить вопрос о «судьбе» дополнительного наказания [145, 1971, № 12, с. 7]. Тем более, что это имеет принципиальное значение, поскольку отбытие осужденным установленной законом части срока основного наказания и доказанность исправления часто свидетельствуют о том, что нет необходимости в дальнейшем отбывании лицом не только оставшейся части основного, но и дополнительного наказания. Поэтому отсутствие в данной ситуации такого формального условия, как ходатайство соответствующих органов или самого осужденного, не должно и не может служить препятствием для обсуждения судом по собственной иници-

циативе вопроса о возможности освобождения лица и от дополнительного наказания.

Однако в настоящее время суды, освобождая лиц от основного наказания, зачастую не рассматривают вопрос об освобождении их и от дополнительных наказаний. Поэтому лицо, которое было условно-досрочно освобождено от основного наказания, а вопрос об освобождении его от дополнительного наказания судом не обсуждался, продолжает отбывать дополнительное наказание. Но возможно ли и по истечении какого периода времени условно-досрочное освобождение такого лица от дополнительного наказания? Анализ судебной практики показывает, что этот вопрос не всегда решается верно [40, с. 169—170].

Отбытие лицом установленной законом части срока основного наказания и доказанность его исправления являются, как уже указывалось, общим (единственным и достаточным) основанием для одновременного условно-досрочного освобождения как от основного, так и от дополнительного наказания. Аналогичное положение имеет место и в исследуемом случае с той лишь разницей, что вопрос об освобождении от дополнительного наказания решается здесь не одновременно, а уже после условно-досрочного освобождения осужденного от основного наказания. Причем такое положение возникает в силу того, что вопрос об освобождении от дополнительного наказания не был своевременно рассмотрен по упущению суда, а не потому, что суд отказал в освобождении от дополнительного наказания. Отсюда следует, что если при условно-досрочном освобождении от основного наказания вопрос об аналогичном освобождении лица от дополнительного наказания судом не рассматривался, то ходатайство по этому поводу (ввиду наличия оснований и отсутствия отказа в таком освобождении) может быть возбуждено *в любое время*, без ограничения какими-либо сроками, в том числе и сроком, установленным в ч. 5 ст. 407 УПК УССР.

Условно-досрочное освобождение от дополнительного наказания после полного отбытия лицом основного наказания. Вопрос об условно-досрочном освобождении от дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности может возникнуть и

тогда, когда осужденный (за исключением лиц, перечисленных в ст. 44¹ Основ, от. 52¹ УК) уже полностью отбыл основное наказание и продолжает отбывать только дополнительное. Ввиду отсутствия доказательств исправления лица в процессе отбывания им основного наказания осужденный не был представлен к условно-досрочному освобождению и полностью отбыл срок основного наказания. Однако в ходе отбывания дополнительного наказания примерным поведением и честным отношением к труду лицо может доказать свое исправление, и в связи с этим встает вопрос о возможности его условно-досрочного освобождения.

Возможность условно-досрочного освобождения в данном случае от таких дополнительных наказаний, как ссылка и высылка, ни у кого не вызывает сомнений, в то время как допустимость аналогичного освобождения от дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности иногда оспаривается. Так, Ю. М. Ткачевский полагает, что если осужденный полностью отбыл основное наказание и отбывает уже только дополнительное, то условно-досрочное освобождение от последнего «теряет здесь свою специфику и применяется на тех же основаниях, что условно-досрочное освобождение от основного наказания». Поскольку, отмечает далее Ю. М. Ткачевский, условно-досрочное освобождение от лишения права занимать определенные должности, назначенного как основное наказание, законом не предусмотрено, то отсюда делается вывод, что освобождение от этого дополнительного наказания допустимо лишь *одновременно* с условно-досрочным освобождением от основного наказания [114, с. 132—133]. Вряд ли указанные доводы могут быть признаны убедительными по следующим соображениям.

Во-первых, условно-досрочное освобождение от дополнительного наказания (в том числе и такого его вида, как лишение права занимать определенные должности) возможно, как отмечалось, не только одновременно, но и после того, как лицо уже было условно-досрочно освобождено от основного наказания. Такая ситуация может возникнуть в силу того, что первоначально лицу было отказано в условно-досрочном освобождении.

дении от дополнительного наказания либо этот вопрос не был рассмотрен по упущению суда в момент освобождения лица от основного наказания. Вероятно, уже даже по этим основаниям нельзя исключать и возможность решения вопроса об освобождении осужденного от дополнительного наказания после отбытия им срока основного наказания полностью. Во-вторых, закон (ст. 52 УК) не делит основания условно-досрочного освобождения на две отдельные группы: основания освобождения от основного и основания освобождения от дополнительного наказания. Основания условно-досрочного освобождения едины — примерное поведение и честное отношение осужденного к труду, свидетельствующие о его исправлении. Именно поэтому (и в этом прав Ю. М. Ткачевский) условно-досрочное освобождение от дополнительного наказания действительно применяется (независимо от времени рассмотрения этого вопроса) «на тех же основаниях», что и освобождение от основного наказания. Наконец, в-третьих, условно-досрочное освобождение лица от дополнительного наказания после отбытия им срока основного наказания полностью ни в коем случае не приводит к тому, что это дополнительное наказание переходит в разряд основных. Ведь если лицо совершит в этом случае новое умышленное преступление, за которое оно осуждается к лишению свободы, то к вновь назначенному наказанию суд присоединит неотбытую часть лишения права занимать определенные должности именно в качестве дополнительного, а не основного наказания. Поскольку не утрачивает своей специфики наказание (оно остается дополнительным), постольку не изменяется в этой ситуации и характер освобождения: оно остается условно-досрочным освобождением от *дополнительного* наказания.

Подводя итог, можно сделать вывод, что условно-досрочное освобождение от дополнительного наказания после полного отбытия лицом основного наказания в равной мере распространяется на все без исключения указанные в ч. 7 ст. 52 УК виды дополнительных наказаний: ссылку, высылку и лишение права занимать определенные должности. Именно из такого понимания закона исходит и Пленум Верховного Суда СССР, когда в постановлении от 19 октября 1971 г. отмечает: «В

тех случаях, когда вопрос об условно-досрочном освобождении от дополнительного наказания осужденного, полностью отбывшего основное наказание, возник во время отбывания им дополнительного наказания, суд может освободить его от этого наказания по отбытии им установленной законом части дополнительного наказания и при наличии других указанных в законе условий» [136, с. 132].

Поскольку в процессе отбывания основного наказания лицо не было представлено к условно-досрочному освобождению в силу отсутствия доказательств его исправления, постольку для такого освобождения от дополнительного наказания осужденный в течение определенной части срока этого вида наказания примерным поведением и честным отношением к труду должен доказать свое исправление. В связи с этим возникает вопрос: какую по продолжительности часть срока дополнительного наказания должно фактически отбыть лицо, чтобы заслужить право на условно-досрочное освобождение? Прямых указаний по этому вопросу применительно к дополнительным видам наказания закон не содержит. Однако из смысла ст. 52 УК вытекает, что его решение должно основываться на учете судом характера совершенного преступления (его тяжести и формы вины), вида и размера отбытого осужденным основного наказания, наличия или отсутствия рецидива и др., поскольку именно в зависимости от этих обстоятельств закон устанавливает различную продолжительность подлежащей обязательному отбытию части срока наказания. Исходя из этих обстоятельств в ч. 4—6 ст. 52 УК указывается, что лицо должно фактически отбыть не менее половины, двух третей или трех четвертей назначенного наказания. Эти положения применяются судом прежде всего при условно-досрочном освобождении лица от основного наказания. Однако в тех случаях, когда лицо полностью отбыло основное наказание и вопрос об условно-досрочном освобождении возникает в ходе отбывания дополнительного наказания, суд также обязан руководствоваться ч. 4—6 ст. 52 УК [112, с. 67—68]. С этой точки зрения лицо, отбывшее основное наказание, подлежит условно-досрочному освобождению от дополнительного после фактического отбытия: не менее поло-

вины срока дополнительного наказания, если оно было осуждено, например, к основному наказанию в виде исправительных работ (ч. 4 ст. 52 УК); не менее двух третей — при осуждении, например, за умышленное преступление к лишению свободы на срок свыше трех лет (п. 1 ч. 5 ст. 52 УК); не менее трех четвертей — при осуждении, например, за особо злостное хулиганство (п. 1 ч. 6 ст. 52 УК) и т. д.

Указанные положения носят общий характер. Вместе с тем следует иметь в виду, что исчисление обязательного к отбытию срока имеет свои особенности применительно к различным видам дополнительных наказаний. Если речь идет о ссылке или высылке, то часть срока, по отбытии которой лицо может быть условно-досрочно освобождено от этих дополнительных наказаний, всегда равна здесь половине (двум третям либо трем четвертям) *назначенного к отбыванию* срока наказания. Это объясняется тем, что ссылка и высылка как дополнительные наказания начинают свое течение всегда с момента отбытия лицом основного наказания.

Что же касается условно-досрочного освобождения от лишения права занимать определенные должности, то для исчисления обязательной к отбытию части срока этого дополнительного наказания следует исходить (когда лицо уже отбыло основное наказание) *либо из назначенного к отбыванию, либо из оставшегося к отбытию* срока данного наказания. Различия в точке отсчета продолжительности части срока наказания в виде лишения права занимать определенные должности объясняются своеобразием исчисления срока этого дополнительного наказания в зависимости от того, к какому виду основного наказания оно присоединяется. Напомним, что согласно ч. 3 ст. 31 УК при присоединении лишения права занимать определенные должности к лишению свободы, оно распространяет свое действие на все время отбывания этого основного наказания и, сверх того, на срок, установленный приговором. Если же это дополнительное наказание присоединяется к любому другому виду основного наказания (например, к исправительным работам), то срок его исчисляется с момента начала отбывания основного наказания. Следовательно, при условно-досрочном освобождении от этого дополнительного наказания лица, полностью отбывшего основное на-

казание, могут возникнуть две ситуации: лицо полностью отбыло лишение свободы и только начало отбывать дополнительное наказание либо полностью отбыло иное основное наказание (не связанное с лишением свободы) и равную ему по времени часть срока дополнительного наказания. Однако эта часть срока дополнительного наказания, которая отбывалась одновременно с основным, не может учитываться при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, так как в ходе ее отбывания осужденный не доказал своего исправления. Поэтому если лицо, осужденное к лишению свободы и дополнительному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности, полностью отбыло основное наказание, то для условно-досрочного освобождения необходимо, чтобы оно отбыло не менее половины (двух третей или трех четвертей) *назначенного к отбыванию срока дополнительного наказания*. Если же лицо осуждено к любому иному виду основного наказания и указанному дополнительному, то после полного отбытия основного наказания для условно-досрочного освобождения от дополнительного необходимо, чтобы такое лицо отбыло не менее половины (двух третей или трех четвертей), но не назначенного приговором к отбыванию, а *оставшегося к отбытию срока* лишения права занимать определенные должности.

Таким образом, после полного отбытия основного наказания лицо, отбывшее установленную законом часть срока дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности и доказавшее свое исправление, может быть условно-досрочно освобождено. Испытательным сроком является в этом случае неотбытая часть дополнительного наказания. Совершение лицом в течение этого срока нового умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, влечет присоединение к вновь назначенному наказанию неотбытой части срока дополнительного наказания.

Освобождение от дополнительного наказания при замене неотбытой части основного наказания более мягким. Согласно ч. 7 ст. 44 Основ (ч. 7 ст. 52 УК) суд может освободить осужденного от дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности не только при условно-досрочном освобождении

дении, но и при замене неотбытой части основного наказания другим, более мягким основным наказанием. Заменяя неотбытую часть срока основного наказания другим, более мягким, суд может *одновременно* освободить лицо и от дополнительного наказания. Для определения характера такого освобождения необходимо обратиться к анализу сущности самого института замены неотбытой части наказания более мягким.

Как вытекает из ст. 52 УК, сущность этого института состоит в том, что осужденный не освобождается полностью от неотбытой части основного наказания (как это имеет место при условно-досрочном освобождении), а последняя лишь заменяется другим, более мягким основным видом наказания, которое лицо продолжает отбывать. В то же время такая замена означает, что осужденный фактически досрочно освобождается от части срока более тяжкого вида основного наказания. Однако это досрочное освобождение (в отличие от условно-досрочного) является *безусловным*, поскольку его применение не оговорено в законе какими-либо условиями, связанными с неотбытой частью срока более тяжкого наказания, от которой лицо было освобождено путем ее замены [146, 1961, № 5, с. 27]. Иначе говоря, неотбытая часть наказания, от которой лицо освобождается здесь путем ее замены более мягким наказанием, признается юридически ничтожной, поскольку все правовые последствия закон связывает в дальнейшем лишь с отбытым сроком более тяжкого наказания и тем менее тяжким видом наказания, которое лицо продолжает отбывать после замены [142, 1965, № 10, с. 17].

Одновременно с такой заменой неотбытой части срока основного наказания суд может освободить лицо, как это прямо закреплено в ч. 7 ст. 52 УК, и от наказания дополнительного. Причем освобождение от дополнительного наказания в подобной ситуации также не оговорено в законе какими-либо условиями на будущее, выдвигаемыми перед лицом на протяжении неотбытого дополнительного наказания. Установив возможность освобождения лица от дополнительного наказания при одновременной замене основного, закон не связывает с этим дополнительным наказанием каких-либо правовых последствий в дальнейшем. Это означает, что как неотбытая часть основного наказания, которая заменена более

мягким наказанием, так и неотбытое дополнительное наказание, от которого лицо было освобождено при замене, теряют свое значение и не становятся испытательным сроком для освобожденного лица. Следовательно, неотбытое дополнительное наказание не может быть присоединено к наказанию, назначенному за новое преступление. Поэтому, если лицо, к которому одновременно с заменой неотбытой части срока основного наказания более мягким было применено освобождение от дополнительного наказания, в период отбывания более мягкого наказания совершит новое преступление, то к вновь назначенному наказанию присоединяется на основании ст. 43 УК лишь неотбытая часть данного более мягкого основного наказания. Такой вывод вытекает из сущности самого института замены. Именно так решается этот вопрос в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г., где указывается, что в подобных случаях «...к наказанию за вновь совершенное преступление присоединяется полностью или частично по правилам, установленным ст. 36 Основ, неотбытая часть более мягкого наказания» [141, 1971, № 6, с. 24]. Таким образом, приведенные соображения свидетельствуют о том, что освобождение лица от дополнительного наказания при одновременной замене неотбытой части срока основного наказания более мягким носит безусловный характер [113, с. 58].

Однако закон (ст. 52 УК) не возлагает на суд обязанности освобождения лица от дополнительного наказания при одновременной замене неотбытой части основного наказания более мягким. Поэтому суд, осуществляя замену неотбытой части основного наказания более мягким, может прийти к выводу о необходимости сохранить дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности и на этом основании, мотивируя свое решение, откажет осужденному в освобождении от его отбывания. Такой отказ может быть обусловлен различными причинами, например, необходимостью усилить превентивные свойства более мягкого основного наказания за счет дополнительного наказания, воспрепятствовать возвращению лица в ту среду или обстановку, в которой ранее было совершено преступление и т. п. В этой ситуации лицо реально отбывает как более мягкое основное наказание, определенное в порядке за-

мены, так и то дополнительное наказание, которое первоначально было назначено приговором суда. В связи с этим возникает вопрос: могут ли соответствующие органы или сам осужденный повторно ходатайствовать о досрочном освобождении от дополнительного наказания и по истечении какого периода времени?

Уголовно-процессуальный закон (ст. 407 УПК УССР) прямого ответа на этот вопрос не дает. Вместе с тем ранее уже отмечалось, что если при условно-досрочном освобождении от основного наказания суд отказывает в таком же освобождении от дополнительного, то повторное рассмотрение этого вопроса может состояться по истечении сроков, установленных в ч. 5 ст. 407 УПК УССР. Представляется, что аналогично должен решаться этот вопрос и в рассматриваемой ситуации. Разница между сравниваемыми случаями носит, скорее, чисто внешний, формальный характер и заключается в том, что в первом из них отказ в освобождении от дополнительного наказания последовал в момент условно-досрочного освобождения от основного наказания, а во втором — в момент замены неотбытой части основного наказания более мягким. Поскольку эти отличия не затрагивают существа дела (т. е. не касаются вопроса о возможности повторного ходатайства об освобождении от дополнительного наказания), то вряд ли есть основания решать его иначе во втором случае, чем в первом. Таким образом, если при замене неотбытой части основного наказания более мягким, вопрос об освобождении осужденного от дополнительного наказания был решен судом отрицательно, то повторное его рассмотрение вполне допустимо, но лишь по истечении сроков, установленных в ч. 5 ст. 407 УПК УССР. Отсутствие прямых указаний по этому вопросу в ст. 407 УПК УССР свидетельствует о наличии пробела в законе.

Некоторое сходство с проанализированной имеет такая ситуация, когда, заменяя неотбытую часть основного наказания более мягким, суд оставляет без рассмотрения вопрос об освобождении лица от дополнительного наказания. Такое упущение может иметь место ввиду отсутствия ходатайства со стороны соответствующих органов или самого осужденного об освобождении от дополнительного наказания, хотя суд обязан обсудить этот вопрос и по собственной инициативе. При оценке этой

ситуации следует иметь в виду, что отбытие лицом определенной части основного наказания и доказанность его исправления является основанием не только для замены неотбытой части срока основного наказания более мягким наказанием, но и для одновременного освобождения осужденного от дополнительного наказания. Отсутствует в этом случае и отказ суда в освобождении от дополнительного наказания. В силу этого необходимо признать: если при замене неотбытой части основного наказания более мягким вопрос об одновременном освобождении лица от дополнительного наказания судом не рассматривался, то ходатайство по этому поводу (ввиду наличия оснований и отсутствия отказа в таком освобождении) может быть возбуждено *в любое время*, без ограничения какими-либо сроками, в том числе и установленными в ст. 407 УПК УССР.

Как в том случае, когда освобождение от дополнительного наказания имело место *одновременно* с заменой неотбытой части основного наказания более мягким, так и в том, когда оно состоялось *после* такой замены, характер его не меняется — оно остается *досрочным, но безусловным*. Такое освобождение от дополнительного наказания определяется здесь сущностью самого института замены. Безусловный характер замены неотбытой части основного наказания более мягким порождает (влечет за собой) и безусловность освобождения от дополнительного наказания, причем это не должно зависеть от времени применения данного освобождения: одновременно с заменой или после ее осуществления.

Проведенный анализ закона позволяет сделать общий вывод — *на основании ст. 44 Основ (ст. 52 УК) возможно как условно-досрочное, так и досрочное, но безусловное освобождение от дополнительного наказания* в виде лишения права занимать определенные должности. В равной мере это распространяется и на такие виды дополнительных наказаний, как ссылка и высылка. Поэтому представляется далеко не случайным, что устанавливая возможность освобождения от дополнительных наказаний, законодатель употребляет в ч. 7 ст. 44 Основ (ч. 7 ст. 52 УК) собирательный термин «освобождение», не конкретизируя его и не указывая на характер такого освобождения. Видимо, такая редакция закона:

основана именно на учете законодателем возможности как условно-досрочного, так и досрочного, но безусловного освобождения от дополнительных наказаний в порядке ст. 44 Основ (ст. 52 УК).

Изложенное свидетельствует о том, что ситуации, которые могут возникнуть при решении вопроса об освобождении от дополнительных наказаний на основании ст. 44 Основ (ст. 52 УК), довольно сложны и многообразны. Поэтому наличие в этой норме лишь самых общих указаний по рассматриваемому вопросу говорит о ряде существенных пробелов и порождает много неясностей, преодолеваемых в настоящее время путем сложного логического и систематического толкования закона, в результате которого приходится прибегать фактически к аналогии. Все это, безусловно, сказывается на эффективности закона, порождает противоречивость рекомендаций, высказываемых в литературе, и вызывает серьезные затруднения в практике применения ст. 44 Основ (ст. 52 УК) [130, с. 25—26; 146, 1974, № 4, с. 61—62]. По-видимому, необходимо более четко и детально урегулировать вопросы освобождения от дополнительных наказаний в самом уголовном законе [119, с. 216—218]. С этой точки зрения представляется целесообразным:

- 1) изложить положения об основаниях и порядке освобождения осужденных от дополнительных наказаний в отдельной норме закона;
- 2) четко зафиксировать в ней, что условно-досрочное освобождение от дополнительного наказания возможно как одновременно, так и после условно-досрочного освобождения лица от основного наказания либо после отбытия им срока основного наказания полностью;
- 3) указать, что освобождение от дополнительного наказания возможно также при замене неотбытой части основного наказания более мягким, причем такое освобождение допустимо как одновременно, так и после осуществления замены. Подчеркнуть, что в отличие от условно-досрочного, освобождение осужденного от дополнительного наказания при замене неотбытой части основного наказания более мягким носит досрочный, но безусловный характер.

**ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА
ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ****§ 1. Вопросы исполнения лишения права
занимать определенные должности в действу-
ющем законодательстве и судебной практике**

Эффективность и предупредительное значение наказания находятся в прямой зависимости от его исполнения. Поэтому анализ лишения права занимать определенные должности предполагает исследование не только практики его назначения, но и порядка исполнения данного вида наказания.

Сущность исполнения данного наказания заключается в отстранении осужденного от занимаемой должности, выполняемой во время совершения преступления деятельности и лишении его права занимать такие должности или заниматься соответствующей деятельностью в течение установленного приговором срока. Исполнение этого наказания, как не связанного с лишением свободы, производится в нормальных условиях жизни человека. Поэтому эффективность его применения во многом зависит от влияния тех социальных групп, той среды, в которых он будет находиться после вынесения приговора. Это влияние не всегда может быть благоприятным, так как хотя осужденный и отстраняется от той должности либо деятельности, преимуществами которых он воспользовался для совершения преступления, однако во многих случаях находится в том же городе, районе, проживает по прежнему месту жительства, иногда остается в том же трудовом коллективе, т. е. среди того же социального окружения, что и во время совершения преступления. Вот почему для эффективного воздействия этого наказания особое значение имеет правильная организация его исполнения, сочетающаяся со строгим контролем и надзором за поведением осужденного со стороны органов государства и общественности. Однако, как показывает анализ законодательства и практики, эффективность применения данного вида наказания существенно снижают недостатки в области его исполнения.

Прежде всего необходимо решить вопрос: на ком лежит обязанность по исполнению этого наказания? Согласно ч. 1 ст. 404 УПК УССР распоряжение об исполнении приговора посылается вместе с его копией тому органу, на который возложена обязанность приведения приговора в исполнение. Между тем, ни в уголовно-процессуальном, ни в исправительно-трудовом законодательстве не указан тот орган, на который возложена обязанность по исполнению лишения права занимать определенные должности. Не урегулирован этот вопрос и в каких-либо иных нормативных актах. Например, в Инструкции по делопроизводству в районном (городском) народном суде помещен целый раздел о порядке обращения к исполнению приговоров, определений и постановлений по уголовным делам, но и здесь отсутствуют какие-либо указания относительно рассматриваемого наказания, хотя в отношении иных видов наказания такие сведения имеются.

Исходя из этого, многие научные и практические работники полагают, что органами, обязанными исполнять это наказание, следует считать: а) администрацию предприятия (учреждения), где в момент совершения преступления работал осужденный, либо администрацию той организации, куда лицо поступает на работу после увольнения с прежнего места работы в связи с осуждением к данному наказанию; б) различные вышестоящие организации (например, отделы здравоохранения, управления торговли, тресты и т. п.); в) административные органы, осуществляющие надзор за тем или иным видом специальной (профессиональной) деятельности (например, органы ГАИ) [67, с. 40; 145, 1974, № 9, с. 19; 19, с. 98—99 и др.].

Следует признать, что в настоящее время при отсутствии в законодательстве каких-либо норм, регулирующих порядок исполнения лишения права занимать определенные должности, возложение обязанности по исполнению данного наказания на указанные органы — единственно возможное средство его исполнения. Именно поэтому суды, как правило, направляют копии приговоров для исполнения лишения права занимать определенные должности администрации предприятия (учреждения) по месту работы осужденного, вышестоящим организациям либо административным органам типа

ГАИ. Однако такой порядок исполнения наказания имеет существенные недостатки и не может быть признан удовлетворительным.

Прежде всего необходимо еще раз отметить, что закон не возлагает обязанности по исполнению анализируемого вида наказания непосредственно на эти органы. Кроме того, как администрация предприятия, так и вышестоящие по отношению к ней организации главным образом заняты решением задач производственно-технического, административно-хозяйственного и другого характера и не могут надлежащим образом обеспечить исполнение наказания, поскольку их возможности в этой области крайне ограничены. Достаточно указать, что каждый из этих органов осуществляет свою деятельность изолированно и лишь в пределах своей компетенции в той или иной сфере общественного производства. Такая деятельность осуществляется, как правило, в рамках определенной хозяйственной единицы (предприятия, учреждения, участка) или, в лучшем случае, административного района. Так, если даже у администрации предприятия по месту работы осужденного и есть возможность исполнить приговор — лишить его права занимать определенные должности, то ее реализация ограничена рамками данного предприятия или учреждения. При переходе осужденного на другое предприятие (даже в пределах одного района или населенного пункта) администрация, как справедливо отмечается в литературе, уже не в состоянии воспрепятствовать ему занимать те должности, права на отправление которых осужденный лишен приговором суда. В случае же переезда осужденного на новое место жительства (в другой район, город, область, республику) он получает еще большую возможность уклониться от отбывания этого вида наказания [146, 1963, № 2, с. 42; 70, с. 47]. Что касается тех предприятий, куда лицо поступает на работу после его увольнения в связи с осуждением, то их администрация, как правило, вообще не информирована о таком наказании лица. Ведь в настоящее время лицам, осужденным к данному виду наказания, никаких отметок о лишении их права занимать определенные должности в документах не делается. Поэтому практически установить наличие такого запрета в большинстве случаев просто невозможно. Не предусмотрена в

законе и ответственность за уклонение от отбывания этого наказания, что дает осужденному возможность безбоязненно скрывать факт осуждения его к лишению права занимать определенные должности и при поступлении на новое место работы претендовать на занятие тех должностей, права на осуществление которых он был лишен приговором суда.

Вышестоящие организации (отделы, управления и т. п.) также ограничены в возможности осуществления должного контроля за исполнением лишения права занимать определенные должности хотя бы потому, что право приема на работу во многих случаях предоставлено непосредственно администрации предприятия (учреждения) без согласования с вышестоящими органами.

Система органов, осуществляющих надзор за определенными видами специальной (профессиональной) деятельности, также не является всеобъемлющей, так как контроль или надзор установлен не за всеми видами профессиональной деятельности. Однако даже в тех областях специальной деятельности, где есть такой надзор, с исполнением лишения права занимать определенные должности в настоящее время далеко не все обстоит благополучно. Например, один из наиболее часто применяемых на практике конкретных видов лишения прав — лишение осужденного права на управление транспортными средствами (41,2% осужденных по изученным делам). Казалось бы, можно сделать вывод о том, что органом, исполняющим этот вид правоограничения, является ГАИ. Однако в Положении о ГАИ не содержится четко зафиксированной обязанности этих органов по исполнению данного вида наказания [134, 1963, № 19, ст. 193]. В связи с этим суды часто не сообщают в органы ГАИ о применении этого вида наказания, не направляют изъятые водительские удостоверения (а иногда вовсе не изымают их), а органы ГАИ, в свою очередь, не ведут специального учета лиц, лишенных по приговору суда права на управление транспортными средствами [146, 1973, № 3, с. 62; 19, с. 100].

Таким образом, обязанность по исполнению наказания в виде лишения права занимать определенные должности не может быть в полном объеме возложена на указанные органы. Существующий же порядок исполнения наказания, когда такая обязанность фактически

полностью возлагается на эти органы, не может обеспечить должного уровня эффективности рассматриваемого вида наказания. Более того, неурегулированность порядка исполнения анализируемого вида наказания в законодательстве; отсутствие единой системы органов, его исполняющих; определенная, если можно так выразиться, «разнородность и разобоченность» органов, на которые в настоящее время фактически возложены такие функции, — все это порождает значительные трудности, ослабляет эффективность данного вида наказания, отрицательно сказывается на достижении целей, стоящих перед ним.

Изучение уголовных дел показало, что, направляя копии приговоров к лишению права занимать определенные должности, суды часто не сопровождают их распоряжением об исполнении приговора, а отсылают с формулировкой «для сведения». В свою очередь, администрация предприятия (учреждения), куда направлены копии приговоров для исполнения, в подавляющем большинстве случаев не уведомляют суд о принятии мер по исполнению приговора, хотя (если признать эти организации органами, исполняющими приговор) закон (ч. 8 ст. 404 УПК УССР) обязывает их к этому. При опросе большинство судей (66,7%) указали, что уведомления о принятых мерах по исполнению приговора к лишению права занимать определенные должности от соответствующих организаций ими не получены. Изучение же уголовных дел свидетельствует о том, что лишь в одной трети материалов были уведомлены от соответствующих организаций об исполнении данного вида наказания.

Серьезные ошибки допускаются и администрацией предприятий (учреждений), вышестоящими по отношению к ним органами при увольнении с работы лиц, лишенных права занимать определенные должности по приговору суда. Большое значение имеет здесь правильность формулировки оснований увольнения в трудовой книжке осужденного, поскольку такое увольнение не связано с инициативой сторон. В этом случае инициатором увольнения работника является суд, лишивший его своим приговором соответствующих прав. Случаи такого увольнения прямо предусмотрены в п. 7 ст. 15 Основ законодательства о труде [п. 7 ст. 36 КЗоТ УССР), согласно которому трудовой договор мо-

жет быть расторгнут при вступлении в законную силу приговора суда, которым рабочий или служащий осужден к наказанию, исключающему возможность продолжения им данной работы. В связи с тем что приговор суда является обязательным для администрации, а основания такого увольнения прямо предусмотрены в трудовом законодательстве, администрация обязана не только уволить осужденного, но и, что не менее важно, отразить основания увольнения в трудовой книжке в точном соответствии с формулировкой действующего закона и со ссылкой на соответствующий пункт статьи КЗоТ. Такая формулировка увольнения не только правильно отражает действительное основание прекращения трудового договора, но и в определенной степени является препятствием для занятия в дальнейшем должности либо деятельностью, запрещенных лицу приговором суда, исключает возможность совершения аналогичных преступлений, способствует достижению целей наказания.

Однако это требование закона часто нарушается. Так, по данным исследования В. П. Махоткина, из общего числа лиц, уволенных с работы в связи с осуждением к лишению права занимать определенные должности, в отношении 29% трудовой договор был расторгнут по инициативе самого работника (ст. 38 КЗоТ УССР), в отношении 22% — по инициативе администрации из-за обнаружившегося несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации либо состояния здоровья (п. 2 ст. 40 КЗоТ УССР) [71, с. 184—185]. Следовательно, в отношении более 50% осужденных увольнение было произведено и оформлено неправильно, что дало им возможность претендовать на занятие тех должностей, права на отправление которых они лишены приговором суда, способствовало созданию условий для уклонения от отбывания наказания и совершению новых однородных преступлений.

Приходится констатировать, что порядок и условия исполнения рассматриваемого вида наказания в настоящее время правовыми нормами не регламентированы и по существу определяются складывающейся практикой. Во многих случаях это приводит к тому, что обязанность по исполнению данного наказания фактически

возлагается на самого осужденного, контроль за которым со стороны государственных органов и общественности не установлен. В одном из своих выступлений министр юстиции СССР по этому поводу отметил, что в настоящее время учет лиц, осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности, не ведется и никто фактически не следит, где и кем эти лица работают, чем занимаются после вынесения приговоров [146, 1974, № 6, с. 6]. Такое положение существенно затрудняет и возможность осуществления прокурорского надзора за законностью исполнения приговоров к лишению права занимать определенные должности, который возлагается на прокуратуру в соответствии со ст. 415 УПК УССР. Так, при анкетном опросе прокурорских работников, проведенном В. Т. Михайловым, 86,6% из числа опрошенных указали на полное отсутствие у них фактической возможности осуществления надзора за законностью исполнения приговоров к лишению права занимать определенные должности [75, с. 168].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в законодательстве и практике исполнения этого вида наказания имеется ряд существенных недостатков. Сказанное подтверждают и довольно многочисленные факты уклонения осужденных от отбывания этого вида наказания. Например, по данным В. П. Махоткина, из общего числа осужденных к этому виду наказания по изученным им делам 17% лиц на момент проверки работали в тех должностях, права занимать которые они были лишены приговором суда, 18% — занимались иной профессиональной деятельностью, однако были наделены такими правомочиями, осуществляя которые имели возможность совершить новое аналогичное преступление [71, с. 197]. Изучение практики исполнения этого наказания, проведенное Ю. Мельниковой и Н. Алиевым, также показало, что треть осужденных имела реальную возможность продолжить свою преступную деятельность [74, с. 7]. Особенно распространены случаи уклонения при осуждении к данному наказанию в качестве дополнительной меры, так как возможности по осуществлению контроля за его исполнением весьма ограничены. Проверкой, проведенной в Калининградской области, например, было установлено, что из числа лиц, освобожд-

денных из мест лишения свободы с 1961 по 1970 гг. и лишенных права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания за хищения, лишь 42% остались проживать в этой области. Поэтому данные об исполнении дополнительного наказания в отношении 58% лиц, выехавших в другие районы страны, вообще отсутствовали. Что же касается 42% обследованных, то почти половина из них на момент проверки уклонялись от отбывания этого наказания, так как они занимали материально ответственные должности, являлись счетными работниками, бухгалтерами, а в отдельных случаях даже находились на прежней работе, где ранее ими были совершены хищения [145, 1973, № 14, с. 2]. Примерно то же можно сказать в отношении лиц, отбывших или отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы и лишенных права занимать определенные должности в качестве дополнительного наказания. В. И. Плохова, например, указывает, что из числа лиц, отбывших в 1977 г. исправительные работы по линии инспекции исправительных работ Железнодорожного района г. Барнаула и имеющих дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности, 16,6% покинули город, 33,3% в момент исполнения основного наказания осуществляли (вопреки приговору суда) свои прежние функции, 16,6% выполняли их после отбытия основного наказания [92, с. 153]. Не менее внушительные данные приводит и Ю. М. Ткачевский, который отмечает, что случаи уклонения от рассматриваемого дополнительного наказания, назначенного за транспортные преступления, достигают 50% [115, с. 80, 98—99].

Недостатки в области законодательного регулирования и практики исполнения анализируемого вида наказания усугубляются и ошибками, которые допускают суды при его назначении, что также существенно затрудняет, а в ряде случаев и полностью исключает возможность реального его исполнения. Как отмечалось в первой главе настоящей работы, суды нередко упускают из виду требование закона о необходимости конкретизации правового запрета о лишении лица права занимать определенные должности в приговоре таким образом, чтобы он содержал в себе реальные ограничения для осужденного, исключал возможность уклонения от

наказания, совершения аналогичных преступлений и был практически исполним [61, с. 507; 143, 1969, № 3, с. 102; 1971, № 9, с. 104—105].

Отмеченные выше недостатки в области исполнения лишения права занимать определенные должности существенно снижают его эффективность, приводят в ряде случаев к рецидиву преступлений и являются, по мнению самих судей, одной из основных причин сравнительно редкого применения этого наказания на практике [73, с. 69—70; 92, с. 153—155].

§ 2. Правовые гарантии исполнения лишения права занимать определенные должности

Для достижения поставленных перед наказанием целей крайне важно, чтобы не только само наказание обладало достаточным арсеналом карательно-воспитательных и предупредительных средств, но и имелись правовые гарантии их реализации. В настоящее время, как было показано выше, процесс исполнения лишения права занимать определенные должности имеет ряд существенных недостатков. Все это вызывает настоятельную необходимость совершенствования порядка и условий исполнения данного вида наказания, в первую очередь путем законодательного регулирования процесса его исполнения. Иначе говоря, следует прежде всего установить правовые (законодательные) гарантии его исполнения [87, с. 14].

В литературе неоднократно высказывались предложения по вопросам совершенствования порядка исполнения лишения права занимать определенные должности¹. Некоторые авторы предлагают закрепить в законе обязанность осужденных к лишению права занимать определенные должности периодически во время отбывания этого наказания являться в суд, постановивший приговор, либо в суд по месту жительства и сообщать о месте работы и фактической деятельности [70, с. 47; 145, 1973, № 16, с. 29]. В ходе анкетного опроса такое предложение поддержало 5% судей. Представляется однако, что ус-

¹ Интересные предложения о порядке исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, высказаны авторским коллективом, созданным во ВНИИСЗ, который подготовил по этому вопросу соответствующие проекты законов [49, с. 115—125].

тановление такой обязанности не устранит всех сложностей, возникающих в процессе исполнения данного вида наказания. Следует иметь в виду, что суды различных городов, областей, краев и республик непосредственно между собой не связаны, информацией о лишении осужденных права на занятие определенных должностей не обмениваются. Поэтому при переезде осужденного в другую местность в связи с отсутствием у суда по месту нового жительства осужденного сведений об этом наказании контроль за его исполнением будет серьезно затруднен, если не совсем исключен. Аналогичные трудности возникнут и при исполнении этого наказания, назначенного в качестве дополнительного вида, например, к лишению свободы, поскольку после освобождения из ИТУ осужденный может и не проживать в той местности, где он отбывал основное наказание, и не вернуться в тот населенный пункт, где он был предан суду. Кроме того, ни в судах, ни в каких-либо иных органах специальный учет лиц, осужденных к лишению права занимать определенные должности, не ведется. В личные документы осужденного отметки о применении к нему данного наказания в настоящее время также не вносятся. Поэтому реально контролировать явку таких лиц в суд для отчета о фактической деятельности или занимаемой им должности не представляется возможным.

Более предпочтительным является предложение об образовании специального централизованного государственного органа (службы) по исполнению и контролю за исполнением всех наказаний, не связанных с лишением свободы, в том числе и лишения права занимать определенные должности [24, с. 26; 42, с. 280—285 и др.]. Такая служба может быть создана путем учреждения специальных должностных лиц (кураторов) при местных органах власти или судах, как это имеет место в ряде зарубежных социалистических государств, либо в системе органов МВД на базе, например, инспекций исправительных работ [145, 1968, № 1, с. 28; 1969, № 18, с. 27; 143, 1975, № 6, с. 77]. Все судьи, среди которых проводился опрос, высказались за совершенствование порядка исполнения лишения права занимать определенные должности. Причем 16,7% из них считают целесообразным расширить в судах численность

судебных исполнителей и возложить на них обязанность по исполнению этого вида наказания; 10% — учредить институт кураторов; подавляющее большинство (60%) — создать специальную службу (систему органов) по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы, на базе инспекций исправительных работ. Указанные предложения нуждаются, безусловно, в тщательном изучении и дальнейшем детальном исследовании. Однако уже имеющиеся разработки в этой области свидетельствуют о том, что последнее предложение является наиболее приемлемым. Инспекции исправительных работ функционируют уже длительное время, накопили необходимый опыт, имеют прочные связи с общественностью, в достаточной степени связаны между собой и централизованы. Кроме того, расширение их штатов, если это и потребует, не вызовет ни серьезных организационных затруднений, ни значительных материальных затрат [145, 1969, № 5, с. 25]. Наконец, часть необходимой работы могла бы осуществляться в этих органах силами внештатных сотрудников (привлекаемых к выполнению соответствующих функций на общественных началах), деятельность которых стимулировалась бы различными формами морального, а иногда и материального поощрения.

Для обеспечения действенного контроля за осужденными лишение их права занимать определенные должности должно отражаться в соответствующих личных документах (например, в трудовой книжке или даже в паспорте, как это имеет место в отношении лиц, обязанных к уплате алиментов) путем внесения необходимых записей об этом наказании [142, 1973, № 9, с. 2; 21, с. 137—138]. Что касается лиц, осужденных к лишению свободы и дополнительному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности, то при освобождении их из ИТУ целесообразно делать отметки об этом дополнительном наказании в справках об освобождении, на основании чего соответствующие записи вносились бы в последующем в их документы [145, 1962, № 17, с. 23].

Закрепление этих предложений в законе содействовало бы, как представляется, повышению уровня исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности, позволило бы сделать действи-

тельно реальным и более эффективным судебный контроль и прокурорский надзор за законностью исполнения приговоров к данному виду наказания, а главное — способствовало бы достижению целей, стоящих перед ним.

Однако ряд практических работников считает, что для обеспечения исполнения анализируемого наказания нет необходимости в создании специальной системы органов и достаточно ограничиться лишь внесением соответствующих записей в личные документы осужденного. Так, 8,3% из числа опрошенных судей полагают, что можно ограничиться лишь внесением таких записей в документы осужденного, поскольку это, по их мнению, вполне гарантирует реальное его исполнение. С этим трудно согласиться. Цели лишения права занимать определенные должности состоят не только в том, чтобы предупредить совершение новых аналогичных преступлений со стороны осужденного и иных лиц (общее и специальное предупреждение), которые в значительной степени достигаются уже самим фактом назначения этого наказания, но и в исправлении и перевоспитании осужденного (ст. 20 Основ). Поэтому при исполнении данного наказания задача состоит не только и даже не столько в том, чтобы не допустить осужденного к занятию той должности либо деятельностью, права на которые он лишен на определенный срок приговором суда (для этого действительно было бы достаточно внести соответствующую запись в паспорт или трудовую книжку осужденного), но и в том, чтобы постоянно и целенаправленно вести с ним необходимую воспитательную работу, осуществлять контроль за его поведением с тем, чтобы помочь ему в трудоустройстве, в приобретении при необходимости новой специальности, в новом самутверждении его в обществе. Задача заключается также и в том, чтобы искоренить из сознания осужденного вредные навыки и привычки, сделать его не только безопасным, но и полезным для общества человеком. Для подлинного же исправления и перевоспитания осужденного недостаточно лишь воздействия на него карательно-воспитательных свойств самого наказания, а необходимо привлечение и чисто воспитательных средств и методов воздействия, лежащих за рамками наказания и применяемых наряду с ним. В выполнении этой за-

дачи и состоит главное назначение государственной службы, на целесообразность создания которой указывалось выше. Более того, в связи с тем что в деятельность по исполнению наказания в виде лишения права занимать определенные должности включается и процесс исправления и перевоспитания осужденного, следует не только создать специальную государственную службу по исполнению наказания, но и широко привлечь общественность к участию в его исполнении. Поэтому серьезного внимания заслуживают высказанные в литературе предложения о включении в закон нормы, согласно которой передача осужденного на исправление и перевоспитание трудовым коллективам и общественным организациям применялась бы в каждом конкретном случае назначения наказания, не связанного с лишением свободы [23, с. 144—147; 93, с. 137—138 и др.]. Однако широкое участие общественности в этой деятельности не может, да и не должно заменить на данном этапе функции государственных органов по исполнению наказания.

Согласно ст. 54 Основ уголовного судопроизводства (ст. 403 УПК УССР) вступивший в законную силу приговор суда (а значит, и наказание, назначенное этим приговором) является обязательным для всех государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, должностных лиц и граждан и подлежит исполнению на всей территории СССР. Таким образом, приговор суда, вынесенный именем государства, приобретает особое качество, заключающееся в том, что его выводы и предписания получают общеобязательный характер, становятся законом для конкретного случая и порождают обязанность прежде всего самого осужденного отбыть (претерпеть) назначенное ему наказание. Невыполнение такой обязанности, уклонение осужденного от наказания наносит существенный вред делу борьбы с преступностью, осуществлению общей и специальной превенции, препятствует отправлению правосудия и является по существу нарушением закона, которое должно влечь ответственность для виновного. Уместно в связи с этим привести слова В. И. Ленина: «...одного надзора недостаточно для того, чтобы закон исполнялся. Для этого еще необходимо установить строгие наказания за неисполнение закона» (2, т. 2, с. 295).

Поскольку эффективность и предупредительное значение наказания достигаются, как известно, не только и даже не столько его назначением, сколько исполнением последнего, иначе говоря, находятся в прямой зависимости от того, как оно исполняется, большие значения приобретают и средства, с помощью которых можно предупредить уклонение от наказания и вести борьбу с подобными деяниями. В качестве одного из таких средств (гарантий) исполнения наказания служит установление в уголовном законе особой группы санкций за уклонение осужденного от отбывания наказания. В настоящее время случаи уклонения от подавляющего большинства видов наказания влекут за собой уголовную ответственность (ст. 30, 183, 184, 185 УК). Более того, уголовную ответственность влечет за собой даже уклонение от мер административного принуждения (злостное уклонение от административного надзора, побег из лечебно-трудового профилактория). Между тем исполнение такого вида уголовного наказания, как лишение права занимать определенные должности, не охраняется правовыми санкциями, хотя уклонение от его отбывания причиняет не менее существенный вред интересам социалистического правосудия, чем, скажем, побег из лечебно-трудового профилактория (ст. 186 УК РСФСР), из специального учебно-трудового учреждения (ч. 3 ст. 167 УК УзССР) или уклонение свидетеля от дачи показаний (ст. 179 УК).

Рассматриваемый вид наказания отбывается в течение определенного, сравнительно продолжительного срока, наделен довольно ощутимыми карательными свойствами, связан с отстранением осужденного от такого рода деятельности, преступное использование которой чревато, как правило, серьезной опасностью для охраняемых законом интересов. Довольно распространены являются к тому же, как было показано выше, и случаи уклонения от его отбывания, что ведет к повторному использованию виновным соответствующих прав и полномочий в преступных целях, к нарушению одного из основных принципов — принципа неотвратимости наказания. В связи с этим нет никаких оснований исключать лишение права занимать определенные должности из числа наказаний, уклонение от которых влечет по закону ответственность для виновного. Уста-

новление такой ответственности явилось бы не только одним из необходимых средств повышения эффективности самого наказания, правовой гарантией его исполнения, но и представляется особенно актуальным в интересах профилактики хищений, хозяйственных, должностных, транспортных и ряда других распространенных преступлений.

Следует согласиться с предложениями о закреплении в законе ответственности за уклонение от отбывания данного вида наказания [70, с. 47; 146, 1973, № 3, с. 62 и др.]. В ходе анкетного опроса в пользу такого предложения высказалось и 88,3% судей. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности предусмотрена и в ряде УК зарубежных социалистических государств (ст. 238 УК КНДР 1950 г., § 238 УК ГДР 1968 г., ст. 259 УК ПНР 1969 г.). Норма об ответственности за уклонение от этого вида наказания была известна и советскому уголовному законодательству. Так, УК УССР 1927 г. в ст. 197¹ (в редакции 15 января 1928 г.) устанавливал, что нарушение приговора суда о запрещении заниматься какой-либо деятельностью или промыслом наказывается исправительно-трудовыми работами или штрафом [135].

Что касается характера самой ответственности, то в литературе и среди практических работников высказываются различные мнения на этот счет. Одни считают, что уклонение от этого наказания должно влечь административную ответственность [73, с. 74], другие — уголовную [146, 1967, № 5, с. 50]. Среди опрошенных автором судей мнения также разделились: 34% из них высказались за установление в этих случаях административной ответственности, а 66% — уголовной. При решении этого вопроса следует, видимо, исходить из того, что речь все же идет об уклонении от *уголовного* наказания, вынесенного приговором суда от имени государства. Поэтому представляется, что применение во всех случаях такого уклонения (даже в случаях систематического, злостного) лишь мер административного воздействия не обеспечит должной эффективности исполнения данного вида наказания. Думается, что наиболее целесообразным было бы установление дифференцированной ответственности, как это сделано, например, в отношении на-

рушения правил административного надзора (ст. 196¹ УК). Поэтому за уклонение (нарушение запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), совершенное *впервые*, могла бы наступать административная ответственность. Случай же *злостного* уклонения, т. е. умышленного нарушения указанного запрета, совершенного лицом, к которому в течение года была применена (либо дважды применена) мера административного воздействия за такое же нарушение, должны влечь уголовную ответственность [122, с. 55—57].

Целесообразно было бы также рассмотреть вопрос и об установлении ответственности должностных лиц, которые *заведомо* в нарушение приговора оставляют на прежнем месте работы или принимают на работу лиц, лишенных права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в качестве уголовного наказания. Такие случаи не редки в практике и объясняют их обычно «производственной необходимостью», «отсутствием кадров необходимых работников», «ценными деловыми качествами осужденного» и т. п. [144, 1973, № 8, с. 95; 143, 1974, № 6, с. 30]. В связи с этим заслуживает обсуждения вопрос о воспроизведении во всех УК нормы об ответственности должностных лиц за уклонение от приведения в исполнение судебного приговора или решения, как это установлено в УК АзССР (ст. 188), КазССР (ст. 192) и ЛитССР (ст. 196).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, 4. 3. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1978. — 144 с. 4. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 5. Анашкин Г. З. Условно-досрочное освобождение от наказания. — Бюл. Верховн. Суда СССР, 1972, № 1, с. 45—48. 6. Багрий-Шахматов Л. В. Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право. — М.: Юрид. лит., 1969. — 78 с. 7. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. — Минск: Вышэйшая школа, 1975. — 384 с. 8. Багрий-Шахматов Л. В., Гуськов В. И. Теоретические проблемы классификации уголовных наказаний. Воронеж, 1971. — 108 с. 9. Бажанов М. И. Некоторые вопросы применения наказания. — В кн.: Материалы республиканского семинара по государственному обвинению. Киев, 1972, с. 69—87. 10. Бажанов М. И. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства при назначении наказания. — В кн.: Вопросы государства и права. — М.: Юрид. лит., 1974, вып. 2, с. 246—259. 11. Бажанов М. И. Назначение наказания по совокуп-

- ности преступлений и совокупности приговоров. Харьков, 1977. — 50 с. 12. **Бажанов М. И.** Назначение наказания по советскому уголовному праву. — Киев: Вища школа, 1980. — 216 с. 13. **Бажанов М. И., Сташис В. В.** Новое в уголовном законодательстве. — М.: Юрид. лит., 1970. — 92 с. 14. **Бару М. И.** Некоторые вопросы соотношения норм различных отраслей права в охране прав граждан. — Сов. государство и право, 1963, № 12, с. 67—84. 15. **Белухов А. Л.** Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции. — М.: Юрид. лит., 1971. — 160 с. 16. **Беляев Н. А.** Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. — 186 с. 17. **Борисов В. И.** Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. — Харьков: Вища школа, 1977. — 113 с. 18. **Браинин Я. М.** Уголовный закон и его применение. — М.: Юрид. лит., 1967. — 240 с. 19. **Бровин Г. И., Михайлов В. Т.** Прокурорский надзор за законностью исполнения приговоров. — М.: Юрид. лит., 1977. — 136 с. 20. **Бушуев И. А.** Исправительные работы. — М.: Юрид. лит., 1968. — 200 с. 21. **Вольфман Г. И.** Квалификация преступлений против советской торговли. Саратов, 1977. — 140 с. 22. **Габиани А. А.** Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения. — Тбилиси: Мецниереба, 1968. — 160 с. 23. **Гальперин И. М.** Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью. — М.: Юрид. лит., 1972. — 184 с. 24. **Гальперин И. М.** Задачи совершенствования теории и практики применения наказаний, не связанных с лишением свободы. В кн.: Наказания, не связанные с лишением свободы. — М.: Юрид. лит., 1972, с. 3—29. 25. **Гальперин И. М.** Роль наказания при социальных изменениях. — Сов. государство и право, 1972, № 3, с. 113—119. 26. **Гальперин И. М., Ромазин С. Б.** Назначение условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. — М.: ВНИИПП, 1971. — 58 с. 27. **Гершензон А. А.** Уголовное право. Часть Общая. — М.: Изд-во ВЮА, 1948. — 496 с. 28. **Гинцбург Л. Я.** Трудовой стаж рабочих и служащих. — М.: Госюриздат, 1958. — 203 с. 29. **Голinna В. В.** Погашение и снятие судимости по советскому уголовному праву. — Харьков: Вища школа, 1979. — 137 с. 30. **Горелик А. С.** Назначение наказания по совокупности. — Красноярск, 1975. — 272 с. 31. **Горелик И. И., Тишкевич И. С.** Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного Суда БССР. — Минск: Вышэйшая школа, 1973. — 224 с. 32. **Дурманов Н. Д.** Советский уголовный закон. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — 320 с. 33. **Евтеев М. П.** Погашение и снятие судимости. — М.: Госюриздат, 1964. — 64 с. 34. **Ефимов М. А.** Некоторые вопросы условно-досрочного и досрочного освобождения. — Правоведение, 1958, № 1, с. 84—94. 35. **Загородников Н. И.** Преступления против здоровья. — М.: Юрид. лит., 1969. — 168 с. 36. **Зельдов С. И.** Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. — Орджоникидзе, 1974. — 72 с. 37. **Иванов В. Н.** К дальнейшему совершенствованию советского уголовного законодательства о лишении прав граждан. — Уч. зап. ВНИИСЗ — М., 1964, вып. 3(20), с. 146—166. 38. **Иванов В. Н.** Судебная практика по делам о преступной бесхозяйственности. — В кн.: Комментарий судебной практики за 1976 год. — М.: Юрид. лит. 1977, с. 93—104.

39. **Иванов В. Н., Фистин А. Н.** Назначение наказания за повторные преступления. — В кн.: Научный комментарий судебной практики за 1972 год. — М.: Юрид. лит., 1973, с. 148—160. 40. **Иванов В. Н., Цветинович А. Л.** Условно-досрочное освобождение от наказания. — Там же, с. 161—170. 41. **Карпец И. И.** Отягчающие и смягчающие обстоятельства в уголовном праве. — М.: Госюриздат, 1959. — 120 с. 42. **Карпец И. И.** Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1973. — 288 с. 43. **Кириченко В. Ф.** Вопросы применения наказания за должностные преступления. — Тр. ВШ МООН РСФСР. — М., 1965, вып. 12, с. 146—163. 44. Комментарий к Уголовному кодексу БССР. — Минск: Высшая школа, 1971. — 392 с. 45. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М.: Юрид. лит., 1980. — 416 с. 46. Комментарий к Уголовному кодексу Эстонской ССР. — Таллин: Ээсти Раамат, 1968. — 566 с. 47. **Кондрашков Н.** Меры наказания в законе и на практике. — Соц. законность, 1968, № 2, с. 20—26. 48. **Корягина Т.** Действенное средство предупреждения хищений. — Соц. законность, 1968, № 8, с. 19—22. 49. **Крахмальник Л. Г., Яковлев А. М.** Исполнение наказаний, не соединенных с неправильно-трудовым воздействием. — В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. — Тр. ВНИИСЗ. — М., 1977, № 8, с. 115—125. 50. **Кригер Г. А.** Наказание и его применение. — М.: Госюриздат, 1962. — 72 с. 51. **Кригер Г. А.** Квалификация хищений социалистического имущества. — М.: Юрид. лит., 1971. — 360 с. 52. **Кригер Г. А.** Квалификация хищений социалистического имущества. 2-е изд. — М.: Юрид. лит., 1974. — 336 с. 53. **Кригер Г. Л.** Влияние характера общественной опасности преступления на дифференциацию и индивидуализацию ответственности. — В кн.: Проблемы правосудия и уголовного права. — М.: ИГП АН СССР, 1978, с. 143—155. 54. **Кругликов Л. Л.** Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. — Ярославль, 1977. — 84 с. 55. **Кругликов Л. Л.** Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. Часть Особенная. — Ярославль, 1979. — 90 с. 56. **Кудрявцев В. Н.** Общая теория квалификации преступления. — М.: Юрид. лит., 1972. — 352 с. 57. **Кузнецова Н. Ф.** Значение преступных последствий для уголовной ответственности. — М.: Госюриздат, 1958. — 220 с. 58. **Куринов Б. А.** Индивидуализация наказания за транспортные преступления. — Сов. государство и право, 1966, № 12, с. 81—84. 59. Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. I. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. — 646 с. 60. Курс советского уголовного права, т. III. — М.: Наука, 1970. — 352 с. 61. Курс советского уголовного права, т. V. — М.: Наука, 1971. — 572 с. 62. Личность преступника/Под. ред. **В. Н. Кудрявцева, Г. М. Миньковского** и **А. Б. Сахарова.** — М.: Юрид. лит., 1975. — 272 с. 63. **Ломако В. А.** Применение условного осуждения. — Харьков: ВУЦа школа, 1976. — 126 с. 64. **Лысов М. Д.** Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. — Казань, 1972. — 176 с. 65. **Лысов М. Д.** Наказание и его применение за должностные преступления. — Казань, 1977. — 157 с. 66. **Малков В. П.** Совокупность преступлений. — Казань, 1974. — 308 с. 67. **Матвиенко Е. А.** Приговор суда и его исполнение. — Минск, Высшая школа, 1968. — 180 с. 68. **Матышенский П. С.** Уголов-

но-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР. — Киев: Изд-во КГУ, 1972. — 204 с. 69. **Махоткин В.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. — Сов. юстиция, 1970, № 17, с. 10—11. 70. **Махоткин В.** Проблемы исполнения дополнительного наказания. — Соц. законность, 1970, № 10, с. 46—47. 71. **Махоткин В. П.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по советскому уголовному праву. Дис. ...канд. юрид. наук. — М.: ВНИИПП, 1971. — 221 с. 72. **Махоткин В. П.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по советскому уголовному праву. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М.: ВНИИПП, 1971. — 18 с. 73. **Махоткин В. П.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. — В кн.: Наказания, не связанные с лишением свободы. — М.: Юрид. лит., 1972, с. 63—74. 74. **Мельникова Ю., Алиев Н.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. — Сов. юстиция, 1980, № 11, с. 6—7. 75. **Михайлов В. Т.** Прокурорский надзор за законностью исполнения приговоров к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Дис. ...канд. юрид. наук. — М.: ВНИИПП, 1967. — 250 с. 76. **Мшвеннерадзе П. Я.** Институт давности в советском уголовном праве. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970. — 292 с. 77. **Наташев А. Е., Стручков Н. А.** Основы теории исправительно-трудового права. — М.: Юрид. лит., 1967. — 190 с. 78. **Наумов А. В.** Применение уголовно-правовых норм. — Волгоград, 1973. — 176 с. 79. **Немировский Э. Я.** Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. — Одесса, 1926. — 368 с. 80. **Никифоров А. С.** Совокупность преступлений. — М.: Юрид. лит., 1965. — 134 с. 81. **Ной И. С.** Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. — Саратов, 1962. — 156 с. 82. **Ной И. С.** Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. — Саратов, 1973. — 193 с. 83. **Орел Л.** Щодо питання умовно-дострокового звільнення від покарання. — Рад. право, 1968, № 11, с. 70—74. 84. **Орлов В. С.** Субъект преступления. — М.: Госюриздат, 1958. — 260 с. 85. **Орымбаев Р.** Уголовная ответственность работников торговли. — Алма-Ата: Наука, 1973. — 147 с. 86. **Осипов П. П.** Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 136 с. 87. **Осипов П. П.** Теоретические основы назначения наказания. Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 27 с. 88. **Панов Н. И.** Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. — Харьков: Вища школа, 1977. — 128 с. 89. **Панченко Н. И.** Наказание как кара и правовое средство воспитания. — В кн.: Проблемы борьбы с преступностью. — Омск, 1979, с. 3—19. 90. **Перлов И. Д.** Исполнение приговора в советском уголовном процессе. — М.: Госюриздат, 1963. — 228 с. 91. **Пионтковский А. А.** Основные аспекты теории наказания. — Сов. государство и право, 1969, № 7, с. 34—42. 92. **Плохова В. И.** Пути повышения эффективности наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, применяемого к осужденным по ст. 92 УК РСФСР. — В кн.: Вопросы

- повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях. — Научн. тр. Свердловск. юрид. ин-та, 1979, с. 152—159. 93. Потеружа И. И. Суд и общественность в предупреждении правонарушений. — Минск: Наука и техника, 1974. — 192 с. 94. Русалинова А. А. Формирование коммунистического отношения к труду. — В кн.: Социальная психология личности. — Л.: Знание, 1974, с. 53—67. 95. Саркисова Э. А. Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений. — Минск: Наука и техника, 1975. — 192 с. 96. Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений. — Сов. государство и право, 1972, № 11, с. 66—72. 97. Светлов А. Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. — Киев: Наук. думка, 1972. — 188 с. 98. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. — СПб., 1900. — 385 с. 99. Смольников В. Е. Давность в уголовном праве. — М.: Юрид. лит., 1973. — 144 с. 100. Советское уголовное право. Часть Общая. — М.: Госюриздат, 1962. — 451 с. 101. Советское уголовное право. Часть Общая. — М.: Госюриздат, 1964. — 432 с. 102. Советское уголовное право. Общая часть. — М.: Изд-во МГУ, 1974. — 445 с. 103. Советское уголовное право. Общая часть. — М.: Юрид. лит., 1977. — 544 с. 104. Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1958. — 204 с. 105. Сташис В. В. Уголовно-правовая охрана социалистического хозяйства. — Харьков: Вища школа, 1973. — 160 с. 106. Стручков Н. А. Назначение наказания при совокупности преступлений. — М.: Госюриздат, 1957. — 144 с. 107. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. — Саратов, 1977. — 208 с. 108. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. т. II. — СПб., 1902. — 1460 с. 109. Таший В. Я. Вопросы применения ст. 43 УК РСФСР. — Правоведение, 1976, № 6, с. 106—110. 110. Таший В. Я. Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной промышленной продукции. — Харьков, 1978. — 64 с. 111. Тихий В. П. Ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву. — Харьков: Вища школа, 1976. — 128 с. 112. Ткачевский Ю. М. Досрочное освобождение от наказания. — М.: Госюриздат, 1962. — 136 с. 113. Ткачевский Ю. М. Замена неотбытой части наказания более мягким наказанием. — Вестн. МГУ, 1966, № 1, с. 50—59. 114. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. — М.: Юрид. лит., 1970. — 240 с. 115. Ткачевский Ю. М. Давность в советском уголовном праве. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 128 с. 116. Ткешдеадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. — Тбилиси: Мецниереба, 1975. — 176 с. 117. Тютюгин В. И. Основания назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. — В кн.: Проблемы эффективности уголовного закона, Уч. тр. Свердловск. юрид. ин-та, 1975, вып. 37, с. 101—105. 118. Тютюгин В. И. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид наказания по советскому уголовному праву. — Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — Харьков, 1975. — 20 с. 119. Тютюгин В. И. Условно-досрочное освобождение от дополнительных наказаний. — В кн.: Вопросы государства и права развитого социалистического общества. — Харьков, 1975, с. 216—218. 120. Тютю-

гин В. И. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. — Харьков, 1976. — 38 с. 121. Тютюгин В. И. Назначение разнородных основных наказаний по совокупности преступлений. — В кн.: Проблемы социалистической законности. — Харьков: Вища школа, 1978, вып. 3, с. 66—73. 122. Тютюгин В. И. Совершенствование норм об ответственности за уклонение от наказания. — В кн.: Проблемы социалистической законности. — Харьков: Вища школа, 1980, вып. 5, с. 51—57. 123. Уголовное право. Часть Общая. — М.: Юрид. лит., 1966. — 512 с. 124. Уголовное право БССР. Часть Общая. — Минск: Выпэйшая школа, 1978. — 335 с. 125. Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. — Киев: Политиздат Украины, 1978. — 684 с. 126. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб., 1889. — 500 с. 127. Чечель Г. И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. — Саратов, 1978. — 166 с. 128. Шаргородский М. Д. Вопросы Общей части уголовного права. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. — 256 с. 129. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. — 240 с. 130. Шварц Г. Освобождение от дополнительного наказания лиц, условно-досрочно освобожденных от основного наказания. — Сов. юстиция, 1968, № 6, с. 25—26. 131. Шубин В. Повышать роль судебной практики в предупреждении преступлений. — Сов. юстиция, 1980, № 12, с. 5—7. 132. Юшков Ю. Н. Назначение наказания по совокупности преступлений и приговоров. — М.: Юрид. лит., 1975. — 86 с. 133. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952. — М.: Госюриздат, 1953. — 464 с. 134. СП СССР. 135. СУ УССР, 1928, № 11, ст. 104. 136. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, ч. 2. — М.: Известия, 1978. — 588 с. 137. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1977. — М.: Юрид. лит., 1978. — 312 с. 138. Збірник постанов Пленуму Верховного Суду Української РСР. 1962—1976. Київ: Політвидав України, 1977. — 240 с. 139. Сборник постановлений Пленума и определений судебных коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1959—1971. — М.: Юрид. лит., 1973. — 416. 140. Сборник постановлений Президиума и определений коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972. — М.: Юрид. лит., 1974. — 648 с. 141. Бюл. Верховн. Суда СССР. 142. Бюл. Верховн. Суда РСФСР. 143. Рад. право. 144. Сов. государство и право. 145. Сов. юстиция. 146. Соц. законность.